

Лев Гумилев

Древняя Русь
и Великая степь

ФТМ

Лев Гумилев

Древняя Русь и Великая степь

«ФТМ»

1989

Гумилев Л. Н.

Древняя Русь и Великая степь / Л. Н. Гумилев — «ФТМ»,
1989

ISBN 978-5-4467-1047-8

Книга выдающегося русского этнографа Льва Николаевича Гумилева посвящена одной из самых сложных и запутанных проблем отечественной истории – вопросу взаимоотношений Древней Руси и кочевников Великой степи на протяжении всего Средневековья. Увлекательная и эмоциональная, написанная безупречным языком, эта работа стала блестящей попыткой реконструкции подробной и целостной картины истории Евразии в XI–XIV веках.

ISBN 978-5-4467-1047-8

© Гумилев Л. Н., 1989

© ФТМ, 1989

Содержание

Оправдание книги	6
Постановка проблемы	8
Тезис	8
Хазария и Ойкумена до 800 г	10
Что искать и как искать?	12
Необходимо и достаточно	13
Способ исследования	15
Без чего надо обойтись	16
Условимся о значении терминов	19
Восточные славяне, но еще не Русь	22
Часть первая	25
I. В ареале угасшей пассионарности	25
1. Описание хазарской страны	25
2. Этнос «отраженного света»	26
3. Развивалась ли в хазарии культура?	28
4. Фазы этногенеза в западной Евразии	30
5. Между горами и морем	33
6. Запад	35
II. Мусульманский суперэтнос	38
7. Появление арабов	38
8. Вторжение в Хазарию	40
9. Неожиданная победа	42
10. Смена фазы	43
11. Поборники искаженного света	47
12. Смещение	49
III. Христианский суперэтнос	52
13. Кризис Запада	52
14. Викинги и феодалы	54
15. Рождение Европы	56
16. Накануне великого раскола	58
17. Отсутствие соответствий	61
IV. Блуждающий суперэтнос	63
18. Сквозь грани веков	63
19. Исповедание – символ этногенеза	66
20. Вернемся в иудею	67
21. Несовместимость	69
22. Еще одна «Столетняя война»	71
23. У персов V–VII вв	74
24. У арабов VII в	76
25. У греков VIII в	77
Часть вторая	80
V. Князья изгнания	80
26. В гостях у хазар	80
27. В летописях есть не все	82
28. Рахдониты	84
29. Неполющенные	87

30. И грянул гром...	89
VI. Рождение химеры (809–838)	91
31. Власть	91
32. Расправа	92
33. Химера на Волге	93
34. Скепсис	95
35. А где же искусство?	96
36. Двоевластие	97
VII. Разрастание химеры (839–898)	100
37. Четыре каганата	100
38. Русский каганат	105
39. Друзья обновленной Хазарии	107
40. Перейдем к Византии	108
41. Рахдониты и норманны	110
42. Поиск непротиворечивой версии	112
43. Война русов с греками в 907 г	116
VIII. Бросок химеры (899–944)	119
44. На рубеже IX–X веков	119
45. Гнев стихий	120
46. Вокруг Каспийского моря	122
47. Обманутый союзник	123
48. Враги обновленной Хазарии	126
49. Подвиги полководца Песаха	128
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Лев Гумилев

Древняя Русь и Великая степь

Оправдание книги

Еще на первом курсе истфака автору пришла в голову мысль заполнить лакуну во Всемирной истории, написав историю народов, живших между культурными регионами: Западной Европой, Левантом (Ближним Востоком) и Китаем (Дальним Востоком). Задача оказалась сверхсложной; ее нельзя было решить без помощи географии, потому что границы регионов за исторический период неоднократно передвигались, этническое наполнение Великой степи и сопредельных с нею стран часто менялось как вследствие процессов этногенеза, так и из-за постоянных миграций этносов и вытеснения одних мировоззрений другими. Не оставалась стабильной и физико-географическая обстановка. На месте лесов возникали степи и пустыни как из-за климатических колебаний, так и из-за хищнического воздействия человека на природную среду. Вследствие этого людям приходилось менять системы хозяйственной деятельности, что, в свою очередь, влияло на характер социальных взаимоотношений и культур. Да и культурные связи приносили в мироощущение населения Евразийского континента разнообразие, в каждую эпоху – специфическое.

Все эти компоненты исторического процесса так тесно связаны между собой, что опустить какой-либо из них невозможно, но если добавить к ним уточнения хронологические, генеалогические, социологические и т. п., то получится, что книга окажется собранием разнообразных сведений и, сообщая читателю «что и кто?», не будет содержать ответа на вопросы: «как?», «почему?» и «что к чему?», ради которых предпринято ее начертание. Очевидно, для решения задачи надо применить подходящие приемы исследования.

Для описания событий, происходящих в Восточной Евразии, была применена методика подачи по трем уровням. Самые мелкие детали, необходимые для уточнения хода событий, были описаны в статье традиционными приемами исторического исследования. Этих статей – исторических, географических и археологических – пришлось написать более ста.

Второй уровень – обобщение – дал жизнь специальным монографиям (Хунну. М., 1960; Хунны в Китае. М., 1974; Древние тюрки. М., 1967; Поиски вымышленного царства. М., 1970; Открытие Хазарии. М., 1966). Все они были выполнены также традиционными приемами, за одним исключением – они были написаны не академическим языком, а «забавным русским слогом», что повысило усвояемость текста и расширило круг читателей.

Однако главная цель достигнута не была, ибо был оставлен без ответа вопрос: где «начала и концы», т. е. границы, историко-географических феноменов? Поэтому пришлось специально разобрать теорию происхождения и исчезновения этносов на фоне изменяющейся природной среды.¹ Только после этого появилась возможность перейти от описания истории к пониманию ее как ряда закономерных процессов биосферы и социосферы. Но поскольку биосфера, как и вся поверхность Земли, мозаична, то столкновения этногенезов друг с другом неизбежны. Тогда явилась необходимость в еще одной книге, а именно в этой самой, ныне предлагаемой читателю. Но стоит ли задача такого труда, который необходим для ее решения? Стоит, и вот почему.

В истории человечества не все эпохи освещены равно. Там, где процессы социогенеза, этногенеза и ноогенеза (развития культуры) протекали без нарушений со стороны враждебных соседей, историкам было легко. При столкновениях этносов или государств трагические

¹ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

последствия просто фиксировались и одна из сторон объявлялась виновной в бедствиях другой. Но там, где вся канва истории проходила в зоне антагонистического контакта, уловить закономерность очень трудно; поэтому эти разделы истории остались либо ненаписанными, либо написанными крайне бегло и поверхностно. А жаль, ибо именно эти эпохи имели важное значение не только для их участников, но и для всемирной истории.

К числу таковых относится период IX–XII вв. в Юго-Восточной Европе. Здесь происходили контакты славян с русами, кочевников с оседлыми, христиан с язычниками, хазар с евреями. Все было перемешано и перепутано до тех пор, пока Владимир Мономах не внес вооруженной рукой ясность, после чего стало наконец понятно, где свои, а где чужие.

И тут постоянно возникает обывательский вопрос: а зачем изучать процессы, которыми мы не можем управлять? Есть ли в этом практический смысл, оправдывающий затраты труда и материальные потери? Ответим примерами! Управлять землетрясениями или путями циклонов люди не умеют, но сейсмография и метеорология помогают спастись от стихийных бедствий и, наоборот, использовать благоприятные условия с наибольшим эффектом. Ведь не все равно при цунами, предотвратить которого мы не можем, уйти на ближнюю гору или дать океанской волне смыть себя на дно. Ради собственного спасения необходимо изучать вулканическую деятельность, такую же стихийную, как этногенез.

Постановка проблемы

Тезис

Принцип этногенеза – угасание импульса вследствие энтропии,² или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, – не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции – суперэтносы живут в своих экологических нишах – вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема – обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданностями, как правило неприятными, а иногда трагичными.

Если при таких коллизиях этнос не исчезает, то процесс восстанавливается, но экзогенное воздействие всегда оставляет на теле этноса рубцы и память об утратах, часто невосполнимых. Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности. Их следует всегда учитывать как зигзаги, само наличие коих является необходимой составной частью этногенеза, ибо никто не живет одиноко, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух систем задача легко решается противопоставлением «мы – наши враги», но при трех и более получить решение трудно. А именно три этнокультурные традиции столкнулись в Восточной Европе в IX–XI вв., и только в XII в. зигзаг истории был преодолен, после чего начался культурный расцвет при пассионарном спаде, т. е. инерционная фаза этногенеза. Это уникальный вариант этнической истории, и тем-то он представляет интерес в ряде аспектов, о которых речь пойдет ниже.

Эволюционная теория Дарвина и Ламарка была предложена для объяснения видообразования, а этногенез – процесс внутривидовой и специфичный. Уже потому применение принципов эволюции к этническим феноменам неправомерно.

Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила – персистенты (твердые, устойчивые) – не продлевают свою жизнь, а останавливают ее, как Фауст остановил мгновение; но ведь тут-то его и зацапал Мефистофель! Значит, для динамичного этноса такое решение проблемы бессмертия противопоказано.

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация); 2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия). Все три варианта можно проследить всего за один век – XII. Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами». Здесь легко проследить вариации соотношения Руси и Степи. Этим занимались самые замечательные историки XVIII–XIX вв., вследствие чего следует ознакомиться с их представлениями, но, конечно, под углом зрения этнологии, ибо эта новая наука уже показала, на что она способна. А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов, будь

² Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

то реликты или просто обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови и муках он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии. Об этом и пойдет наша беседа с читателем.

И автору, и, вероятно, читателю интересна история Древней Руси, которая, по мнению летописца, возникла как определенная целостность только в середине IX в.³ А что было до этого? Кто окружал эту новорожденную этническую систему? Кто был ей другом, а кто врагом? Почему об этом негде прочесть, хотя источники повествуют о хазарах и варягах и даже о западных славянах, тюрках и монголах? В книгах есть простое перечисление событий, в том числе недостоверных. Они сведены в синхронистическую таблицу, предлагаемую ниже, но связи между этими событиями потребовали дополнительного критического анализа и выбора точки отсчета.

Наиболее выгодным пунктом для широкого обозрения оказались низовья Волги, а проблема свелась к вопросу: почему Киевская Русь, испытавшая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу? Для того чтобы найти ответ, стоит постараться. Но не надо забывать, что в большую цель легче попасть, чем в маленькую. Поэтому рассмотрим наш сюжет на фоне обширного региона между Западной Европой и Китаем, ибо только такой подход поможет нам справиться с поставленной задачей.

³ Первая дата – 859 г.; Повесть временных лет (далее: ПВЛ). М.; Л., 1950.

Хазария и Ойкумена до 800 г

Начнем с краткого напоминания об исходной ситуации, на фоне которой начался изучаемый процесс. Самое легкое для восприятия – это обзор ойкумены на уровне суперэтносов с учетом возрастных фаз ненарушенных этногенезов.⁴ За исключением многочисленных реликтов, в том числе самих хазар, наиболее старыми были кочевники Великой степи, потомки хуннов и сарматов, этнические системы коих сложились в III в. до н. э. В 800 г. они имели три каганата: Уйгурский – на востоке Степи, Аварский – на западе и Хазарский – на Волге и Северном Кавказе. Только в этом последнем правила тюркютская династия Ашина, прочие уже вступили в фазу обскурации, заменяя оригинальную степную культуру заимствованными мировоззрениями, и оба каганата, несмотря на внешний блеск, находились на пороге гибели.

Пассионарный толчок I в. к середине II в. породил Византию, Великое переселение народов и Славянское единство. Эти три феномена находились в IX в. на рубеже фазы надлома и инерционной фазы этногенеза. Византии предстоял расцвет культуры, славянству – расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 г., угрожала неотвратимая судьба – в недрах ее, как в соседних Скандинавии и Астурии, шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, в следующих IX–X вв. разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».

Наиболее активными были суперэтносы, возникшие около 500 г. в полосе, тянувшейся от Аравии до Японии: мусульманский халифат, от которого уже оторвалась мусульманская Испания, раджпутская Индия, Тибет, превратившийся из маленького племени ботов в претендента на гегемонию в Центральной Азии, империя Тан, уже надломленная внешними неудачами и внутренними потрясениями, и Япония, внезапно вступившая на путь реформ, что принесло ей много горя.

Эти суперэтносы находились в акматической фазе этногенеза. Пассионарность разрывала их на куски, ломала культурные традиции, мешала установлению порядка и в конце концов, прорвав оковы социальной и политической структуры, растеклась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары. Но это была пока перспектива, а в 800 г. халифат Аббасидов, Тибетское царство и империя Тан стояли столь крепко, что казались современникам вечными. Обычная аберрация близости, характерная для обывательского восприятия мира, – современное считается постоянным.

Но, несмотря на разнообразие возрастов, вмещающих ландшафтов, культурных типов и при вариабельности политических форм феодализма, между всеми перечисленными этносами, да и реликтами, было нечто общее: все они появились вследствие взрывов пассионарности в определенных географических регионах, к которым были уже приспособлены их предки – этнические субстраты. Следовательно, миграции их носили характер расселения в сходных ландшафтных условиях, привычных и пригодных для ведения хозяйства традиционными приемами. Исключение составляли некоторые германские этносы: готы, вандалы, руги, лангобарды. Так они и погибли как этнические системы, а их потомки слились с аборигенами Испании, Италии и Прованса. Этносы франков и англосаксов расширялись в привычном ландшафте... и уцелели.

Благодаря этой географической закономерности в I тысячелетии н. э. почти незаметна роль этнических химер, которые если и возникали в пограничных районах, например в IV–

⁴ Подробнее см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

V вв. в Китае,⁵ то были неустойчивы и недолговечны. Но и тут было исключение из правил: этнос, освоивший антропогенный ландшафт вместе с его аборигенами, стал независим от природных ландшафтов и получил широкую возможность распространения. Для этого этноса ареалом стала вся ойкумена, а контакты его с местными жителями стали не симбиотичными, а химерными. Посмотрим (оставаясь в пределах окрестностей Каспийского моря), как возникали такие системы и к чему это привело аборигенов и мигрантов. Этого будет для решения поставленной задачи необходимо и достаточно.

Однако история культуры на территории Восточной Европы в I тысячелетии изучена весьма неполно. Следы ее исчезли, но это повод, чтобы поставить проблему так: культурный ареал всегда имеет центр, как бы столицу, которой принадлежит гегемония. Древняя Русь перехватила гегемонию у Хазарского каганата в X в. Следовательно, до X в. гегемония принадлежала хазарам, а истории Древней Руси предшествовала история Хазарии. Но история Хазарии имела две стороны: местную и глобальную, принесенную с Ближнего Востока еврейскими эмигрантами. Без учета фактора международной торговли история не только Хазарии, но и всего мира непонятна.

Поскольку выводы, к которым мы пришли, весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии, необходимо объяснить читателю, почему у автора появилось право на недоверие к источникам. А чем отличается этническая история от истории социально-политической и культурно-идеологической, будет ясно из текста и характера изложения.

⁵ См.: Гумилев Л. Н. Хунны в Китае.

Что искать и как искать?

Поставленная нами задача одновременно и перспективна, и крайне сложна. С одной стороны, в Юго-Восточной Европе переплелись воздействия многих суперэтносов: евразийских тюрков – наследников эпохи Великого каганата,⁶ Византии, мусульманского мира эпохи халифата и «христианского мира», только что сложившегося в суперэтническую целостность. Не меньшее значение имели реликты Великого переселения народов Азии – неукротимые угры, воинственные куманы (ветвь динлинов). Но на первом месте стояла Древняя Русь, сомкнувшая свои границы с Великой степью. Уловить и описать характер взаимоотношений этих этнических групп на одной территории и в одну эпоху – значит решить проблему этнического контакта путем эмпирического обобщения.

Но, с другой стороны, история хазар писалась неоднократно и осталась непонятной из-за разнообразия многоязычных источников, свести которые в непротиворечивую версию крайне сложно. То же самое можно сказать об археологических находках, в том числе сделанных автором. Без дополнительных данных они проблему не проясняют.

И, наконец, по поводу значения этнических контактов для истории культуры общего мнения нет. Одни считают, что любой контакт и метисация – благо, другие утверждают, что это гибель, третьи полагают, что смешение народов вообще не имеет значения для их судьбы. Но, самое главное, никто не привел достаточно веских аргументов в свою пользу и опровержений иных точек зрения.

Мы придерживаемся четвертого мнения: смеси чего угодно – газов, вин, людей... – не могут быть подобны первичным ингредиентам, но последствия смешений этносов всегда разнообразны, ибо зависят от ряда обстоятельств: 1. Характера взаимодействия того и другого этноса с окружающей географической средой, ибо от этого зависят способы ведения хозяйства, которые вызывают либо симбиоз, либо соперничество. 2. Соотношения фаз этногенеза обоих компонентов. Фазы могут совпасть или нет, а в последнем случае более пассионарный этнос давит на соседа независимо от личного желания отдельных его представителей, даже вопреки их воле. 3. Комплиментарности, проявляющейся при совмещении культурно-психологических доминант, которая может быть позитивной или негативной. Знак комплиментарности проявляется в безотчетной симпатии или антипатии на популяционном уровне. 4. Перспективности контакта, ибо он может вести либо к ассимиляции одного этноса другим, либо к элиминации, а проще – истреблению одного этноса другим, либо к слиянию двух этносов в единый третий – это и есть рождение этноса.

Короче говоря, решение поставленной проблемы требует привлечения не только географии, но и истории, т. е. описания событий в их связи и последовательности на том уровне, который в данном случае является оптимальным. И найти этот уровень необходимо.

⁶ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки.

Необходимо и достаточно

Говорят, и это верно, что в одной книге нельзя написать всего, что знаешь. Да это и не нужно читателю, который не собирается пережеглотать автора эрудицией, но желает получить представление о предмете исследования.

Значит, автор должен чем-то пожертвовать, а самое целесообразное – не писать того, «что все равно напишут немцы» (как говаривал Н. В. Тимофеев-Ресовский), т. е. библиографию и историю вопроса. Действительно, библиография по хазарам, составленная Славянским отделом Нью-Йоркской публичной библиотеки, опубликована в «*Bulletin of the New York Public library*». 42 (N.Y., 1938. P. 695–710), а вслед за тем в книге Моравчика (Moravcsik G. *Byzantinoturcica*. I. Berlin, 1958), не считая ряда других изданий.⁷ Ну зачем повторять прекрасно проделанную работу? А что нужно?

Считается, что на возникший у читателя вопрос должен быть ответ в источниках и исследованиях. Но его там нет! Ответ содержится не в самих сочинениях, а где-то между ними, и решение вытекает из широких сопоставлений фактов и явлений. Следовательно, та история, которая нам нужна, может быть написана не по источникам, а по фактам, отслоенным от источников. Это возможно потому, что таких фактов скопилось достаточно. Казалось бы, задача проста. Политическая история Хазарии коротка – 650–965 гг., территориально ограничена, связи с соседями прослеживаются четко. Литература вопроса необъятна, но, к счастью для нас, это потеряло значение после появления сводной работы М. И. Артамонова «История хазар». Эта книга содержит почти весь нужный нам материал по политической истории Хазарского каганата, но слабо освещает хазарскую палеогеографию и палеоэтнографию, а также оставляет нерешенным ряд проблем, что лишь отчасти восполнено нами при редактировании этой книги, в подстрочных примечаниях и последующих публикациях.

Книга М. И. Артамонова – это история событий, проливающая на проблему яркий и чистый белый свет. Но известно, что, преломляясь в фокусе линзы, этот свет распадается на разноцветный спектр, а это-то и нужно для анализа явления. Красный луч социального прогрессивного развития, желтый свет с оранжевым золотистым оттенком – культурная традиция, синие-зеленые тона – воздействие климатических изменений вечно колеблющегося воздушного океана и белесый ультрафиолет пассионарного напряжения, невидимый, но обжигающий кожу, – все это разнообразие доступно лишь современному ученому, совмещающему естествознание с историей и социологией.

История событий для этнолога – необходимый трамплин, исходный пункт изучения. Эта история ставит вопрос «как?», но не «почему?» и «а не могло ли быть иначе?». А ведь именно эти вопросы волнуют читателей XX в. Поэтому дальнейшее развитие идей и тем М. И. Артамонова не снижает значения его труда, а, наоборот, дает его вкладу в науку новую жизнь.

В 1959–1963 гг. в дельте Волги были обнаружены хазарские погребения и могилы соседей хазар.⁸ Тогда же удалось установить характер климатических колебаний в степной зоне Евразии и даты трансгрессий Каспийского моря, весьма сильно повлиявших на судьбу волжских хазар.⁹ Физическая география внесла свой вклад в историю. Но всего этого оказалось мало для связного объяснения величия и падения Хазарии. Потребовалось привлече-

⁷ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 7.

⁸ Gumilev L.N. New Data on the Khazars // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 19. Budapest, 1967. P. 61–103 (литература на рус. яз. – в сносках).

⁹ Gumilev L.N. Les fluctuations du niveau de la mer Caspienne // *Cahier du monde russe et soviétique*. Vol. VI. № 3. Paris – Sorbonne, 1965. P. 331–336 (литература на рус. яз. – в сносках).

ние этнологической методики и нескольких дополнительных исследований, чтобы кратко и четко, с минимальным числом деталей истолковать этническую историю Хазарии и сопредельных стран.

Границы бывают пространственные, временные и каузальные, т. е. причинные. Поскольку в трактате «Этногенез и биосфера Земли» было показано, что этническая история не беспорядочный набор сведений, «без начала и конца» (А. Блок), и не просто «дней минувших анекдоты» (А. Пушкин), а строгие цепочки причинно-следственных связей, с началом и концом, переплетенные между собой, то, чтобы попасть в цель, надо учитывать прошлое процесса, его окружение в изучаемый период и общую панораму после пятого акта трагедии. Да, именно трагедии, ибо каждый «конец» – это гибель того, чему было посвящено историческое повествование.

Поэтому автор просит читателя ознакомиться с историей Нижнего Поволжья¹⁰ и добавляет к этому здесь предваряющий экскурс об этносе, внедрившемся в просторы Великой степи, благодаря чему и возник зигзаг истории, которого могло бы и не быть, если бы события на Ближнем Востоке в I тысячелетии н. э. происходили хоть чуть-чуть иначе.

Среди историков бытует убеждение, что все, что произошло, не могло не произойти, сколь бы незначительным ни было событие по масштабу. Это мнение нигде не доказано, по сути дела предвзято, а потому не обязательно ни для читателя, ни для мыслителя. Конечно, законы природы и социального развития не могут быть изменены произвольно, но поступки отдельных персон не предусмотрены мировым порядком, даже если они влекут за собой существенные последствия. Другое дело, что они взаимно компенсируются в процессах глобальных, региональных и эпохальных, но образуемые этими поступками зигзаги дают ту степень приближения, которая необходима для уточнения описываемого явления. Вот почему учет подробностей для этнической истории не помеха, хотя и не самоцель.

¹⁰ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М.: ВИНТИ, 1987.

Способ исследования

Этнологическое исследование в отличие от исторического, базирующегося на источниках, основано на сумме достоверных фактов, почерпнутых из монографий, где источники прошли проверку путем исторической критики. Но если привлечен новый материал, или старый требует пересмотра, или учтены малоизвестные сведения из смежных областей, связанных с нашим сюжетом, исследования проведены традиционной методикой и отражены в сносках.

Несоблюдение этого условия сделало нашу работу трудной для чтения из-за перегрузки мелочами, которые отвлекают внимание читателя, но не дают ничего существенно нового и важного.

Значительную часть книги М. И. Артамонова составляет пересказ источников с большим количеством подробностей, повторять которые нет смысла. И, наоборот, там нет анализа международных политических и культурных связей, а также фона этнической истории, на котором протекала хазарская трагедия, унесшая великий этнос в небытие. А именно последнее представляет интерес для современного читателя.

По нашему мнению, разделяемому отнюдь не всеми, задача науки не столько в том, чтобы констатировать известные факты, но еще и в том, чтобы путем анализа и синтеза установить факты неизвестные и в источниках не упомянутые. Одним из наиболее эффективных способов исторического синтеза является применение системного подхода.

Представим себе автора литературного произведения или нарративного источника и того читателя, которому автор адресует свой труд как простую систему односторонней информации. Иными словами, автор убеждает читателя в том, чего тот не знает или чему не верит, но может узнать или поверить при достаточно талантливом рассказе. Проходят годы, а иногда века. Автор и читатель умерли, но произведение осталось. Значит, сохранилась его направленность, благодаря чему мы можем сообразить, что читатель – современник, который держался иных взглядов, нежели автор, был либо переубежден и зачарован его талантом, либо остался при своем мнении. В любом случае это незаписанное мнение читателя восстанавливается с известной степенью точности. Последняя может быть повышена, если нам известны историческая обстановка и события, актуальные для изучаемой эпохи.

Так начнем с известного, с глобального окружения, чтобы восполнить неясное и понять, почему роль гегемона в Восточной Европе перешла от Хазарии к Древней христианской Руси.

Но знает ли эти события читатель? И обязан ли он знать их в том плане и в тех ракурсах, которые нужны для решения поставленной задачи? И, наконец, может ли он, даже будучи эрудитом, угадать, что имеет в виду автор, только упоминающий, а не описывающий какой-либо факт из истории раннего Средневековья? Разумеется, нет! И поэтому автор обязан изложить свое понимание процессов, что легче всего сделать, пользуясь испытанным способом наглядного хронологического повествования.

И даже если найдется привередливый читатель, который будет недоволен тем, что ему встретятся в тексте места знакомые, упоминавшиеся в других, куда более монументальных работах, то пусть он рассматривает их как информационный архив, заменяющий множество отсылочных сносок и громоздкую библиографию. Ведь наше сочинение не справочник, а книга для чтения, и назначение ее в том, чтобы принести читателю радость познания.

Без чего надо обойтись

Каждый историк начинает с того, что стремится к широкому обобщению своей темы. Он как бы хочет написать картину на широком полотне, но часто вынужден ограничиться серией этюдов. Однако некоторым благоприятствует судьба: вместо альбома этюдов, т. е. частных исследований по узким сюжетам, появляется картина. Как правило, такие «картины» имеют дефекты, из-за которых возникает недоверие к предлагаемым трактовкам. Но игнорировать такие попытки нельзя: это академически некорректно.

История хазарской проблемы до 1962 г. изложена у М. И. Артамонова.¹¹ и, согласно принятому здесь принципу – не повторяться, рассматриваться нами не будет. Но за последние 20 лет на Западе появились концепции, облеченные в форму монографий, касающиеся нашей темы и оригинальные настолько, что их надо либо принимать полностью, либо объяснить причины недоверия к ним. И хотя последнее будет ясно из текста нашей книги, а упомянутые монографии в ней цитироваться не будут, не написать об их существовании и значении просто невежливо по отношению к их авторам. Наиболее парадоксальным является взгляд Артура Кестлера¹²

Он полагает, что с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары – народ тюркского происхождения (?). Занимая жизненно важный стратегический проход (откуда и куда?) между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях в Восточно-Римской империи. Они были буфером между грабителями-степняками и Византией (?). Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь, к византийским границам (но в Византию викинги попадали по Средиземному морю. – Л.Г.).

Где-то около 740 г. (дата неверна) царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм. О мотивах этого необычайного события ничего не известно. Вероятно, это давало определенное преимущество для маневрирования между соперничавшими христианским и мусульманским «мирами».

К X в. появился новый враг – викинги, скоро ставшие известными как русы (устарелое и неверное отождествление: русы известны с IV в.). Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г. Центральная Хазария осталась нетронутой, однако государство хазар пришло в упадок.

Основной тезис книги, ради которого она написана, таков: поток еврейской миграции в Европу шел не через Средиземноморье, как раньше считалось (и как оно и было), а из Закавказья через Польшу и Центральную Европу. Поэтому обитатели Восточной Европы – потомки евреев – тринадцатое колено Израилево. Почему эта точка зрения неприемлема, будет видно из дальнейшего.

Выбранный нами угол зрения – рассмотрение ранней истории Древней Руси как последовательности русско-хазарских связей – позволяет избежать полемики по мелким вопросам. В 50–60-х годах в Америке опубликованы два исследования по предыстории Руси.¹³ Выполнены они на русских материалах, тех самых, которые нам доступны. Оба содержат много мелких неточностей, главным образом из-за некритического восприятия теории существования третьего центра Руси – Азово-Черноморского, население которого произошло от

¹¹ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 7–40.

¹² Koestler Arthur. Thirteenth Tribe – The Khazar Empire and its Heritage. London, 1976.

¹³ Vernadsky G. The Origins of Russia. Oxford, 1959; Ляшевский С. История христианства в земле Русской с I в. по XI в. и очерки по предыстории России. New York; Brooklin, 1967.

сарматов (роксаланов). Эта концепция, родившись в России, ныне не разделяется подавляющим большинством ученых, в числе коих находится автор. Но оспаривать эту версию можно либо путем скрупулезной проверки деталей источников, либо путем противопоставления собственной версии, в которой эти детали получают истолкование без гипотез и натяжек. Второй путь лучше, ибо римляне называли скрупулюсом камешек, попадавший в сандали и коловший пятку. Его надо было просто вытрясти, а не изучать. Кроме того, наши академические требования выше, чем в США, в том смысле, что у нас заведомо неверные даты не публикуются, а собственные гипотезы оговариваются как необязательные для читателя. Г. В. Вернадский при составлении хронологической таблицы по древней истории Руси снабдил сомнительные даты звездочками, и стало ясно, что все достоверные факты известны и нам.¹⁴ Но С. Ляшевский для подкрепления своих гипотез привлек данные «Влесовой летописи»,¹⁵ хотя она издана не полностью и не прошла проверки исторической критикой. Напрасно он это сделал, потому что ссылаться на его исследование стало опасно: а вдруг князь Святояр или происхождение Рюрика от дочери Гостомысла Умилы – вымысел, домысел или нечеткое чтение текста? Ведь одна такая оплошность может повлиять на выводы и тем самым скомпрометировать всю работу. Да и нужны ли для истории такие уточнения? Сам С. Ляшевский пишет: «...ничего выдающегося в этой летописи нет, что резко изменило бы наши знания о прошлом».¹⁶ Поэтому эти работы как пособие нами не использованы, хотя точки зрения авторов во внимание приняты.

Иной характер носит книга Сергея Лесного (С. Парамонова). Она удивляет читателя. Из пяти основных тезисов автора советский читатель воспринимает четыре как нечто общепризнанное,¹⁷ а пятый – о «Влесовой книге» – как личный каприз автора. Отсутствие ссылочного аппарата лишает читателя возможности проверить правильность и полноту цитат, а там, где предмет известен, оказывается, что он описан неверно. Упреки в адрес советских историков несправедливы, а в адрес зарубежных коллег, например Г. В. Вернадского, – грубы. Домыслы Сергея Лесного, которыми он подменяет научные доказательства, граничат с фантастикой, а ссылки на «Влесову книгу» не спасают, ибо сведения ее крайне сомнительны. Тема Хазарии вообще оказалась вне поля зрения автора, что дает право отказаться от цитирования его труда. Нецелесообразность историографического обобщения продемонстрирована в работе А. Н. Сахарова «Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в.».¹⁸ Автор проявил несказанное трудолюбие, изучив огромное количество статей по некоторым важным вопросам истории Киевской Руси, но не все, что сделало его книгу однобокой, а версию исторического процесса – неубедительной. По существу, он принял за схему летописную традицию, по которой категория «Русь» совпадала с державой династии Рюриковичей. Думается, что эта концепция несколько устарела. Даже если назвать государство Олега и Игоря раннефеодальным, дело не изменится, ибо этническое несходство сначала «русов» и «дулебов», а потом славяно-россов и варягов очевидно. Его отмечали авторы X в. и признавали историки XX в. Поэтому отрыв истории дипломатии от историко-географического фона неоправдан.

Однако историография, собранная А. Н. Сахаровым, может быть полезна как любая сводка материала: она облегчает составление синтетических работ. Важно лишь осторожно

¹⁴ Vernadsky G. Ancient Russia. New Haven, 1952.

¹⁵ См.: Лесной С. Влесова книга. Виннипег, 1966.

¹⁶ Ляшевский С. Указ. соч. С. 169.

¹⁷ См.: Лесной Сергей. Русь, откуда ты? Виннипег, 1964. С. 6–10. Автор считает, что 1) скандинавы не играли роли в образовании Русского государства; 2) русь как племя создано в начале новой эры и всегда было славянским; 3) славяне – автохтоны Центральной Европы; 4) у древних славян была руническая письменность; 5) «Влесова книга» достоверна.

¹⁸ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980.

относиться к «Заключению» и ко второй книге – «Дипломатия Святослава»,¹⁹ так как выводы А. Н. Сахарова отнюдь не подкрепляются приводимыми им самим фактическими данными. Но это не вина, а беда.

Третья книга А. Н. Сахарова – «Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии»²⁰ – издана в научно-популярной серии, что дает право ограничиться простым упоминанием. Впрочем, нельзя не удивиться тому, что автор книги считает своими предками древних ругов, а не славян, но, может быть, он прямой потомок Рюрика и в состоянии проследить свою генеалогию далее тысячи лет. Оспаривать его признание нецелесообразно, ибо в приведенном им же тексте «от рода русского» было 15 человек: «Карл, Ингелд, Фарлоф, Вельмуд, Рулов, Гуды, Руалд, Карн, Фрелов, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост, Стемид» (*Сахаров А. Н. Мы от рода русского... С. 138*). И ни одного славянина!

Итак, неприятие названных выше сочинений связано либо с историко-географической путаницей, либо с законным недоверием к недостоверным источникам. Автор этой книги дважды неоригинален: он, как все, хочет создать широкую историческую картину, но только на установленных фактах, путем логически непротиворечивых версий; и, как принято, он проверяет эти факты традиционными приемами исторической критики. Оригинальным же является этнологический подход, принципы коего изложены в трактате «Этногенез и биосфера Земли». Собственно говоря, эта работа написана ради проверки эффективности предложенного естественнонаучного подхода к истории народов (этносов) и их взаимодействий. Именно наличие такого подхода помогло автору избежать соблазнов, примеры которых приведены выше. Насколько это удалось, пусть судит читатель, прочитавший книгу до конца.

¹⁹ См.: Сахаров А. Н. Дипломатия Святослава. М., 1982.

²⁰ См.: Сахаров А. Н. Мы от рода русского. Рождение русской дипломатии. Л., 1986.

Условимся о значении терминов

В историческом повествовании часто приходится употреблять в качестве научных терминов многозначные слова. Это иной раз затрудняет взаимопонимание, особенно при обмене мнениями. «Великая степь» – термин условный, так как в степной зоне Евразийского континента много азональных ландшафтов: горные хребты, поросшие лесами, речные долины, оазисы в бесплодных пустынях. Но этот термин стал привычным и пользование им незатруднительно.

Гораздо труднее обстоит дело в тех случаях, когда этнокультурные границы подвижны. Например, термин «Европа», введенный Геродотом, в его время не включал Скифию и страну гипербореев. В Средние века он на некоторое время вышел из употребления, ибо Испания с 711 г. стала «Востоком», Византия – особым культурным регионом, а бассейн Балтики – полем перманентной войны феодально-католического «христианского мира» с язычниками – славянами, пруссами, литовцами и эстами.

Еще сложнее термин «Древняя Русь». Он привычен, но не прост, а история его полна противоречивых толкований. Если стоять на уровне исторических источников XII–XIII вв., то ясно, что термина «Древняя Русь» в них нет, поскольку Русь была им современной. Древней она стала лишь в XV в., когда потребовалось обосновать притязания Ивана III на все территориальное наследие Рюриковичей. Так возникла схема единства, непрерывности исторического процесса, начиная от Рюрика, причем, по принятой схеме, менялись только столицы, да и то в строгом порядке: Киев, Владимир, Москва, Петербург. А эпохи смут и распадов считались следствием ошибочной политики великих князей. Натянутость и искусственность этой концепции очевидны, но ведь и выросла она не как научное обобщение, а как обоснование политической программы московских великих князей и царей.²¹

А. Е. Пресняков отмечает, что основным дефектом официальной схемы является невнимание к Западной Руси, даже фактическое исключение ее из русской истории. Этот раздел подлинно русской истории отходит к истории Польши, что отнюдь не верно. Так, чтобы найти место для Золотой Орды, пришлось создать концепцию татарского ига.²² Это органический недостаток концепции, которая предметом изучения считает институт государства.

Изучение культуры, неотъемлемого раздела истории, дает другой вывод, который сделал П. Н. Милюков в ранней работе «Очерки по истории русской культуры». Тезис этой книги таков: «Можно сказать, что русская народность, достигшая значительных успехов на юге, на севере должна была начинать историческую работу сначала».²³

Наблюдение тонкое, но интерпретация неприемлема. По мнению П. Н. Милюкова, до XVI в. Руси как целостного феномена не было, а каждая область жила своей отдельной исторической жизнью. Это представление вытекает из господствовавшей тогда эволюционной теории, воспринятой без критики и не учитывавшей скачкообразности исторического развития.

²¹ См.: Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. С. 1–2.

²² Проблема взаимоотношения Золотой Орды и Руси искусственно осложнена. То, что русские называли хана царем и платили в Орду «выход», несомненно, но во внутренние дела Руси ханы не вмешивались и, требуя от кочевых подданных после принятия ислама отречения от монгольской культуры (ясы) и религии, не требовали этого от русских. Скорее здесь была уния при главенстве Орды, а Русь рассматривалась как самостоятельный улус, примкнувший к Орде по договору, а не вследствие завоевания (см.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. С. 398 и след.; Он же. Апокрифический диалог // Нева. 1988. № 3, 4).

²³ Цит. по: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 3.

Шаг назад сделал львовский профессор М. С. Грушевский, работавший в Австро-Венгрии, тоже нуждавшийся в политическом обосновании оккупации Австрией Галиции. Здесь была предложена схема, напоминающая русскую государственную, но наоборот. Литовско-польская Речь Посполитая была объявлена продолжением Киевской Руси, а Владимиро-Московская Русь представлена особым народом, соперником и даже врагом «Украины – Руси».²⁴ Эта идея основывалась на том, что в начале XX в. категория «этнос» еще не была раскрыта. На эту неопределенность А. Е. Пресняков указывает как на главную трудность при разрешении поставленной здесь проблемы.²⁵

И он приводит опровержение схемы М. С. Грушевского, указывая на полное отсутствие признаков вражды и даже различия между северными и южными русичами в киевский период. «Вражда киевлян и новгородцев, киевлян и суздальцев проявляется не в иных... формах, чем соперничество в борьбе владимирцев и ростовцев во время усобиц между сыновьями Андрея Боголюбского».²⁶ И от себя добавлю – чем между киевлянами и черниговцами. Достаточно вспомнить жестокую расправу над Игорем Ольговичем в 1147 г. и погром Киева в 1203 г., после коего город долго не мог оправиться. Только в XIV в., когда Ольгерд и Витовт покорили Киев, Чернигов, Курск, Смоленск, судьбы юго-западных и северо-восточных русских разошлись. Но в XVII в. Украина, а в XVIII в. Белоруссия и Волынь воссоединились с Россией, причем не путем завоевания их Москвой, а путем освобождения от польского ига, которое было куда тяжелее ордынского.

Современная точка зрения, общепринятая в советской науке, тоже принимает XIV век за «водораздел» между древней, Киевской, Русью с ее северо-восточной окраиной – Суздальским и Владимирским княжествами и выделением из общерусского этноса трех новых: великороссов, белорусов и украинцев.²⁷ Такая периодизация не требует поправок, но остаются неясными вопросы: 1) в чем причина ошибочности трех прежних концепций? (а причина эта явно общая); 2) каким образом удалось заведомую ошибочность преодолеть, а причину общей ошибки устранить? Краткие ответы на эти вопросы: 1) предложенная летописцем Нестором дата основания Руси – 862 г.; 2) работами А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева о древнейших славянах и концепцией этногенеза автора этих строк.

История восточного славянства и русского этноса началась задолго до Рюрика, полагает А. А. Шахматов. Пересказ его теории происхождения восточного славянства²⁸ не входит в нашу задачу. Нам достаточно знать его выводы. Признавая первой славянской родиной бассейн Западной Двины, А. А. Шахматов называет второй родиной Повисленье, которое в III–II вв. до н. э. покинули бастарны и куда во II в. н. э. пришли готы. Тогда же славяне были втянуты в Великое переселение народов, что заставило славян расколоться на западных – венедов – и южных – склавинов. Тогда же выделились анты (поляне), двинувшиеся на юго-восток.

Отметим, что по этнологической терминологии здесь описан пассионарный толчок. Это и есть начало процесса этногенеза славян и византийцев (ромеев-христиан). По предположению А. А. Шахматова, принятому А. Е. Пресняковым, от Черноморского побережья славян оттеснили авары и болгары, из-за чего славяне заняли лесную полосу между Днестром и Днестром, т. е. Волынь, что и есть первое общеславянское государство, разгромленное

²⁴ См.: Грушевский М. С. История Украины – Руси: В 5 т. Т. I–III. Львов, 1904–1905; Т. IV. Львов, 1903; Т. V. Львов, 1905; см. также: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 4–5.

²⁵ А. Е. Пресняков дает критический разбор аспектов этнической диагностики: расового, языкового, культурно-психологического – и делает вывод: «Государства возникают раньше наций» (Указ. соч. С. 6), но не говорит, почему они возникают. Нашу точку зрения см.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

²⁶ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 10.

²⁷ См.: История СССР с древнейших времен до наших дней: В 2 т. М., 1966.

²⁸ См.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. Ср.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 14–26.

аварами. В VII в. болгар разогнали хазары, а общеславянское царство распалось, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье.

Из Южной Прибалтики на восток двинулись две волны славян: кривичи, создавшие Смоленск, Полоцк, Витебск, Псков, и словене, создавшие Новгород и расселившиеся в Верхнем Поволжье. Радимичи и вятичи пришли «от ляхов».²⁹ Расселение повело к распаду бывшего племенного единства. Наконец в IX–X вв. сложилась Киевская Русь – «крупное явление в истории восточного славянства», – распавшаяся во второй половине XII в.³⁰

Под «распадом» А. Е. Пресняковым понимается политическая дезинтеграция, но не этногенез, так как в фазе обскурации, сопровождавшейся расцветом культуры (и так бывает), древнерусский этнос дожил до конца XIV в. и лишь в XV в. уступил место ныне бытующим восточнославянским этносам.

На этом фоне, даже если без критики принимать рассказ Нестора о «призвании варягов» в Новгород, очевидно, что узурпация Рюрика – это эпизод в тысячелетней истории восточного славянства, почему-то выпяченный летописцем, тогда как события более крупные им опущены или затушеваны.

Признав это, мы получаем непротиворечивую версию, по которой процесс этногенеза «ведет себя» так же, как видообразование. Ныне в эволюции каждой отдельной группы живых организмов палеонтологи выделяют три стадии. На первой наблюдается мощный подъем жизнедеятельности. На второй они приспосабливаются к различным условиям и расширяют ареал. А на третьей происходит узкая внутренняя специализация, которая приводит либо к гибели, либо к застою. Изменение привычных условий существования делает вид, или в нашем случае этнос, особенно уязвимым, так как жизнеспособность системы падает. В палеонтологии это явление рассматривается как «прерывистое равновесие»,³¹ в истории – как дискретность этнических процессов.

Киевская Русь – третья стадия славянского этногенеза. Она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив как реминисценцию бывшего единства общепонятность речи, или близость языков.

Таким образом, мы установили временные границы Древней Руси, а пространственные еще предстоит уточнить.

²⁹ См.: Шахматов А. А. К вопросу о польском влиянии на древнерусские говоры // Русский филологический вестник. № 1. Варшава, 1913. С. 1–12. Ср.: ПВЛ. Ч. II. С. 225–226.

³⁰ См.: Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 12.

³¹ Ростовцев К. О. Отчего погибли динозавры // Ленингр. правда. 1983. 25 ноября.

Восточные славяне, но еще не Русь

Вот прошло 70 лет, и стало ясно, что локализации А. А. Шахматова подтвердились. Работами украинских археологов и историков установлены ареалы археологических культур славянской прародины и уточнены датировки.³² Начало славянского расселения – эпоха зарубинецкой культуры. Славяне двигались от верховья Вислы на юг, в Поднепровье, и на север, к верховьям Днепра, Десны и Оки; в III–V вв., в период «готских войн», – на юг, до Дуная и в степное Причерноморье, на северо-восток – на Днепровское левобережье. Причинами миграции предложено считать демографический взрыв и исчерпание фонда свободных земель,³³ но кажется парадоксальным, что мотив – желание жить – был связан с повышенной воинственностью, а ведь на войне риск гибели велик.

В VI в. славяне продолжали распространяться на запад, через проходы в Карпатах до Тиссы, вверх по Дунаю и в междуречье Вислы и Одера,³⁴ и на юг – в 550–551 гг. они форсировали Дунай и к IX в. заняли «всю Элладу»,³⁵ а часть их перебралась в Малую Азию.

Как ныне установлено, славяне не были аборигенами Восточной Европы, а проникли в нее в VIII в., заселив Поднепровье и бассейн озера Ильмень. До славянского вторжения эту территорию населяли русы, или россы, – этнос отнюдь не славянский. Еще в X в. Лиутпранд Кремонский писал: «Греки зовут Russos тот народ, который мы зовем Nordmannos – по месту жительства» – и помещал этот народ рядом с печенегами и хазарами на юге Руси.³⁶ Скудные остатки языка россов – имена и топонимы – указывают на их германоязычие. Название Днепровских порогов у Константина Багрянородного приведены по-русски: Ессупы, Ульворен, Геландра, Ейфар, Варуфорос, Леанты, Струвун – и по-славянски: Островунипрах, Неясить, Вулнипрах, Веруци, Напрези.

Бытовые навыки у славян и русов были тоже различны, особенно в характерных мелочах: русы умывались перед обедом в общем тазу, а славяне – под струей. Русы брили голову, оставляя клоч волос на темени, славяне стригли волосы «в кружок». Русы жили в военных поселках и «кормились» военной добычей, часть которой продавали хазарским иудеям, а славяне занимались земледелием и скотоводством. Авторы X в. никогда не путали славян с русами.³⁷

Но при этом нельзя считать русов скандинавскими варягами, так как последние начали свои походы в IX в., а русы известны как самостоятельный этнос авторам VI в. – Иордану и Захарии Ритору. Единственной непротиворечивой версией является заявление епископа Адальберта, назвавшего княгиню Ольгу царицей ругов, народа, западная часть которого погибла в Норике и Италии в V в., а восточная удержалась в Восточной Европе до X в., оставив в наследство славянам династию и название державы. Этот факт наводит на размышления.

Археологами древние славяне сопоставляются с черняховской и пеньковской культурами, причем отмечается смешанный этнический состав носителей этих культур; от Задунавья на юго-западе до Курской земли на северо-востоке, от Южного Полесья до Северного

³² Славяне расселялись из области между Днестром, Припятью и Верхней Вислой (см.: Баран В. Д. Сложение славянской раннесредневековой культуры и проблема расселения славян // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983. С. 40).

³³ См.: Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 221–222.

³⁴ См.: Баран В. Д. Указ. соч. С. 45.

³⁵ См.: Брайчевский М. Ю. Славяне в Подунавье... С. 225. Славянским по языку население Пелопоннеса оставалось до XIX в., т. е. до освобождения Греции от турок. Но школа и литература на новогреческом языке заставили потомков славян – майнотов – сменить и язык, что выделило «греков» из прочих южных славян.

³⁶ Цит. по: Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. СПб. Б. г. С. 61.

³⁷ Подробнее см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 289–295.

Причерноморья,³⁸ во II–V вв. кроме славян жили дако-фракийцы, сарматы³⁹ и, возможно, готы⁴⁰ но после нашествия гуннов остались только славяне, смешавшиеся в VI–VII вв. с гето-дакийскими племенами.⁴¹

Возможности археологии ограничены. Эпоху можно определить удовлетворительно, но этнический состав – невозможно. Материальная культура перенимается соседями легко, ибо зависит от ландшафтных условий и уровня техники, а здесь и то и другое совпадало. Обряд погребения показывает культ, но ведь религия не всегда однозначно соответствует этносу. Важнее другое: славянская культура VI–VII вв. отличается от черняховской. Исчезают трупоположения, могилы беднеют. Короче говоря, более древние культуры и их носители были субстратами быстро растущей славянской целостности, находившейся в фазе этнического (пассионарного) подъема. Поэтому в славянских погребениях можно видеть не повторение ранних культур, а их синтез.⁴²

Но процесс славянского этногенеза был нарушен вторжением с востока. Хиониты, населявшие берега низовий Яксарта (Сырдарьи), спасаясь от тюркютов, бежали в Европу, где стали известны под именем авар, или обров.⁴³ Это был древний этнос, наследие легендарного Турана, и юные восточные славяне стали жертвой старого хищника. В 602 г. авары напали на антов – восточных славян, бывших союзниками Византии.⁴⁴

Именно тогда имя антов исчезает из исторических источников.⁴⁵ С тех пор исчезло славянское единство, потому что обры отделили южных, балканских славян от северных, или прибалтийских, – венедов. Остатки антов, по-славянски полян,⁴⁶ объединились с этносом русов, которых немецкие хронисты X в. считали ответвлением ругов. Слияние полян и русов в единый этнос осуществилось лишь в X в., что проявлялось в образовании государства, называемого в наше время «Русь в узком смысле»,⁴⁷ потому что оно не включало в себя большинства славянских племен Восточной Европы, завоеванных и покоренных позднее, о чем пойдет речь ниже.

Таким образом, перед нами сочетание двух самостоятельных процессов: природного феномена – этногенеза, начавшегося в I в., – и социального – построения государства, нарушавшегося троекратно: готами, аварами и норманнами – и осуществленного фактически лишь в XI в., при Ярославе Мудром.

Это начало «государства русского», или, точнее, «Киевского каганата», как его именовали современники, например митрополит Иларион, приходится не на фазу подъема пассионарности, не на фазу перегрева и даже надлома, а на инерционную фазу, которой свойственно интенсивное развитие литературы и искусства, что и заслонило от позднейших историков эпохи героических свершений, преодоленных бедствий и неописанных побед.

Для нашего исследования славяне – тема периферийная, но именно поэтому было необходимо уточнить пространственно-временное осмысление русской истории как резуль-

³⁸ См.: Винокур Н. С. Черняховские племена на Днепре и Дунае // Славяне на Днестре и Дунае. С. 131.

³⁹ См.: Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. С. 7.

⁴⁰ См.: Винокур Н. С. Указ. соч. С. 133.

⁴¹ См.: Приходнюк О. М. К вопросу о присутствии антов в Карпато-Дунайских землях. // Славяне на Днестре и Дунае. С. 191.

⁴² См.: Баран В. Д. Указ. соч. С. 40.

⁴³ См.: Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 34–35.

⁴⁴ См.: Симокатта Феофилакт. История / Перевод С. П. Кондратьева. М., 1957. Кн. VIII. 5. С. 180.

⁴⁵ См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступ. ст., перевод, комментарий Е. Н. Скржинской (далее: Иордан). М., 1960. С. 220.

⁴⁶ См.: Брайчевський М. Ю. Походження Русі. Київ, 1968. С. 155.

⁴⁷ См.: Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953; Артамонов М. И. История хазар. С. 289–290.

тата двух пассионарных толчков и многочисленных этнических контактов, из коих ни один не был похож на другой. А культурная традиция, обусловленная никейским исповеданием и доблестью богатырей, проходит красной нитью сквозь века и страны, не меняясь, ибо она плод не природы, прекрасной в своей вечной изменчивости, а сознания, т. е. культуры, цель которой – консервация.⁴⁸

Но так как история одной страны всегда проходит на фоне мировой истории, так же как эта последняя идет на фоне истории Земли, то мы должны вернуться к заданной теме нашего исследования – проблеме разнообразия этнических контактов, приняв за исходную точку Северный берег Каспия, ибо оттуда удобно видеть и Запад, и Восток.

⁴⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

Часть первая

География этносферы первого тысячелетия н.э

Кто есть кто

I. В ареале угасшей пассионарности

1. Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существует ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее: через Ахтубу и Бузан и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т. е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II–III вв. атлантические циклоны сместили свой путь на север. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и Кигач), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной милости природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся снова и снова дагестанскими сортами,⁴⁹ ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества – маневренности, тогда

⁴⁹ См.: Потапенко А. И. Старожил земли русской. Ростов, 1976. С. 50.

как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям, потому что оно нетрудоемко, и природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовой Волги в то время находились в фазе гомеостаза – равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому заключим наш сюжет – трагедию хазарского этноса – в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

2. Этнос «отраженного света»

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрешили против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским – в III в.,⁵⁰ но ни меридиональный толчок II в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами,⁵¹ под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы.⁵² В то время когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н. э.), гуннами (IV в. н. э.), болгарами (V в.), аvaraми

⁵⁰ Моисей Хоренский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсиллов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на всю сторону ее» (цит. по: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 115). М. И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время – анахронизм (см. там же. С. 131), однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т. е. на 8 м ниже, нежели в XX в. (см.: Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий // Вестн. ЛГУ. 1974. № 6. С. 84–95; Он же. Хазария и Терек // Там же. 1974. № 24. С. 78–88).

⁵¹ ПВЛ. Ч. II. С. 14.

⁵² Там же. Ч. II. С. 223.

(VI в.), мадьярами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда были врагами.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары – потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии – жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрков – тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы – смешения этого этноса с прочими тюркоязычными племенами.⁵³ Возникли тюркюты так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан – Тумын – одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV–V вв. Так был создан Великий тюркютский каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и утургуры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.).⁵⁴

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались – кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662–744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана – царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 738 г. подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану,⁵⁵ опиравшемуся на

⁵³ Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI–VIII вв. – это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX–XII вв. тюрк – общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» – группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

⁵⁴ Подробно см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 171; Гумилев Л. Н. Древние тюрки. С. 238.

⁵⁵ См.: История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 153.

неприступный Дербент.⁵⁶ Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558–650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650–810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552–745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

3. Развивалась ли в хазарии культура?

Странно, но долгое время считалось, что народы Евразийской⁵⁷ степи, в особенности кочевые, не имели собственного культурного развития, собственной истории и уж обязательно – оригинального искусства. Раскопки на Алтае, в Монголии и Сибири показали, что искусство евразийских народов существовало, история их ныне написана, прочтенные тексты показали наличие переводной философской литературы, а фольклор зафиксировал оригинальные сюжеты. Все у них было, но мало что сохранилось.

Однако перед нами сразу возникает непредвиденная трудность: социальное развитие в странах земледельческих, у народов, унаследовавших развитую культуру античности, и у племен, живущих в девственных ландшафтах, без письменности, с примитивной техникой, идет асинхронно. В Европе в VIII–X вв. бурно развивается феодализм, образуются классы, разделяются ремесло и земледелие за счет усовершенствований техники, а в степях Евразии овцы поедают траву, псы охраняют овец, а пастухи ездят в гости друг к другу; единственное орудие производства – кнут, но совершенствовать его незачем.

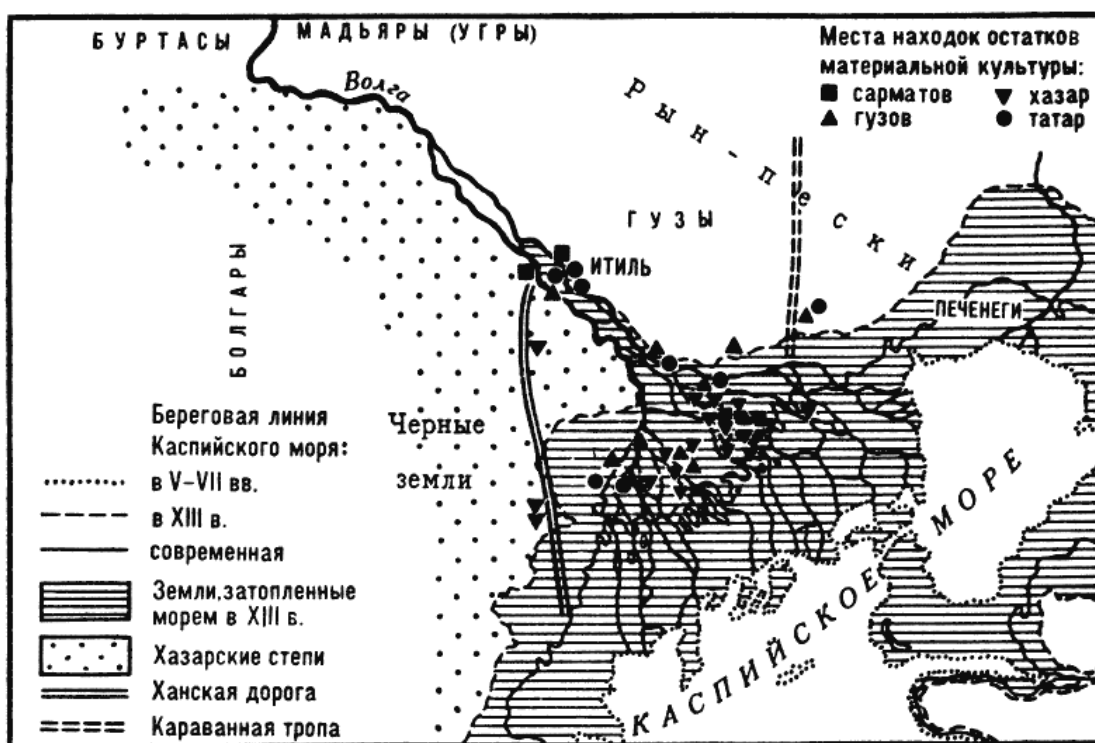
Однако и в Евразии возникают города, правда, только на берегах рек, потому что в голой степи и ныне люди не живут оседло. Археологические культуры здесь сменяют одна другую, этносы возникают и исчезают. Короче говоря, жизнь идет, хотя формация остается той же – первобытно-общинной в стадии военной демократии. Как это понять?

Как попытка объяснения направления процесса в последние годы получил распространение и был принят без критики и проверки постулат: развитие культур и народов степной и лесной зон Евразии шло «от кочевий к городам», и прослеживается этот путь археологией,

⁵⁶ Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685–686 гг. и отделился от халифата в X в. вместе с Ширваном.

⁵⁷ Евразией в данной работе называется внутренняя часть континента, в основном степь между Карпатами и Маньчжурией, представляющая этнокультурную целостность. В таком же этнокультурном аспекте следует рассматривать названия «Восточная Европа» и «Западная Евразия».

причем археологическая культура отождествляется с этносом.⁵⁸ Согласно этому принципу прогрессивной эволюции, археологическая салтово-маяцкая культура свойственна единому болгаро-хазарскому этносу, переходившему от кочевого скотоводства к оседлому земледелию вследствие обеднения одних людей и закабаления их другими, предоставлявшими им ссуды для обзаведения хозяйством, после чего бедняки попадали в экономическую зависимость от богатеев.⁵⁹

Волжская Хазария в VI-XIII вв.

В этой умозрительной концепции четко описано первоначальное накопление капитала при становлении аграрного капитализма. Называть такой процесс «элементами феодальных отношений» нет никаких оснований. Но если так, то, по мнению авторов, капитализм зародился не вследствие развития производительных сил и технического прогресса, а из-за корыстолюбия одних и беспомощности других, бедневших неизвестно почему и каким-то странным образом моментально осваивавших сложную культуру земледелия, а для этих районов — виноградарства, требующую обычно опыта многих поколений.

Бесспорно, что у древних хазар, болгар, гузов, печенегов существовал родоплеменной строй. Как известно, при первобытно-общинной формации земля принадлежит роду и, следовательно, всем его членам. Родович, потеряв скот вследствие падежа, гололедицы или угона врагами, имел право на помощь своего рода, притом безвозмездную. Поэтому индивидуальной бедности у этих народов существовать не могло. Богатство у отдельных представителей имелось не в форме капитала, а как сокровище (серьги, ожерелья, ценное оружие, шелковые или парчовые халаты).⁶⁰ Займов под проценты при отсутствии денежной системы не бывает, а при натуральном хозяйстве нужды в них не возникает. Стало быть, при существовавшем в I тысячелетии уровне производительных сил и изобилии природных ресурсов не было предпосылок для развития капитализма даже в зачатке. Накопление богатства

⁵⁸ См.: Плетнева С. А. От кочевий к городам. М., 1967.

⁵⁹ См.: Артамонов М. И., Плетнев С. А. Еще раз о степной культуре Евразии // Народы Азии и Африки. 1970. № 3. С. 92.

⁶⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 99.

ради богатства для каждого родовича показалось бы бессмысленным и грязным занятием, а если бы кто-либо стал обижать соплеменников, то те бы его либо выгнали, либо убили как выродка. А ведь перед этим сам М. И. Артамонов писал, что Хазарию превратила в классовое государство еврейская купеческая верхушка, опиравшаяся на наемные войска и лишившая кагана свободы и власти.⁶¹ К оседанию кочевников события IX в. никакого отношения не имели.

Да и не было никакого оседания. Земледелие и кочевое скотоводство сосуществовали с древних веков, потому что являлись способами адаптации этносов к ландшафтам.⁶² Разумеется, этносы, развивающие технику, меняются, но при этом они воздействуют на географическую среду, создавая антропогенные ландшафты – большие города. Но когда это имеет место, археолог легко это обнаружит. А в Хазарии строили только крепости и базары для обеспечения транзитной торговли, на природу степей и речных долин не воздействовавшие.

И, наконец, отождествление хазар и болгар основано на неоправданном приравнивании этноса к археологической, т. е. материальной, культуре. А так как салтово-маяцкая культура представлена главным образом керамикой, то, значит, древние люди признаны за дополнение к черепкам разбитых горшков, т. е. те и другие – «материал того же порядка».⁶³ Логика авторов проста до предела: черепки удобнее для изучения. Они лежат на земле и видны, а древние люди сгнили. Поэтому хватит с нас одних черепков, прочее же можно домыслить.

Но представим себе, что археолог XXX в. ведет раскопки на территории Ленинграда. Занимаясь посудой, он выделит «культуру глиняных горшков», «культуру фарфора», «культуру алюминиевых мисок», «культуру пластмассовых блюдец». При раскопках жилищ он разнесет по разным «культурам» дворцы в стиле ампира, кирпичные доходные дома и блочные строения. Все эти дома он обязан, согласно постулату, интерпретировать как памятники особых этносов. А ведь для примера взята 250-летняя история одного города!

Так правильно ли класть в основу этнической диагностики формы керамических изделий, а не способы жизни народов, т. е. их взаимодействие с кормящей их природой и живыми традициями быта, нравов, воззрений, изменяющихся из века в век по строгой закономерности этногенетических процессов? Нет, у каждой науки есть своя сфера и свои пределы. Археология ведаёт «трусами вещей», т. е. памятниками. Археолог бессилён там, где ткани и меха истлели, а золотые украшения перелиты врагами в слитки. Надо искать иной путь.

4. Фазы этногенеза в западной Евразии

В специальной работе.⁶⁴ нами было установлено, что этническая история человечества состоит из ряда дискретных процессов – этногенезов, накладывающихся на историческую канву аналогичных процессов, протекавших ранее на той территории, которая привлекла внимание исследователя. Так, в Восточной Европе и примыкающей к ней западной окраине Великой степи за период, освещённый письменными источниками, сменилось множество народов. С VIII до III в. до н. э. здесь господствовали скифы, уничтоженные сарматами. С III в. до н. э. по IV в. н. э., точнее – до 370 г., хозяевами степей восточнее Дона были сарматы, а правобережьем Днепра овладели готы. В 371 г. гунны перешли Дон и в 376 г. вытеснили часть готов за Дунай, а около 420 г. заняли Паннонию. В 454 г. гунны были разбиты

⁶¹ См. там же. С. 457–458. Может показаться странным, что М. И. Артамонов в статье, написанной совместно с С. А. Плетневой, отвергает и игнорирует выводы собственной книги, например войну хазар с болгарами, показывавшую, что это разные этносы, и многое другое. Объяснения этой странности у меня нет.

⁶² См.: Гумилев Л. Н., Эрдеи И. Единство и разнообразие кочевой культуры в средние века // Народы Азии и Африки. 1969. № 3. С. 78–87.

⁶³ Артамонов М. И., Плетнева С. А. Указ. соч. С. 89.

⁶⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

гепидами, в 463 г. – болгарами, в 469 г. – византийцами, после чего господство над причерноморскими степями перешло к болгарам. Судьба гуннов – яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. или разгромить сарагуров (болгар) в 463 г. Тогда бы в Восточной Европе уже в V в. создалось сильное гуннское государство. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность. В числе их были потомки антов – дулебы, жившие на Волыни. Арабский географ Масуди, писавший около 930 г., отмечает: «Из этих племен (славянских) одно имело прежде в древности власть, его царя называли Маджак, а самое племя называлось валинана... (т. е. „волыняне“)... Оно почиталось между их племенами и имело превосходство между ними»⁶⁵

Болгары не создали единого государства. Восточные, в бассейне Кубани, – утургуры – и западные, между Доном и низовьями Дуная, – кутургуры – враждовали между собой и стали добычей новых пришельцев с востока: кутургуров подчинили авары (точнее, псевдо-авары, или вархониты), а утургуров – тюркюты в 558–574 гг. Границей между Аварским и Западно-Тюркютским каганатами стал Дон. С 668 г. авары, укрепившиеся в Паннонии, были естественными врагами славян. Подробности этой длительной войны в источниках не сохранились, ибо события протекали далеко от Византии и Галлии, где только и велись записи, но даже по отрывочным записям видно, что в 581 г. авары захватили Сирмий, греческую крепость на Дунае (около Белграда), а затем разграбили Балканский полуостров (583–587). С 588 по 631 г. авары одерживали победы и «примучивали дулебов» (восточнославянское племя), около 600 г. они совместно со славянами-хорутанами заселили Внутренний Норик. В 619–620 гг. авары, находясь в союзе с персами, дошли до стен Константинополя, но были отражены. Новая попытка их добиться победы над греками в 627 г. кончилась катастрофическим поражением, которое повлекло восстание болгарского племени – кутургуров, обитавших в степях от Карпат до Дона, которых немногочисленные авары использовали в борьбе с противниками – антами, союзниками ромеев.⁶⁶

В эти годы на северной границе Аварского каганата шла столь же ожесточенная война, следом которой являются городища укреплений, разрушенных и покинутых местным населением (например, «Пастырское городище»)⁶⁷. В 631 г. авары жестоко подавили восстание кутургуров, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же утургуры в 670 г. потерпели поражение от хазар, подчинивших себе Северный Кавказ, то болгары разбежались, а бывшие земли кутургуров были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события подрывали мощь авар, которые в VI в. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в VIII в. Но почему? Ведь авары, или обры, были не только воинственны, но и интеллектуальны. Их дипломатия и способности к управлению были на высоте тогдашних требований. У них были естественные союзники – кангары, или печенеги, в степях Приаралья. И при этом они бежали от немногочисленных тюркютов, отступили от стен Константинополя и терпели поражения от славян державы Само. Это не случайно.⁶⁸

Заглянем в историю. До VI в. до н. э. арийские племена Средней Азии и Ирана представляли целостность грозную и агрессивную. На рубеже VI и V вв. до н. э. прозвучала огненная проповедь Заратуштры, направленная против древних богов – дэвов. Индусы и

⁶⁵ Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. С. 135.

⁶⁶ См.: Чичеров И. С. Византийские исторические сочинения. «Хронография» Феофана. М., 1980. С. 58. Примеч. 197. С. 96.

⁶⁷ См.: Брайчевский М. Ю. Похождения Русі. Київ, 1968. С. 172.

⁶⁸ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. М., 1987. С. 208–215.

эллины, скандинавы и кельты не слышали ее, но в степях Средней Азии она звучала как гром. Те, кто принял новое учение, стали иранцами; те, кто сохранил верность древним богам, остались туранцами.

Древние этносы Средней Азии – согдийцы, парфяне, истинные абары («аба» в Джунгарии), эфталиты, хиониты и кангары – находились на излете своего жизненного пути и, даже укрывшись за Карпаты, были обречены. То, что они продержались до прихода венгров, – акт великого мужества и твердости. Для славян эти наследники древнего Турана были врагами, достойными восхищения.

Еще страшнее была судьба тюркютов. В середине VIII в. они были физически истреблены – одни у себя на родине, другие в Китае, где они пытались найти спасение. Но они оставили многим этносам роскошное наследство: славное имя, традиции военной доблести и пассионарный генофонд, рассеянный по многим степным популяциям.

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генетическом дрейфе признак распространяется более быстро, а следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения – около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «тюрко-хазары», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых,⁶⁹ черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду».⁷⁰ Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам.⁷¹ Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар.⁷² Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V–VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Навряд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X–XI вв.⁷³ До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М. И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник, упоминавших хазар в III в. н. э.⁷⁴ Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет – с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и

⁶⁹ У Захария названы «красные» (см.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: В 2 т. Т. I. М., 1962. С. 138).

⁷⁰ Там же. С. 137.

⁷¹ Там же. С. 135.

⁷² Там же. С. 135.

⁷³ См.: Куник А., Розен В. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб., 1878. С. 54.

⁷⁴ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 116.

на соседей хазар, но сначала напомним, что в III–V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытно-общинной формации с устоявшимися производственными отношениями. Но это не мешало хазарам жить и защищать свои дома от соседей, далеко не всегда дружелюбных.

5. Между горами и морем

До сих пор в поле нашего зрения была Волжская Хазария – «Прикаспийские Нидерланды». Но долгое время хазары господствовали в равнинном Дагестане, в Терско-Сулакском междуречье. Археологическими работами 1967–1980 гг. было установлено, что хазары жили на северном берегу Терека и на берегу Каспийского моря между устьями Терека и Сулака. Заслуга этой находки принадлежит Г. С. Федорову, ознакомившему с добытыми материалами автора этих строк в 1966 г.⁷⁵ Сходство этой керамики с керамикой дельты Волги не вызывает сомнений.

И, наоборот, предгорные и степные районы Дагестана были заселены не хазарами. Хотя хазарское влияние на них прослеживается, но, по мнению А. В. Гадло, оно привнесено в готовой форме извне.⁷⁶ С этим необходимо согласиться. Городище Хазар-Кала – это крепость государства Серир, иногда захватываемая хазарами. Она прикрывала широкую дорогу во внутренний горный Дагестан, тогда как соседние ущелья были недоступны из-за утесов, между которыми протекают ручьи, и потому защищать их не было надобности. Короче говоря, здесь была пограничная зона, а не спокойное обиталище хазар, как на морском берегу. Море в V–VIII вв. стояло низко: уровень его был минус 34 м, т. е. на 6 м ниже, чем в XX в. Поэтому не море тревожило прибрежных жителей.⁷⁷

Да и в последующие века, когда затоплялся северный, плоский берег Каспия, степи Дагестана были вне опасности, так как максимальная отметка новокаспийской трансгрессии – минус 18 м, а даже город Бабаюрт лежит на нулевой отметке, т. е. на 12 м выше максимального уровня Каспия XIII–XIV вв. Залиты были только низовья Волги.⁷⁸

Грозный X век был временем грандиозных перемен не только на Руси (крещение), в халифате (захват Багдада дейлемитами), в Китае (восстановление единства – династия Сун), но и в степях Северного Прикаспия и Приаралья. Жестокая вековая засуха, поразившая в X в. степную зону Евразии,⁷⁹ ослабила печенегов и гузов, кочевья которых захватила пустыня. Дожди и снега, выпадавшие над просторами Зауралья и на берегах Аральского моря, в IX в. незаметно переместились на север – на берега Оки и Камы. Там множились болота, ручейки превращались в бурные потоки, а Волга каждой весной уносила влагу в Каспийское море, набухавшее до X в. В X в. этот подъем уровня Каспия остановился, так как циклоны пере-

⁷⁵ См.: Федоров Г. С. Раскопки в Северном Дагестане // Археологические открытия 1967 г. М., 1968. С. 92.

⁷⁶ См.: Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV–X вв. Л., 1979. С. 202–203.

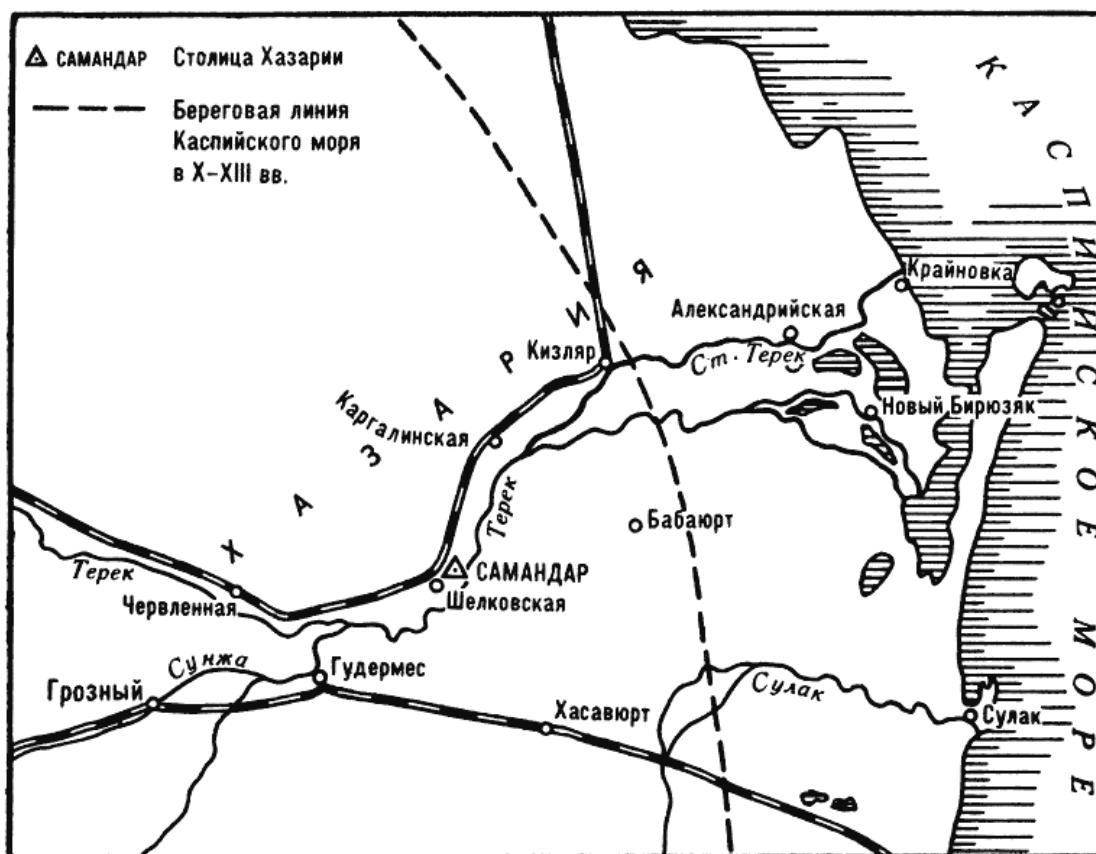
⁷⁷ См.: Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I) // Вестн. ЛГУ. 1964. № 6. С. 82–95.

⁷⁸ В этой связи вызывает удивление попытка М. Г. Магомедова оспаривать факт колебаний уровня Каспийского моря на том основании, что каспийские волны не заделали предгорных степей, лежавших на 20 м выше максимального уровня (см.: Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С. 18 и 181). Единственное низкостоящее городище – Тенг-Кала в низовьях р. Сулак – «состоит из чередующихся слоев культурных отложений и речного ила толщиной 20–30 см» (с. 39). Поскольку Сулак течет в глубоком каньоне, то для того чтобы возникли половодья, необходимо, чтобы река стояла на подпоре, т. е. чтобы уровень Каспия был высоким. А коль скоро так, то М. Г. Магомедов сам опровергает свой тезис. Впрочем, это не единственный случай: цитируя книгу Л. Н. Гумилева «Древние тюрки» (с. 41 и 153–158 – о хазарах там ничего нет – см.: Магомедов М. Г. Указ. соч.), он показывает полное непонимание цитируемого текста. И что самое удивительное, такой серьезный археолог, как С. А. Плетнева, будучи редактором цитируемой книги, не указала М. Г. Магомедову на его ошибки. Вот пример того, как опасно доверять проверке своей работы людям, игнорирующим географию. Им-то ведь безразлично, о чем идет речь: о предгорьях Дагестана или о дельте Волги.

⁷⁹ См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. С. 55–70; Он же. История колебаний уровня Каспия за 200 лет // Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980. С. 32–47.

местились еще севернее – в бассейн Белого моря, где стали легко плавать ладьи викингов.⁸⁰ Но для степняков это не было утешением, ибо их родина потеряла озера, вокруг которых еще недавно паслись овцы, и родники, водой которых можно было напоить коней, а количество снега, питавшего жаждущую землю, не прибавилось. Он теперь выпадал в тундре и лежал там, перетоптанный пургой, в ожидании того часа, когда весеннее солнце превратит его в воду, а та растопит вечную мерзлоту и понизит уровень грунтовых вод. Тогда вода озер уйдет в жидкую грязь, и рыба – основной продукт питания северян – погибнет. Немилость природы пала на многие народы в этот жестокий X век!

Но уровень Каспия в X в. стоял примерно на той же отметке, что и в XX в. Только в XIII–XIV вв. он поднялся до отметки минус 18 м, но этот подъем уровня не имел к Хазарии никакого отношения, так как не стало ни Хазарского каганата, ни хазарского этноса. Первый пал еще в X в. под ударом русского князя Святослава, второй распался на христианскую (терские казаки) и мусульманскую (астраханские татары) части. Потомки хазар остались, но этническая система исчезла. И этому в Дагестане способствовало не наступление моря, а сложная этнополитическая обстановка: арабская агрессия, миграция евреев из Ирана, культурные влияния армянской Агвании и т. п. Поэтому для истории Хазарии начавшаяся трансгрессия Каспия значения не имела.

Терская Хазария в VIII–XII вв.

И тут необходимо внести ясность в проблему, возникающую при принятом аспекте. Известно, что все обитаемые регионы заселены настолько, насколько это возможно при данном уровне хозяйства. Равнинный Дагестан – это благодатная степь, ограниченная с севера долиной Терека, с востока – Каспийским морем, а с запада – цепью невысоких хребтов и их отрогов, за которыми поднимается горный Дагестан. Трудно найти в Прикаспии уголок,

⁸⁰ См.: Гумилев Л. Н. Викинги не солгали // Природа. 1977. № 5. С. 95–99.

столь благодатный для кочевого скотоводства, земледелия и рыболовства, особенно в эпоху повышенного увлажнения степной зоны. Поэтому эта равнина была всегда густо заселена.⁸¹

В первые века н. э. Северный Кавказ населяли сармато-аланы, но они постепенно уступали ведущее положение хазарам, тюркам и савирам. Последних причисляют к гуннскому кругу этносов, но в этих благодатных местах они ассимилировались среди аборигенов – барсилов, сохранив только политическую власть. Правитель гунно-савиров носил титул «эльтебер» и был вассалом хазарского кагана.⁸² Под его властью жили потомки аланов, оставившие после себя много археологических памятников.⁸³ Как будто для внедрения еще одного этноса места не было.

Конечно, эта богатая страна могла принять небольшое число политических иммигрантов, каковыми оказались иранские евреи в VI в., но для того, чтобы их потомки смогли размножиться и обрести собственный ареал, потребовалась железная поступь истории. Арабские вторжения VIII в. превратили страну между Дербентом и Семендером (Самандар) в поле векового сражения.

Селения были сожжены, города разграблены, крепости разрушены, люди, населявшие их, перебиты или уведены в плен.⁸⁴ Страна опустела, и тогда оказались свободными земли, на которых смог поселиться пришлый этнос.

Так мы выявили механизм взаимодействия социально-политических явлений (войны) с демографическими (миграции) и экологическими (внедрение в опустевшую экологическую нишу). Однако отметим, что военный натиск арабов был следствием пассионарного толчка, т. е. явления природного (мутация), хотя доминанта его – алчность и стяжательство – была связана с социально-культурной традицией, накопившейся в предшествовавших арабско-мусульманской культурах Древнего Востока. Другие пассионарии того же толчка вели себя не менее свирепо, но иначе: раджпуты не устанавливали, а крушили деспотическую власть, тюркюты привозили добычу из дальних походов в тороках своих седел, табгачи после побед получали не рабов, а чины и пожалования. И хотя источник энергии был один, воплощалась в действие она различно, в зависимости от бытующих традиций.

И еще: не все победители были пассионарны. Хазары и болгары находились в фазе гомеостаза, но ведь это значит, что они имели большой заряд энергии, нежели те, кто был в обскурации (например, персы) или переживал временный спад (греки). Следовательно, в истории мы видим не абсолютные величины пассионарного напряжения, а относительные значения его перепадов при этнических контактах.

Заметим это и перейдем к дальнейшему рассмотрению расстановки этнических целостностей в конце VIII в.

6. Запад

Ось пассионарного толчка, возбудившего ряд грандиозных событий, проходила от Южной Швеции – Готии – через Центральную Европу около Карпат, Дакию, Малую Азию, Киликию, Палестину и по Красному морю до Абиссинии. Этноты, находившиеся непосредственно на этой оси, среагировали на мутационный сдвиг столь бурно, что, не успев накопить достаточно сил, погибли в столкновении с организованной системой Римской империи. Эта судьба постигла даков и палестинских евреев.⁸⁵ А те, кто остался дома и только

⁸¹ См.: Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (Историко-этнографические очерки). М., 1978. С. 142–143.

⁸² См. там же. С. 149.

⁸³ См. там же. С. 154–155.

⁸⁴ См. там же. С. 173–174.

⁸⁵ См.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. С. 814.

расширил, а не сменил свой ареал? Это были славяне. Возникшие в ареале пассионарного взрыва в I в. предки славян – венеды к IV в. разделились на склавинов и антов. К VII в. те и другие распространились до берегов Балтийского моря, вытеснив оттуда вандалов, до Адриатического моря, где смешались с потомками воинственных иллирийцев, до Балкан и даже до Пелопоннеса, ослабянив фракийцев, македонян и часть эллинов. На востоке славяне дошли до Днепра, а одна из групп пробралась на север до оз. Ильмень (словене новгородские). Нет оснований думать, что это распространение было результатом демографического взрыва. Нет, победители брали жен из числа пленниц, дети которых усваивали язык отцов. Потому-то и стали славянские племена мало похожи друг на друга, хотя «язык словенск» их потомки без труда понимали вплоть до XI в. С хазарами славяне в то время не сталкивались, так как между ними находились два сильнейших этноса: болгары и савиры. (С последними граничили поляне, которых после стали называть «русь».)⁸⁶ Летописец поясняет, что Русь – новое историческое явление, сменившее распавшийся союз полян.⁸⁷ К этому добавим от себя, что «поляне» – не этническое самоназвание, потому что славяноязычные этносы, у которых господствовали анты, назывались дулебы или волыняне. Поляне встречаются не только на берегу Днепра, но и в Моравии, в славянской Болгарии и в верховьях Вислы. Это показывает, что современники в слово «поляне» вкладывали особый смысл: «исполин» – гигант.⁸⁸ Зато «рос» – этноним, зафиксированный для IV в. автором VI в. Иорданом, готским историком, осуждавшим «вероломный народ россомонов»,⁸⁹ за то, что те помогали гуннам победить готов. Союзниками россомонов и гуннов были анты, т. е. поляне⁹⁰ которые еще отличались от россомонов,⁹¹ но к X в. слились в единый этнос – Русь – в узком смысле, отличавшийся от других славянских племен Восточной Европы: кривичей, вятичей, радимичей, древлян и словен новгородских.

Перейдем к обобщению. Пассионарная мутация проявлялась тем сильнее, чем ближе к оси толчка располагались этносы на рубеже новой эры. И последствия ее были тем трагичнее, чем сильнее была культурная традиция этноса. То и другое понятно. Этносы, находившиеся на периферии ареала толчка, испытывали плавный пассионарный подъем и успевали изменить стереотип поведения без ломки структуры. А если же структура была аморфной, то перестройка ее не требовала быстрой и жесткой ломки. Вот почему франки, саксы и лангобарды, начавшие исторический период с гомеостаза, создали относительно устойчивые этносоциальные сообщества. Они получили заряд пассионарности не непосредственно, а путем половой передачи признака. Поэтому они выступили на арену истории в конце V в., когда готы, вандалы, гепиды и бургунды успели растратить свою пассионарность, отдав на гибель своих пассионариев. Однако и у запоздавших, и у пришедших «на готовенькое» этносов период активного становления укладывается в фазу надлома, т. е. постепенного затухания. Свирепых Меровингов VI в. сменили «ленивые короли» VII в. Англы, саксы и готы после побед, одержанных над кельтами Британии, создали семь королевств, враждовавших друг с другом, и не довели завоевание острова до конца. Лангобарды раскололи свое королевство на графства и стали легкой добычей франков. Немцы восстановили деление по племенному признаку за счет ослабления центральной власти. К началу VIII в. Европа превра-

⁸⁶ См.: «...Поляне, яже ныне зовомая Русь» (ПВЛ. Ч. I. С. 21).

⁸⁷ См.: Брайчевський М. Ю. Походження Русі. С. 149–164.

⁸⁸ См.: Рыбаков Б. А. Древние русы // Советская археология. XVII. 1953. С. 47. Впоследствии этот термин был вытеснен тюркским эквивалентом «богатырь», но в самых древних былинах сохранился его женский род – поляница (см.: Балашов Д. М. Дунай. Историческая жизнь народной поэзии // Русский фольклор. XVI. Л., 1976. С. 100). Следовательно, поляне – не племя и не социальный слой, а психологический тип славянского пассионария эпохи неописанных побед.

⁸⁹ См.: Иордан. С. 91.

⁹⁰ См.: Брайчевський М. Ю. Походження Русі. С. 155.

⁹¹ Не смешивать их с роксаланами (см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. С. 169. Примеч. 43).

тилась в «дикий запад», бессильный и безопасный для восточных соседей – славян. И это было закономерно. В первые 169 лет пассионарность системы прошла свой инкубационный период, и выяснилось, что старые этносы обновлены. Со 155 до 400 г. шел подъем пассионарности до перегрева акматической фазы, после чего началась война каждого против всех и, хуже того, всех против всех. Этой фазой воспользовались гунны Мундзука и Аттилы, захватившие гегемонию в Европе. Но они заплатились за это разгромом при Недао в 453 г. и беспощадным истреблением, после которого их не стало. С конца V в. наблюдается спад пассионарного напряжения этнических систем, что отнюдь не удивительно, ибо сейчас ясно, что в VI в. половина этнической жизни уже была прожита, а опыта и образования не накоплено. Инерционной фазы нет, ибо чужая природа, пусть даже это будет благословенная Италия, не помогает жить. Готы и вандалы живут за счет покоренных аборигенов и, подражая им, погружаются в фазу обскурации. Они гибнут уже через 5–8 веков после рождения, ибо надлом – тяжелая возрастная болезнь, и не всякому этносу суждено ее пережить.

Зато Византия, возникшая из-за того же толчка и, следовательно, ровесница «варварских» этносов, вступает в инерционную фазу, после чего удивляет мир своим блеском. Ее золотое сияние освещало мир еще три века, пока не начало тускнеть после того, как потенция была растрочена. И тем не менее Византия прожила предельный срок – около 1500 лет. За счет чего такая сила сопротивляемости ударам извне и поломкам внутри? Сила духа и утонченность ума – вот что спасло Византию от гибели при надломе акматической фазы. Мы сейчас называем византийцев «греками» по языковому принципу, но на самом деле в Константинополе жили и действовали, кроме греков, готы, исавры, славяне, армяне, пафлагонцы, иллирийцы и арабы. В столицу из родных мест стремились лучшие, т. е. наиболее пассионарные, персоны. Объединенные строгой системой православия, они отстаивали империю как свое отечество, ибо предками своими считали не диких горцев или пиратов, а святых мучеников первых веков христианства. Их традиции они берегли и охраняли даже ценой своей жизни. Вот почему Византия пережила всех своих сверстников, кроме восточных славян.

II. Мусульманский суперэтнос

7. Появление арабов

Аравийский полуостров очень давно был заселен этносами, говорившими на наречиях древнего семитского языка, но в интересующую нас эпоху (V–VI вв.) не представлявшими никакой целостности: ни этнической, ни социальной, ни культурной, ни тем более политической.⁹² Поэтому у них не было и самоназвания; слова «араб» они не знали.⁹³ Видимо, они были осколками древних этносов, проживших циклы исторического существования и перешедших в гомеостаз, т. е. в равновесие с природными ландшафтами населяемой ими страны.

Пассионарный толчок конца V – начала VI в. вызвал интенсивный процесс этногенеза, вследствие чего началась интеграция реликтовых этносов. Выразилась она в ожесточенных межплеменных войнах, например в войне бену-асад против бену-кинд, развитии поэзии и принятии разных религиозных систем из Византии и Ирана. Древнее почитание звезд как божеств сохранилось только среди бедуинов Центральной Аравии; в оазисах Хиджаса и Йемена распространились христианство разных направлений и иудаизм.

Понятно, что наибольший успех иноземные системы мировоззрения имели у пассионариев, а не у инертных людей гармоничного уровня, при котором импульсы пассионарности и инстинкта равны. Но были и такие пассионарии, которых философские проблемы не интересовали. Эти занимались стяжательством: либо торговлей, либо грабежом караванов, либо военной службой в Византии (Гасаниды) и Иране (Лахмиды). Алчность – такой же модус пассионарности, как и фанатизм.

Инкубационный период арабского этногенеза длился около 100 лет. К началу VII в. уровень пассионарного напряжения вырос настолько, что стали появляться оригинальные консорции, способные облечь себя в социальные формы и создать догмы исповеданий. Такой консорцией был ислам, проповеданный в Мекке неграмотным погонщиком верблюдов Мухаммедом, искренне считавшим, что он передает слова Аллаха. Именно искренность, бескорыстие и страстная убежденность привлекли на сторону Мухаммеда некоторых арабов – искателей истины (мухаджиров), но они же навлекли на него ненависть других, в частности Абу-Суфьяна, возглавлявшего богатый и влиятельный род Омейя, многих поэтов и бедуинов. Однако Мухаммед и примкнувшие к нему пассионарии (ансары) победили, принудили мекканцев и бедуинов принять веру ислам и создали государство, охватившее весь полуостров. Так консорция выросла сначала в субэтнос, а потом уже в этнос.

Дело в том, что обращение мекканцев и бедуинов было лицемерным. Бедуины отреклись от ислама, как только узнали о смерти пророка, – в 632 г. Их усмирил первый халиф – Абу Бекр, тесть Мухаммеда. Но мекканцы сумели извлечь выгоду из образования государства, заняв в нем важные и доходные посты. Они сражались с греками и персами рука об руку с мусульманскими фанатиками, руководимыми халифом Омаром. В совместных войнах за веру и добычу сложился этнос, получивший название «арабы».⁹⁴ Все они были мусульмане, одни искренне, другие лицемерно. В 656 г. «лицемеры» и фанатики начали войну между собой.⁹⁵ Победили в 661 г. «лицемеры», сохранившие ислам, который продолжал цементировать преобразенный им арабский этнос под зеленым знаменем Омейядов.

⁹² См.: Мюллер А. История ислама. Т. I. СПб., 1895. С. 24–28.

⁹³ См.: Ислам. М., 1984. С. 129 и след.

⁹⁴ См. там же.

⁹⁵ Противники ислама были столь же пассионарны, как и его сторонники, что вызвало ожесточенную гражданскую

Самыми жестокими противниками династии были сами арабы, либо как сторонники потомков законного халифа Али, либо как противники монархического принципа – фанатики ислама. Первые именовались шиитами и выступали под белым знаменем, вторые назывались хариджитами; у них было красное знамя.

Несмотря на наличие многих партий и разнообразие течений мысли, арабские племена интегрировались в единый этнос. Когда кайситам – племенному объединению северных арабов – и кельбитам – южным арабам – приходилось сражаться против персов и греков, в Иране или Сирии, они откладывали в сторону былые распри и помогали друг другу истреблять неверных. В далеких походах бедуины дружили с мекканцами и йеменцами, хотя на родине те и другие терпеть не могли друг друга. Военные лагеря – Куфа, Басра (в Месопотамии), Кайруан (в Северной Африке) и т. п. – стали центрами создания нового арабского этноса, для которого былые племенные связи теряли значение. Но в этих военных поселениях жили не только арабы.

Грандиозные победы на востоке и западе расширили границы халифата до Памира и Пиренеев. Множество племен и народов было включено в халифат и обращено в ислам. Так создался мусульманский суперэтнос, слишком громоздкий для того, чтобы его могла вместить социально-политическая система. Покоренные этносы не отбрасывали воспринятую мусульманскую традицию, но приспособливали ее к своим вкусам и наклонностям, что в равной степени характерно для обращенных в ислам персов, берберов, турок и для самих арабов, в особенности бедуинов. Подобно тому как в Европе боролись гвельфы с гибеллинами, в мире ислама против суннитского халифа, аналогичного не королю, а папе, выступали шииты, сторонники наследников убитого хариджитами халифа Али («Шият-Алий» – партия Али). Стоило шиитам добиться преимущества, как против них выступали ревнители суннитского правоверия, отнюдь не разбиравшиеся в теологических тонкостях, но четко понимавшие его выгоду и охотно убивавшие противников. Однако те и другие без тени сомнения отстаивали ислам от внешних врагов: христиан, язычников и огнепоклонников. Внутренних противоречий сознание единства не устраняло, но сила агрессии почти не снижалась, а именно это было важно для всех соседей халифата, в том числе для хазар.

Захватив Иран в 650 г. и Армению в 654 г., арабы унаследовали ту роль, которую играли в Закавказье шаханшахи⁹⁶ династии Сасанидов. Постоянная война с Византией проходила в горах и нагорьях Малой Азии и на лазурной поверхности Средиземного моря. Первые победы отдали в руки правоверных халифов Сирию, Месопотамию, Египет (634–642). Затем настала очередь Омейядов, завоевавших в 698 г. Карфаген, в 711–712 гг. – Испанию, а затем и Аквитанию. Столь же быстрыми были успехи «лицемерных» мусульман, арабов, внезапно обретших доблесть, незнакомую их предкам, и на востоке. В 661–662 гг. арабы завоевали Агванию и дошли до Дербента. В 664 г. они вторглись в Пенджаб, а в 674–676 гг. – в Согдиану и Хорезмский оазис. В 704–715 гг. арабский полководец Кутейба завоевал все оазисы Средней Азии. Казалось, что зеленое знамя Омейядов вскоре будет реять над всем миром.

Но тут началось сопротивление столь же ожесточенное, как и натиск. В 717–718 гг. арабский флот был сожжен греческим огнем около Константинополя, а армия, изголодавшаяся и потрепанная греками, отошла с огромными потерями. После этой неудачи арабы утратили инициативу в войне против Византии.

В 732 г. Карл Мартелл собрал войско из франков и остановил арабов у Пуатье. Долгое время шла война между франками и арабами на северном склоне Пиренеев, пока арабы не

войну между крайними фанатиками – хариджитами (партией зятя пророка, Али) – и сторонниками Омейядов (которых в мусульманской историографии называли «лицемерами»).

⁹⁶ Шахан – мн. ч. от шах – царь.

отошли за этот хребет. Осталась незавоеванной Астурия, с 718 г. превратившаяся в вечную угрозу для арабской Испании.

В 717 г. хан тюргешей Сулу предложил империи Тан мир и союз против арабов. Противник Китая Тибет заключил с империей Тан сепаратный мир, благодаря чему тюргеша сдерживали наступление арабов до 736 г. Трудно не поставить эти события в связь с той войной, которую Хазария вела на Кавказе, очевидно находясь в составе антиарабской коалиции.

Источники того времени ничего не сообщают о восточных и западных связях Хазарии в период кульминации арабских завоеваний, но разве в источниках написано все? Зато логика событий и хронологические совпадения позволяют считать, что Тюргешское ханство, вступившее в союз с империей Тан, было союзником Хазарии и Византии, а освободившиеся от подчинения Западно-Тюркютскому каганату печенеги действовали в пользу арабов, прервав пути от Балхаша до Каспия. Они тревожили тылы хазар и тюргешей, но не получили помощи от арабов и проиграли войну.

Омейядские халифы располагали силами значительно большими, чем любой из их противников. И пассионарный подъем облегчил им не только походы, но и инкорпорацию покоренных этносов, а тем самым было обеспечено пополнение регулярных войск, именовавшихся в то время таджиками. Но система диверсий при войне на четыре (включая Испанию) фронта не дала возможности реализовать перевес в силах. Прослеживая синхронность выступлений греков, хазар, тюргешей, хуттальских горцев на востоке, франков – на западе, легко убедиться, что она не случайна, а тем самым установить наличие антимусульманского блока, поддержанного империей Тан.

С 717 г. согдийцы вели войну с арабами с переменным успехом, но в 737 г. китайцы поссорились с тюргешами, тюргеша вошли в союз с тибетцами и осадой крепости Кучи парализовали силы империи Тан, изолировав Согдиану. В 738 г. арабский наместник Наср ибн-Сейяр подавил последние восстания и сделал Среднюю Азию мусульманской страной, но зато после битвы при Акроине в 739 г. арабы были выбиты из Малой Азии.

Далеко не каждый режим может позволить себе роскошь терпеть поражения в наступательных войнах. Омейяды были непопулярны в своей стране. Халифов Дамаска ненавидели монархисты – сторонники Алидов и республиканцы-хариджиты, завоеванные берберы, ограбленные персы, обделенные при разделе добычи бедуины, а также все иноверцы, платившие джизью – налог, дававший право на сохранение своей веры. Но кроме поводов к недовольству надо было иметь энергию для борьбы, т. е. пассионарность.

Пассионарных людей было относительно мало, но гармоничных и посредственных – несравненно больше. Пока их не очень прижимали налогами, они вели себя спокойно, давая пассионариям гибнуть в мятежах. Но это было лишь потому, что победы приносили халифам и эмирам основной доход. Те понимали, что их кормит война, и шли туда, где можно было награть имущество и добыть рабов. Поскольку Согдиана была уже освоена, настала очередь Хазарии.

8. Вторжение в Хазарию

Было очевидно, что силы халифата и Хазарии были несравнимы. Помимо того что большую часть хазарских земель составляли сухие степи, в которых обитали враждебные племена, хазары были отрезаны от своих потенциальных союзников – тюркютов и тюргешей и, будучи язычниками, не могли установить искреннего контакта с Византией, потому что в VII–VIII вв. исповедание веры было индикатором политической ориентации. Несмотря на победу над северокавказскими болгарами и захват Степного Крыма в 670–679 гг., хазары практически не имели тыла. Болгарские племена, отошедшие на Дунай и на Каму, грозили им с запада и севера до конца VII в.

А за эти десятилетия арабы подчинили не только Армению и Грузию, но и Агванию (в 693 г.) и Лазику, в результате чего овладели Дербентским проходом. На очереди было вторжение в Хазарию.

Война развернулась вокруг Дербента. В 708 г. арабы захватили, а в 711 г. утратили эту крепость. В 713 г. арабы вторглись в «страну гуннов» (Северный Дагестан) и потерпели поражение, а в 721 г. хазары вторглись в Армению и были разбиты наголову. Арабы, развивая успех, взяли Дербент, Беленджер (на берегу р. Сулак) и разрушили Семендер (на берегу Терека, около станицы Шелковской). Успех арабов был облегчен тем, что аланы ударили по тылам хазар. За это они заплатили дорого: в 724–725 гг. арабы прошли через Дарьяльский проход, напали на алан, покорили их и обложили подушной податью.

Затем каждый год происходили набеги арабов и контрнабеги хазар, причем активность первых умерялась необходимостью расплывать силы на Малую Азию и Среднюю Азию, а вторым пришлось перенести столицу с Терека на Волгу, где был построен город Итиль.

На стороне хазар сражались евреи, обитавшие на равнине между Сулаком и Терекком,⁹⁷ и греки, союз с которыми был скреплен браком императора Константина V (Исавра) и хазарской царевны Чичак (Цветок), в крещении Ирины. Некоторую помощь оказали грузины, составившие в 735 г. против арабского гнета и усмиренные крайне жестоко. Гораздо меньше, чем можно было ожидать, сопротивлялись арабам государства Дагестана. Талантливый и жестокий полководец Мерван взял горные крепости, покорил в 736 г. лакцев (лакзов) и алан и перенес войну в Хазарию. В 737 г. арабское войско дошло до правого берега Волги. Оно насчитывало 150 тыс. воинов, в том числе вспомогательные отряды армянских князей. Против этой могучей армии хазары смогли выставить лишь 40 тыс. ополченцев. Хан, покинув войско и страну, бежал на север, «к горам», а хазарская рать двигалась за ним по левому берегу Волги, полагая, что эта могучая река является непреодолимым рубежом для их противников.⁹⁸

Хазары недоучли развитие инженерного искусства южных народов. Омейяды опирались не только на бедуинов Аравии, кайситов и кельбитов, и оседлых арабов Хиджаса, владевших столь же примитивной техникой, как тюркюты и хазары. Завоевание культурных стран Ближнего Востока дало им в руки такие возможности, каких не было у хазар, хотя и не повысило культурного уровня головорезов, составлявших экспедиционные отряды. Блестящая культура, которую принято называть мусульманской, возникла позже и создана персами, сирийцами, египтянами и городскими арабами Месопотамии после того, как все они сокрушили диктатуру Омейядов, опиравшуюся на грубую силу бедуинского союза кайситов.

Итак, Мерван располагал умелыми инженерами, которые сумели соорудить понтонный мост через Волгу. По этому мосту переправился отборный отряд арабов и напал на хазарское ополчение врасплох. Десять тысяч хазар было убито, 7 тыс. взято в плен, остальные разбежались.

Поняв, что война проиграна, хазарский хан запросил мира и получил его при условии принятия ислама. Мерван вернулся в Закавказье с добычей и 40 тыс. пленных, которых арабы называли «сакалиба». Эти несчастные были захвачены в плен около «славянской» реки, а что считать славянской рекой, не было установлено.⁹⁹ Предполагалось, что эта река – Дон, около совр. Калача. Пленники, придя на место, взбунтовались, убили поставленного над ними эмира и бежали на родину, но по пути они были настигнуты и перебиты.

Разгромив хазар, Мерван подчинил в 739 г. государство Серир (в Дагестане), а в 744 г. вернулся в Дамаск и сел на престол халифа. И тут этот прославленный воин столкнулся с

⁹⁷ О том, как попали евреи на Кавказ и в Хазарию с Ближнего Востока, см. ниже – 23. У персов V–VII вв.

⁹⁸ Подробное описание операций см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 202–225.

⁹⁹ См. ниже – 28. Рахдониты.

такими врагами, против которых бессильны таланты и доблесть, – с предательством и изменой. В 750 г. он погиб.

9. Неожиданная победа

Грандиозные победы арабов оказались бесплодными. Население Хазарии и Дагестана предпочитало исламу христианство, распространявшееся среди горожан. Сами хазары охарактеризованы современным христианским автором как народ грубый, звероподобный и кровожадный, без религии, но почитающий единого Бога-Творца.¹⁰⁰ Но не так уж правильна эта характеристика, ибо веротерпимость хазар достоверна. Евреи жили среди хазар, не испытывая никаких ограничений, и даже пользовались свободой слова при диспутах с христианами и мусульманами. Один из таких диспутов описан в письме царя Иосифа, причем евреи якобы одержали полную победу. Этот диспут имел место в царствование византийского императора Льва III (717–741),¹⁰¹ дав возможность вождю еврейской общины, охазаренному еврею Булану, принять библейское имя Сабриэль и сделать блестящую военную карьеру (см. ниже), кончившуюся описанным разгромом Хазарии. И не случайно мусульманский проповедник, оставленный Мерваном для обращения хазар в ислам, был коварно убит не грубым язычником или фанатичным христианином, а еврейским раввином, как сообщает достоверный арабский автор ал-Бакри.¹⁰² Но это преступление было фактом исключительным. После 750 г. хазары вернулись к привычным нормам поведения и даже принимали сторонников Омейядов, просивших у них политического убежища.

При новой династии – Аббасидах – хазары перешли в активное наступление и с 764 по 799 г. вторгались в Закавказье, где от власти арабов освободились Кахетия, Тао-Кларджети и Абхазия. Теперь уже не халифат был опасен Хазарии, а Хазария – халифату.

Столь же безвредна стала для хазар Византия, которая помимо внутренних неурядиц выносила постоянную войну с арабами, проходившую с переменным успехом для обеих сторон. Союз с Хазарией был Византии так дорог, что даже попытка крымских готов освободиться от власти хазар и вернуться в состав империи не была поддержана греками, а руководитель мятежа был выдан хазарам. Те обошлись с пленником весьма милостиво: устроили ему побег из тюрьмы.¹⁰³ Видимо, хазары не сочли готскую авантюру чем-то заслуживающим внимания.

Помимо набегов, приносивших богатую добычу, хазарские ханы династии Ашина вели и значительно более масштабные операции. В 762 г. в руки хазар перешли области Хамзин, Лакз и Алан,¹⁰⁴ а это значило, что все плоды походов Мервана уничтожены и Кавказский хребет стал естественной границей Степной Евразии и мусульманского мира – Леванта.

Однако взаимодействие между халифатом и Хазарией не прекратилось, а просто изменило форму. Место воинов-завоевателей заняли купцы, сделавшие Каспий и Волгу торговым путем в страну Биармию, или Великую Пермь. Арабские серебряные дирхемы потекли на север в обмен на драгоценные меха. Новая хазарская столица Итиль, находившаяся в Волго-Ахтубинской пойме, и Великий Булгар, расположенный несколько ниже впадения в Волгу Камы, превратились в перевалочные пункты транзитной торговли. Эта последняя стимулировала развитие земледелия и виноградарства, так как избыток продуктов находил сбыт на

¹⁰⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 248.

¹⁰¹ См. там же. С. 266.

¹⁰² См. там же. С. 277.

¹⁰³ См. там же. С. 254–256.

¹⁰⁴ См. там же. С. 243.

итильском базаре, где покупали пропитание приезжие, натерпевшиеся голода в пути через море. Тогда между арабами и хазарами установился прочный мир.

Подведем итог. За полтораста лет самостоятельного существования (650–800) крошечный тюрко-хазарский этнос не только отстоял свою независимость, но и расширил пределы своей державы до Дона на западе, Кавказского хребта и Яйлы на юге и Яика на востоке. Северную границу определить трудно, да вряд ли она и существовала как определенная граница. Скорее можно говорить о силе влияния, плавно убывавшей по мере отдаления от столицы.

Эластичность государственной системы, которую можно рассматривать как вариант тюркского эля, допускала компромиссы с соседними этносами и субэтносами, т. е. малыми племенами, сливавшимися с хазарами. А стойкость этнической целостности определялась принадлежностью всего населения Хазарии к западноевразийскому суперэтносу.

Исключением была только немногочисленная колония евреев в равнинном Дагестане, мирно сосуществовавшая с хазарами. Однако добрые взаимоотношения и этнические контакты не одно и то же. Если первые определяются политическими ситуациями и конъюнктурой, то вторые не зависят от сознания людей, а тем более от волевых решений ханов или беков. Законы природы имеют свою логику, и в IX в. последняя вступила в силу. Тогда на месте этнической ксении¹⁰⁵ появилась страшная суперэтническая химера.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западно-тюркютских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов, причем самым неожиданным образом. Но не будем спешить, закончим описание южных соседей Хазарии.

10. Смена фазы

Пассионарный подъем этнической системы характеризуется социальным императивом: «Будь тем, кем ты должен быть», что способствует увеличению слаженности внутри этноса и даже суперэтноса. Именно благодаря такой слаженности первые халифы, а затем Омейяды могли мобилизовать энергию своих подданных на завоевания и подавление восстаний внутри страны, но рост пассионарности превышает возможности системы и разрушает ее устойчивость. Как только возникает, и всегда стихийно, императив акматической фазы: «Будь самим собой», система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси. Это перегрев, охладить который может только пролитая кровь.

Именно кровью арабов и персов, шиитов и хариджитов гасил восстания Хаджжадж, омейядский полководец, в 680–701 гг. Этими зверствами он задержал ход этнической истории на 50 лет, но остановить природный процесс этногенеза труднее, чем лавину. Хаджжадж, «враг Аллаха и людей», казнил 130 тыс. человек, но те перед гибелью успели рассеять генофонд по популяции, так что в VIII в. пассионарный уровень персов и берберов сравнялся с арабским, а, может быть, кое-где и превысил его. Поэтому престол последних Омейядов в Дамаске стал походить на просыпающийся вулкан. И так как Омейяды держали всех Алидов под присмотром, на роль претендента был выдвинут потомок дяди пророка, Аббаса, Абуль Аббас Саффах, у которого был талантливый помощник, бывший раб, Абу-Муслим.

В 744 г. в Куфе взвилось белое знамя шиитов, а красное знамя хариджитов уже реяло от Западного Ирана до Южной Аравии. Кайситы поссорились с кельбитами, и последние

¹⁰⁵ Ксения (ксенос – гость) – термин, заимствованный из геологии.

стали противниками Омейядов. Наконец, в Хорасане 9 июня 747 г. 4 тыс. повстанцев подняли черное знамя Аббасидов и двинулись на запад, на ненавистный Дамаск.

К Аббасидам примкнули все группы населения халифата, обиженные Омейядами: иранские крестьяне, бедуины-кельбиты и беглые рабы; мусульмане – сунниты, шииты, харижиты; немусульмане – маздакиты, манихеи, несториане и огнепоклонники. Силы Мервана таяли, и в январе 750 г. все было кончено. Аббасиды, пришедшие на смену Омейядам, должны были управляться со всем этим разнообразием, а это было очень трудно. Первый халиф, Абу-л-Аббас (749–754), ознаменовал свое вступление на престол резней членов рода Омейя, хотя те выразили готовность ему подчиниться. Второй, Мансур (754–775), предательски убил Абу-Муслима, благодаря которому династия взошла на престол. Его сын Махди (775–785) открыл дорогу дворцовым интригам, в результате чего его наследник Хади (785–786) был убит и власть досталась другому его сыну – Харуну ар-Рашиду (786–809), незаслуженно прославленному в своде новелл «Тысяча и одна ночь». На самом деле это был жестокий деспот, казнивший своих лучших помощников – визирей из рода Бармекидов.

Все перечисленные и опущенные в перечислении случаи вероломства указывали наперед широчайшее развитие эгоизма, доводимого до крайних пределов, не принимающего в расчет общих интересов владетельного дома,¹⁰⁶ а тем более государства. Как ни плохи, ни жестоки, ни лицемерны (в религиозном смысле) были Омейяды, но они шли от победы к победе, руководствуясь, пусть неискренне, доминантой ислама и джихада (войны за веру). Аббасиды были правоверными суннитами, но именно при них арабы утратили всякое значение в державе, созданной их героическими предками. Персы вытеснили арабов из администрации, тюрки – из гвардии, негрызиджи – из домашнего быта, евреи – с базара. Багдад стал мировым центром транзитной торговли, но считаться с его населением халифы не хотели, ибо верили не своему этносу, а своему окружению: подхалимам, солдафонам и доносчикам.

Этот гипертрофированный индивидуализм показывает, что арабы VIII–IX вв. догнали византийцев V в., вступив в акматическую фазу пассионарного напряжения. Это, видимо, связано с широкой метисацией и полигамией, при которой дети пассионариев от разных матерей заполняли войска и базары, дворцы и мечети. И так как детей до пяти лет воспитывали матери, то родство по отцу воспринималось как юридическая фикция. Рост пассионарности и этническая метисация разрывали арабские семьи. А при этом где уж удержать единство государства?

Понятно, что при таком управлении не могло даже быть речи о завоеваниях. Наоборот, были утеряны Испания в 756 г., Магриб (Марокко) в 789 г. и Ифрикия (Тунис) в 800 г. Инициатива в мировой политике стала переходить от мусульман к христианам.

Однако потеря политического единства придала суперэтнической системе гибкость, позволившую ей распространиться вширь без тяжелых и кровопролитных войн. Первые три века обращение в ислам стоило очень дорого, и плата с новообращаемых собиралась в форме тяжелых налогов. Поэтому горцы Гиндукуша и степняки Средней Азии не жалели сил, отстаивая вместе с верой независимость. Но если независимость горцев надежно защищали непроходимые ущелья и отвесные скалы, на которых высились неприступные крепости, то горожанам приходилось искать компромиссы между своей совестью и установками правительства. Тех, кому это удавалось, называли шиитами, и хоть не одобряли, но и не преследовали.

Столетнее владычество арабов в Иране и Северной Африке изменило характер этнического размежевания предшествовавшей эпохи. Бедуины постепенно теряли былые племенные различия, так как сменили скотоводство на сопровождение и охрану караванов палом-

¹⁰⁶ См.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 147.

ников, а культ звезд – на нивелирующий ислам. Но в Аравии и Сахаре перемены шли очень медленно, тогда как в городах пришлое население мешалось с местным и уже в VIII в. создался тип «восточного» города, знакомый читателю по многим описаниям путешественников и беллетристов.

Характерной для этнологии тут была замена родоплеменного принципа сложения субэтносов конфессиональным. Это может показаться странным, так как доктрина ислама монолитна, проста и как будто не допускает отклонений и ересей. Но если пассионарные люди имеют причину для раскола, то они найдут и повод.

Впервые единство было нарушено убийством халифа Османа в 656 г., что вызвало первую гражданскую войну. Затем в 657 г. халифа Али покинули 12 тыс. воинов, создавшие новое течение – хариджиты. Эти три течения, вначале только политические, создали себе идеологические системы, стереотипы взаимоотношений друг с другом и внутри своих общин и завербовали сторонников из числа покоренных этносов, причем горожане, оппозиционные к правительству, часто предпочитали шиизм, а кочевники становились хариджитами.

При этом разделении мусульман активно действовали гебры-огнепоклонники, хуррамиты-маздакиты, христиане-монофизиты в Армении и Египте и монофелиты в горах Ливана. И все это конфессиональное разнообразие было необходимо как повод для кровопролития, ибо страсти, сжигавшие сердца потомков арабов, требовали выхода и находили его в войне против халифов. Ради этой борьбы возникали разнообразные консорции, большая часть которых погибла, но некоторые доросли до уровня субэтноса.

Соотношение между категориями «этнос» и «культура» крайне вариабельно. Этнос не может обойтись без системы запретов, унаследованных от предков навыков, представлений о справедливости, хотя бы только для соплеменников, и родовых святынь. Но когда это все создано, стало привычным, сделалось достоянием всех принятых в социальную систему государства и, самое главное, когда создатели культурного комплекса оказались в положении угнетенных, а иноземцы – привилегированных, то установившийся порядок может существовать как дом, из которого выгнали семью, его построившую. Так было в Арабском халифате IX в.

Арабская пассионарность, рассеянная по всему Ирану, нашла свое выражение в серии восстаний, обреченных на гибель, но повторявшихся под различными лозунгами. В 755 г. – восстание Сумбада Мага в Западном Хорасане; в 767 г. – восстание Устада Сиса в Восточном Хорасане; в 778–779 гг. – восстание «краснознаменных» в Гургане; в 776–783 гг. – восстание «одетых в белое» в Мавераннахре; в 816–837 гг. – восстание хуррамитов (маздакитов) в Азербайджане и Западном Иране под предводительством Бабека. Но самым существенным было восстание Мамуна, сына халифа Харуна ар-Рашида, против своего брата Амина. И вот почему.

Мамун был законным наследником... от жены-персиянки. Амин был младшим сыном... от жены-арабки. Поэтому Харун завещал престол Амину, которого поддерживали арабы. Мамун, будучи правителем Хорасана, поднял восстание в 811 г. Его поддержали персы, и он победил в 813 г., хотя сопротивление арабов длилось еще несколько лет. С этого времени халифат перестал быть арабским, а стал мусульманским суперэтносом, политически раздробленным на несколько эмиратов и идеологически расколотым шиитскими направлениями и суннитскими школами. Тех и других было по четыре, и все они боролись друг с другом, занимая разные кварталы в самых оживленных городах.

В мусульманских городах жизнь была легкой и приятной, ибо тяжело жилось в деревнях и кочевьях. А в торговых городах население всегда смешанное и часто непостоянно живущее. Одни приезжают, торгуют и уезжают, другие их сменяют, третьи общаются. Так в Дамаск, Александрию, Тунис и Севилью вместе с духами и шелками с Востока проникали

идеи – новые, интересные, логичные и перспективные в том смысле, что их можно было обратить в действия, сулящие власть и богатство. Возникали многочисленные секты, члены коих называли себя шиитами, чтобы избежать гонений. Секты захватывали власть, и за счет нее сектанты обогащались, равно как и правоверные сунниты, когда им удавалось подавить мятежников.

А так как самим выдумывать философские концепции сложно, то рассказы о них подслушивали на базарах у приезжих, ибо среди купцов были образованные люди и даже ученые. Таким образом, оригинальные этнические мироощущения и мировоззрения вытеснялись привозными. Все это называлось «мусульманской культурой» и предлагалось соседним христианским народам как высшее достижение интеллекта.

Те реагировали на это предложение двояко: греки, гордые древней культурной традицией, воспринимали «восточную» философию скептически, французы и испанцы принимали ее с восторгом, но усваивали выборочно, с определенной степенью критики, хотя противопоставить ей не могли ничего существенного. Арианская традиция была к IX в. забыта, а с нею ушла былая грамотность белого духовенства. В Константинополе сидели иконоборцы, поэтому папы не препятствовали обучению кандидатов в епископы в Кордове. Так и потянулись метастазы восточных учений через Францию в Англию. Таково было обаяние культуры инерционного периода арабского этногенеза.

И на это роскошное здание, фундамент которого уже сгнил, с восторгом смотрели жители Западной Европы, переживавшей так называемое Каролингское возрождение, во время коего малограмотные франкские короли приглашали ученых из неправовой Ирландии, из схизматического Константинополя и, уж конечно, из Кордовы и Севильи, где жили ученые иудеи, которые могли научить необходимым языкам – греческому, латинскому, древнееврейскому.

Иудеи и христиане разных исповеданий были разбросаны по всем крупным городам халифата, но кроме участия в экономической жизни Ближнего Востока они обогатили мусульманскую культуру переводами греческих авторов на арабский язык. В эпоху Омейядов этой работой занимались христиане. Знаменитый Иоанн Дамаскин остроумно пытался найти точки соприкосновения между христианством и исламом, истолковывая предвечность Корана, «Слова Божия», переданного Аллахом через архангела Гавриила пророку Мухаммеду, как вариант учения о Логосе – «втором лице святой Троицы».

С победой Аббасидов центр тяжести культуры переместился в новый город – Багдад, построенный халифом Мансуром на западном берегу Тигра. В Ираке были другие читатели, нежели в Сирии. Большая часть иракских арабов происходила от буйных воинов Куфы и Басры – военных колоний VII в. К их числу добавились персы и потомки купцов, приезжавших в Басру через Персидский залив. Этим пассионариям второго-третьего поколений нужна была собственная идеология: философия и теология. Они обрели таковую и отделились от правоверия. Их так и называли: «мутазилиты» (отщепенцы). Сами себя они называли «людьми единобожия и справедливости».¹⁰⁷

По сути дела, мутазилиты перестали быть мусульманами. Отрицая несозданность Корана, они отрицали и святость его, что позволяло им толковать суры (тексты) аллегорически, т. е. как угодно. Не признавая предопределения, они выступали против фатализма на том основании, что Аллах не предписывает творить зло, а поскольку такое налицо, то оно исходит не от Бога, а от свободной воли. В этом они смыкались с зороастризмом, ибо при отсутствии возможности выбора между добром и злом свободной воле людей негде проявиться. Бога мутазилиты считали непознаваемым, так что не было возможности отличить его от шайтана. Рай и ад они считали метафорами, а не реальностью.

¹⁰⁷ Бартольд В. В. Ислам. Пг., 1918. С. 70; Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966. С. 199–213.

Вместе с этим мутазилиты были противниками религиозного вольнодумства. По их наущениям халиф Мамун в 827 г. объявил учение мутазилитов государственным исповеданием, а в 833 г. учредил инквизицию (михна), цензуру и наказания ссылкой и плетью для ортодоксальных мусульман.¹⁰⁸ Этот жестокий режим просуществовал до 850–851 гг., но, увы, бывшая мусульманская веротерпимость не вернулась; только теперь еретиками считали самих мутазилитов наряду с хариджитами, шиитами, «зиндиками». Даже терпимые исламским правом христиане и иудеи стали подвергаться тяжелым стеснениям при суннитском фанатике Мутаваккиле.¹⁰⁹

Кратковременное господство мутазилитов в халифате имело последствия поистине грандиозные. Небольшой кружок интеллигентов, читавших лекции, переводивших на арабский язык греческих философов и проводивших научные диспуты, встал между правительством и народом. Ради успеха своего учения мутазилиты одобрили произведенную халифом Мутасимом реорганизацию гвардии: конница пополнялась рабами-тюрьками, а пехота – наемниками-дейлемитами. Правительство вооружалось против народа.

Однако тюрьки были не теми людьми, которых легко использовать. В 861 г. они убили халифа Мутаваккиля, а затем за десять лет – четырех его преемников при полном равнодушии населения Багдада. Династия Аббасидов была надежно скомпрометирована.

Но еще более вредным последствием для ислама было распространение тезиса «батин» (внутренний смысл), допускавшего любой произвол в толковании Корана. Как только это учение попало в руки деловых интриганов, они создали систему исмаилизма, или карматства, основанную на тайной мудрости для посвященных и безусловном повиновении для профанов; а где тайна – там дьявол. И тут кровь потекла еще обильнее.

11. Поборники искаженного света

В середине VIII в. партия сторонников Алидов распалась на умеренных и крайних, последних называли исмаилитами, или карматами. Карматы унаследовали старинную арабскую пассионарность, сменив религиозную доминанту, т. е. фактически отойдя от догматов ислама. По сути дела, их община в Бахрейне превратилась в субэтнос, создавший в 899 г. самостоятельное государство с центром в Лахсе. Война карматов с мусульманами была беспощадной, и вот почему.

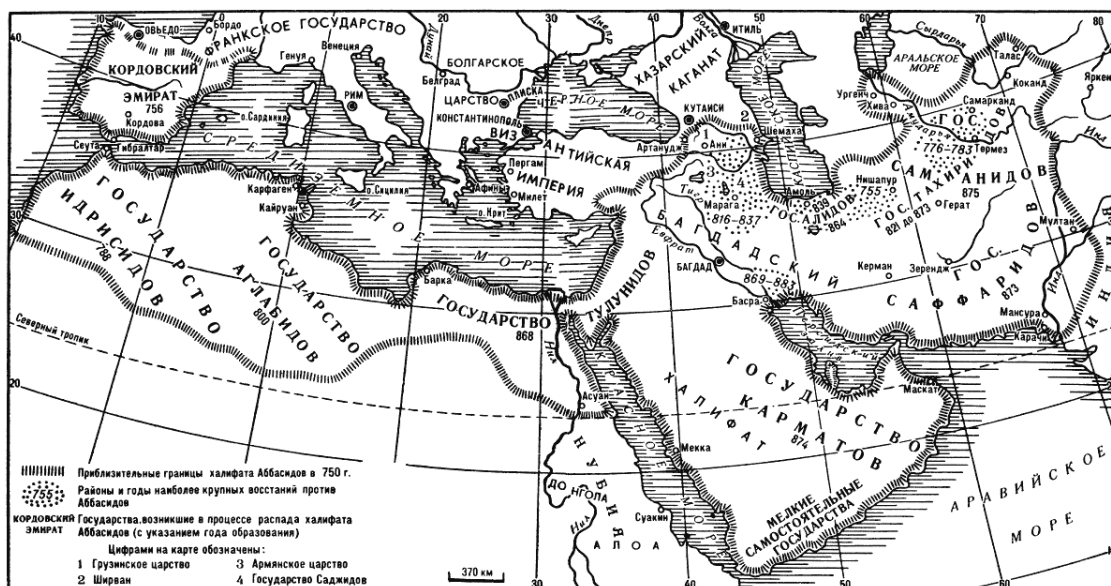
Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям за дополнительный налог, харадж, спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палач зиндиков».¹¹⁰ Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье и вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдула ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии глазной врач, умер в 874 (875) г. Его последователь Убейдулла захватил власть в Африке как потомок Али. Он использовал право на ложь, даваемое высокой степенью посвящения.¹¹¹

¹⁰⁸ Мамун вначале был умеренным шиитом (см.: Бартольд В. В. Указ. соч. С. 72), но после того, как против него в Ираке в 815 г. восстали шииты зейдитского толка и ему пришлось казнить вождя повстанцев (см.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 248), он перенес свои симпатии на мутазилитов, отчего пострадали сунниты, шииты, да и сами мутазилиты.

¹⁰⁹ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 255.

¹¹⁰ Зиндик от персидского слова «зенд» – смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» – знание. Следовательно, «зиндики» – это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок – «колдуны» (см.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 186).

¹¹¹ «Основа их веры внешне состоит в исповедании шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внут-

Аббасидский халифат в VIII–IX вв.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. «Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному: исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, буркаиты, джаннибиты, сайдиты, мухаммирэ, мубанзе, талими... Цель же их была одна – во что бы то ни стало разрушить ислам».¹¹² Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактическая история хода событий не подтверждала ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т. е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь всегда находит отклик в массах, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл – все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много, достаточно было поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых неканонических идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины, да'и (глашатаи), выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и происходят, а вот если его восстановить, то... Но тут проповедник, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просил продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, брал с него клятву соблюдения молчания, а затем, испытывая добрую волю прозелита, а также его способность к послушанию, сумму денег, сообразно средствам обращаемого, на общее дело. Затем шло приобщение новообращенного к учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках,¹¹³ равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут

ренне же они – неверные» («Китаб ал-байан». 158; цит. по: Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.; Л., 1949. Примеч. 339. С. 336). К аналогичному заключению пришел И. П. Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилия» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами (см.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 242).

¹¹² Низам-ал-Мульк. Сиасет-намэ. С. 223.

¹¹³ Адам, Ной, Авраам, Моисей, Иисус, Мухаммед – согласно учению всех мусульман; седьмой – ал-Махди – должен явиться перед днем Страшного суда, т. е. конца мира.

четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама – все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно. Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди только аллегория познания и распространения истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все наоборот нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверца путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане – враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилие. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть. Цель же этой ужасной жизни была ясна: для личности – достижение ангелоподобия, а для общины – путь, указанный «имамом времени»,¹¹⁴ т. е. Фатимидом, которому постепенно должен подчиниться весь мир. Эта «раковая опухоль» разъела тело халифата.

12. Смещение

А теперь прервем изложение хода событий и попытаемся найти в нем географический смысл. Психология этноса выражает себя в стихийно сложившейся доминанте – системе далеких прогнозов – и в стереотипе поведения. Но когда на органический настрой действует другой, достаточно мощный, то неизбежна деформация и доминанты, и стереотипа. Тогда появляется вместо органического мировоззрения эклектическое и, как правило, с обратным знаком, т. е. антисистема. Здесь применим третий биогеохимический принцип В. И. Вернадского, согласно которому «мысль не является формой энергии, а производит действия, как будто ей отвечающие».¹¹⁵ В нашем случае сознание мутазилитов сыграло роль руля, повернувшего пассионарные импульсы своих последователей на 180°. Произошла частичная аннигиляция, после чего уцелевшие арабы превратились в реликт, а арабоязычная культура распространилась по Средиземноморью независимо от арабского этногенеза. С X в. действующей фигурой истории стал многоэтничный мусульманский суперэтнос, в котором на первое место вышла дейлемская династия Буидов, на второе – антисистема Фатимидов и разбойничья республика карматов Бахрейна, на третье – бедуинские эмираты Сирии: Хамданиды, Укейлиды и др., и только на четвертое – суннитский халиф в Багдаде, окруженный со всех сторон враждебными шиитами.

Казалось бы, при таком печальном положении распространение ислама должно было остановиться. А случилось обратное: ислам шиитского направления приняли дейлемиты, а суннитского – карлуки (в 960 г.) и тюркское племя ягма¹¹⁶ (в 1000 г.). Зачем? Или, точнее, почему?

Оба этноса – горцы-дейлемиты и степняки-туркмены – были чужды мусульманской культуре, но те и другие использовали раскол среди арабов, так же как его использовали берберы в Северной Африке. Расчет их был верен: поддержать слабого и сломать сильного. Как ни плохо было багдадскому Аббасиду, он оставался повелителем правоверных. Это считали правильным не только массы, но и могущественные эмиры Хорасана и Мавераннахра – Саманиды, Азербайджана – Саджиды и ширваншахи, и правители Дербента. Суннизм ослабел, но значения не потерял. Возникло нечто вроде политического равновесия.

И тут выступили дейлемиты. Покинув свою горную скудную страну, вооруженные идеями восстановления царства Сасанидов и воздаяния захватчикам-арабам, руководимые

¹¹⁴ Цит. по: Бертельс А. Е. Насир-и-Хосров и исмаилизм. М., 1959. С. 262.

¹¹⁵ Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С. 272.

¹¹⁶ См.: Гумилев Л. Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С. 86.

талантливыми полководцами из фамилии Буя (Буиды), они врезались в Западный Иран, отделив Ирак – владение Аббасидов – от Хорасана, принадлежавшего Саманидам. И тут оказалось, что для того, чтобы делать завоевания в странах ислама, обязательно быть мусульманином. Буиды и их войско это знали и потому приняли шиизм в его умеренной форме еще перед началом завоеваний, что обеспечило им успех.¹¹⁷

Арабы защищались как умели, т. е. очень плохо и беспорядочно. Эмиры Мосула, Хамданиды, имели достаточно войск, чтобы поддерживать халифа в Багдаде, но они к этому не стремились. Им было важнее расширить границы своего наместничества. Поэтому время и силы арабов уходили на интриги, распри, предательства, перечисление которых увело бы нас далеко от темы. А Буиды наступали, иногда неудачно, но последовательно.

Жители Ирака, и особенно Багдада, ненавидели дейлемитов, как иноплеменных завоевателей и шиитов. Столь же искренне они ненавидели своих защитников и единоверцев – тюркских гулямов, составлявших войска эмиров Месопотамии и Сирии. Но больше всего они боялись своих соплеменников – карматов. Сами же городские арабы не находили в себе мужества для защиты и от врагов, и от друзей, и от соседей-бедуинов, и даже от начальства. А ведь это были потомки завоевателей полумира!

В X в. в самом Багдаде, ограбляемом тюрками и дейлемитами, царил страшный голод; обыватели были обобранны до последнего дирхема на уплату жалованья войскам. Поэтому 19 декабря 945 г. Ахмед Буид после недолгого боя у ворот вступил в столицу, заставил халифа Мустафи назначить себя главнокомандующим (эмир ал-умара) и объявил себя султаном, чем присвоил себе всю светскую власть.¹¹⁸ Вскоре халиф был свергнут с престола за то, что велел арестовать одного из Алидов, ослеплен и умер в тюрьме,¹¹⁹ а его наследники владели нищенское существование.

Победа Буидов означала торжество шиизма, хотя большая часть населения Ирака и даже Багдада осталась верна суннизму. Вслед за Ираном и Сирией шиизм восторжествовал в Африке, где в 969 г. Фатимиды овладели Египтом. Суннизм как господствующее исповедание уцелел только в Испании, у Омейядов – потомков «лицемерных» мусульман, и в Средней Азии, у Саманидов. Иначе говоря, суннизм был оттеснен на окраины ареала, а шиизм принял на себя защиту ислама и... проиграл серию войн с Византией и Грузией.¹²⁰ В мусульманском суперэтнотопосе появились симптомы фазы надлома.

Для фазы надлома характерна потеря ощущения единства, как бы «раскол этнического поля», когда идеологические споры обретают реальное политическое бытие. Сами арабские хронисты называют эту дату – 974 г. – и это явление – «асабийя», т. е. раскол.¹²¹ С этого времени арабские шииты стали сторонниками дейлемитов, а не единоплеменных арабов. В 1015–1018 гг. дело дошло до открытых военных столкновений в самом Багдаде.

Буиды продержались у власти 110 лет и, вероятно, довели бы ислам и его культуру до полного разложения, если бы им не мешали туркмены-сельджуки.¹²² Те взяли пример с Буидов: начиная завоевание Ирана, они приняли сторону слабой партии и, опираясь на ее поддержку, одержали победу. Халиф сделался их союзником и уже в 1049 г. занял шиитский квартал тюркскими войсками. В 1055 г. Тогрулбек вступил в Багдад и объявил себя султаном. Положение халифа как будто осталось прежним, но теперь он стал духовным главой прави-

¹¹⁷ См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. II. С. 262 и след.

¹¹⁸ См.: Мюллер А. Указ. соч. С. 267–268.

¹¹⁹ См.: Михайлова И. Б. Религиозно-политическая борьба в Багдаде при Буидах и Сельджуках (X–XII вв.) // Ислам. С. 223.

¹²⁰ Из-за вражды шиитов и суннитов в 974 г. не удалось собрать войско для отражения греков (см. там же. С. 225).

¹²¹ Цит. по: Михайлова И. Б. Указ. соч. С. 225.

¹²² См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Вып. IV. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1987.

теля, тогда как при Буидах был заложником у еретиков. Победы трех Великих Сельджуков остановили наступление христиан, а их потомки отразили крестоносцев.

А дейлемитов не стало. Буиды увели со своей родины так много самых храбрых и сильных юношей, что Дейлем захирел, хотя его никто не пытался завоевать. Последняя мелкая династия, возводившая свою генеалогию к Сасанидам – Бадуспаниды, – просуществовала до конца XVI в., после чего прикаспийские области были присоединены к Персии.¹²³ Победы бывают столь же губительны, как и поражения.

Изменились нравы самих суннитов. Если раньше они привлекали и обращали иноверцев, то в конце XI в. в самом Багдаде ханбалиты (ведущая школа) срывали лекции и проповеди ученого ал-Кушайри, обратившего в ислам несколько иудеев. Ханбалиты кричали: «Это ислам вероломства и подкупа!» – и громили медресе.¹²⁴ Это вызвало такое возмущение, что шииты Багдада потребовали смены халифа.

Через три года ханбалиты подняли восстание не только против шиитов, но и против властей. Его пришлось усмирять войсками, которые жестоко расправились с ханбалитами, и те как организация перестали существовать.¹²⁵ Впрочем, уцелевшие школы – ханифиты и шафииты – восполнили утрату: резня в арабских и персидских городах не прекратилась. А так как наряду с этим кошмаром, затянувшимся на 170 лет, шли постоянные междоусобицы между сельджукскими эмирами и атабеками, то неудивительно, что страна ослабела, вследствие чего третье смещение – монгольское – осуществилось легко и дало последствия, которых при другом положении можно было бы избежать.

¹²³ См.: Босворт К. Э. Мусульманские династии. М., 1971. С. 124.

¹²⁴ См.: Михайлова И. Б. Указ. соч. С. 226.

¹²⁵ См. там же. С. 226.

III. Христианский суперэтнос

13. Кризис Запада

На осколках разбитой Римской империи и в пепле, остывающем после Великого переселения германцев на запад, с VI по VII в. шел необратимый и неотвратимый процесс снижения пассионарного напряжения, который влек за собой распад нравственности, культуры, экономики, политической власти. Но в IX в. положение изменилось радикально. Произошла «феодалная революция», когда дружинники, превратившись в графов, разорвали «священную империю» на три части и официально заговорили на своих родных языках. Тогда появились как государственные языки французский и немецкий (Страсбургская клятва 842 г.).

Но разделение страны было искусственным, и потому нежизнеспособные королевства продолжали разваливаться. Новая революция была, по сути дела, этнической. Бывшая Нейстрия распалась на Францию, Бургундию (графство), Аквитанию, Бретань и Тулузский палатинат в соответствии с этническими особенностями новых этносов, возникших на основе смешения вельсков и тевтонов. Оформление новых этносов завершилось в 888 г. Потрясающе быстро, не правда ли?

Очевидно, что как некоторые химические реакции идут лишь при высокой температуре и в присутствии катализаторов, так и этническая гибридизация при разных степенях пассионарного напряжения протекает по-разному. При слабых степенях особи инертны, и сочетание в потомке двух стереотипов дает внутренний разнобой, своего рода какофонию, разбивающую психофизиологическую структуру организма. Но при высоких степенях организм становится пластичным, благодаря чему создались новые, до сих пор не существовавшие стереотипы, а тем самым возникли новые этносы. Эту фазу этногенеза можно назвать творческой, хотя от нее, как правило, не сохраняется памятников культуры.

В западной части империи население было более смешанным, и потому перемены были более значительны, а процесс шел интенсивнее. На востоке, где было сплошное германское население, дольше сохранялись старые племенные объединения: саксы, франки, тюринги, швабы, байерны, что и отразилось в длительной тенденции к раздробленности Германии, когда уже появились саксонцы, баварцы, франконцы и т. д. Тот же процесс и в то же время коснулся западных славян, из которых выкристаллизовались поляки и чехи, а бодричи и лютичи вступили в смертельную схватку с соседними немцами и проиграли ее.

Наиболее показательна в этом отношении Скандинавия, страна бедная, долго пребывавшая в безвестности. С VIII в. там внезапно началось и в IX в. развилось новое явление – движение «викингов».

С этими явлениями совпадает первая волна Реконкисты в Испании. Астурийцы, дотоле державшиеся в своих горах, оттеснили арабов за Тахо. Правда, они вскоре были отбиты, но сама попытка показывает, что у них возродилась воля к борьбе и победе.

Молодые скандинавы могли воевать только с сородичами, но на открытую войну не решались и предпочитали эмиграцию. В IX в. они стали кошмаром для всех прибрежных областей Европы, используя реки для проникновения внутрь стран, манивших их накопленными богатствами. И не только Европа, но и Америка были жертвами «ярости норманнов», но нигде они не могли закрепиться, кроме Северной Франции, ныне именуемой Нормандия. Значит, не так уж велика была их сила; скорее сопротивление им в IX в. было слишком слабым.

Причина внезапного и кратковременного – всего 300 лет – свирепства норманнов была неясна еще их современникам. Первая гипотеза объясняла этот феномен как кару Божию за

грехи людей. Однако до IX в. и после IX в. люди также заслуживали кары, но норманны не принимали в этом участия. По другой теории, суровый климат Скандинавии вызвал выселение людей, не имевших возможности прокормить себя. Эта мальтузианская теория сразу наталкивается на непреодолимые трудности. Климат Скандинавии благодаря Гольфстриму мягок. Заселена она и ныне слабо, а 1 тыс. лет назад вопроса о перенаселении не могло и возникнуть. И наконец, почему крестьяне, стремившиеся обрабатывать землю, вдруг сделали своей профессией грабеж, связанный со смертельным риском?

Нет, что-то не то!

По третьей теории, на севере Европы дом и землю получал старший сын, а младшим предоставлялось море. Так, но в Северном море шли миграции сельди, ловить которую было легче, безопаснее и выгоднее, чем класть головы во Франции, Англии и Ирландии. Ведь большая часть викингов гибла на чужбине. А вернуться домой с добычей было тоже нельзя: юноша, ушедший в «вик» – укрепленный поселок викингов, разрывал все связи с семьей и родом окончательно и бесповоротно. Его забывали сильнее, чем мертвого, и пути домой ему не было.

Но нашелся окольный путь, который привел к правильному решению. С движением викингов, противопоставивших себя зажиточным и трудолюбивым хевдингам, связано возникновение скальдической поэзии около 800 г. Это рассматривается литературоведами как «своего рода мутация».¹²⁶ Верно, но скальды пели для викингов. Следовательно, мутантами были и те и другие. А пассионарность – мутация, возникающая внезапно и исчезающая вследствие естественного отбора, что целиком соответствует фактической стороне наблюдаемого явления.

Несмотря на большую работу, проделанную многими учеными разных специальностей, вопрос о причинах походов викингов остается неясным. Некоторые историки полагают, что удовлетворительно объяснить этот взрыв активности и агрессивности вообще невозможно.¹²⁷ Другие всячески преуменьшают значение и масштабы походов викингов и хотят свести их к нормальной активности эпохи раннего Средневековья.¹²⁸ Во многих книгах, посвященных походам викингов, об их причинах говорится вскользь. Авторы ограничиваются общими соображениями о нехватке земли на их родине или об «овладевшей ими жажде приключений и добычи».¹²⁹ Последнее оказалось верным. В Скандинавии произошел пассионарный толчок.

А. Я. Гуревич описывает это явление так: «В жизни скандинавов в конце VIII – первой половине IX в. произошел резкий сдвиг – перерыв в постепенном развитии. Среди них появляется новый тип людей – смелые мореплаватели, искатели добычи, приключений и впечатлений, имеющие связи в разных странах... Короче, прежний и привычный строй жизни был сломан, сделался невозможным, – и это не для единиц, не только для изгоев или поставленных вне закона людей, которым приходилось искать место жительства возможно дальше от дома, но для множества знатных и бондов. Достаточно ли простого указания на все перечисленные ранее причины походов викингов, чтобы получить убедительное объяснение столь глубокого переворота в жизни скандинавов? Очевидно, недостает по крайней мере еще одного звена, которое превратило бы эти причины или предпосылки во внутренние стимулы движения людей. Но возможно ли обнаружить посредствующее „звено“?»¹³⁰

¹²⁶ См.: История Норвегии. М., 1980. С. 122.

¹²⁷ Kendrick N.D. A History of the Vikings. London, 1930. P. 22; Shoteling H. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. Pt. I. Oslo, 1940. P. 10.

¹²⁸ Sawyer P.H. The Age of the Vikings. London, 1962. P. 194.

¹²⁹ См.: Гуревич А. Я. Походы викингов. М., 1966. С. 136–137.

¹³⁰ См. там же. С. 140.

Конечно, если рассматривать Скандинавию как нечто уникальное, не имеющее аналогий, то этого звена не найти. Но если расширить диапазон наблюдений, то загадка найдет решение. Вернемся к описанию феномена викингов и посмотрим, что произошло.

Появились саги и поэзия скальдов¹³¹ – сравним плеяду арабских поэтов перед проповедью Мухаммеда и в его время. Или Гомер и Гесиод накануне эллинской колонизации, Алкей и Сафо при ее расцвете. Уход молодых энергичных людей из родных домов – «люди длинной воли»¹³² в Монголии при дедах Чингисхана, да и при его молодости. Степные походы были подобны морским, аналогия несомненна.

Смена религии – война старших божеств, «ванов», с новыми – «асами». Этот феномен характерен для всех фаз этнического подъема. Культ «асов» – божеств порочных, развратных, забияк, воров, клятвопреступников, злодеев.¹³³ – продержался до принятия христианства, т. е. всю эпоху походов викингов, но и после насильственного крещения в Скандинавии долго процветало двоеверие¹³⁴

И, наконец, искусство. Древний звериный стиль к VIII в. выродился и сменился новым – изображениями зооморфных демонов и драконов.¹³⁵ Да, обновление было полным и стихийным, но ведь это и есть следствие взрыва этногенеза, или пассионарного толчка.

14. Викинги и феодалы

Сопоставление эпохи викингов, реконкистов в Испании с феодальной революцией во Франции позволяет уточнить расположение оси пассионарного толчка, прошедшей от Норвегии, через Париж в Астурию и Португалию. Там зародился «христианский мир», часть коего при рождении была всецело языческой.

«Христианский мир» – название столь же условное, как и «мусульманский мир». Подавляющее большинство населения Западной Европы было крещено, но не имело никакого представления о сущности новой религии, так как молитвы и прославление Бога разрешались лишь на трех языках – еврейском, греческом и латинском, которых миряне, естественно, не знали. Более того, в конце X в. англосаксонский клирик Эльфрик разъяснял, что светские люди не могут понять «тайного смысла» книг Библии и желание ознакомиться с ними не соответствует тому предназначению, которое Бог определил сословию рыцарей – людей войны. А в VIII в. уже существовала обширная литература на староанглийском языке.¹³⁶ Так легко было перевести Евангелие.

В христианской церкви и, значит, в Каролингской империи было другое мнение, отраженное в постановлениях Франкфуртского синода 794 г.: «Пусть никто не думает, что следует молиться лишь на трех языках»,¹³⁷ но ведь это было до раскола и феодальной революции, следовательно, до фазового перехода от инкубации к подъему, изменившего облик Западной Европы и создавшего «христианский мир», в котором изучение христианской доктрины запрещалось.

Еще раз отметим, что слова обманчивы. Превращаясь в термины, они приобретают новый смысл. Так, пассионарный толчок IX в. – явление природы и никак не связан с распространением христианства – явлением культуры.

¹³¹ См. там же. С. 146.

¹³² См.: История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 207–209.

¹³³ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 166–167.

¹³⁴ См. там же. С. 166–169.

¹³⁵ См. там же. С. 141–145.

¹³⁶ См.: Сказание о начале славянской письменности. М., 1981. С. 28.

¹³⁷ Там же. С. 26.

Теперь несколько слов о викингах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была первобытно-общинная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на Крайний Север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит».¹³⁸ Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей храбростью, чем оставшиеся дома. Смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак, не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющейся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами.¹³⁹ Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем доходить до неменяемого состояния и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остерегались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличным от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковалась от основной массы народа и погибла на чужбине. Зато норвежские и датские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обитателей защищаться. Однако поздние Каролинги и их свита не проявили никаких способностей к организации обороны, что вызвало законное недовольство их подданных. Тогда отдельные инициативные «товарищи» (*comitas* (лат.), т. е. граф), например Эд, граф Парижа, возглавили тех, кто хотел и мог обороняться. Население предпочло иметь энергичных правителей и отказало законным монархам в покорности. Феодалы захватили власть в Европе.

О том, что такое феодалы, написано достаточно. Нам следует лишь отметить, что люди, получавшие бенефиции и лены, ставшие в IX в. наследственными, подбирались ранними Каролингами по деловым качествам. До того как феодализм стал формацией и до того как он был оформлен юридически, Карлу Мартеллу и Пипину Короткому требовались толковые помощники, а те работали только за плату. «Nullum officio sine beneficio».¹⁴⁰ На опасные задания во время войн имело смысл посылать только энергичных, инициативных и смелых людей, согласных за хорошую плату рисковать жизнью. Значит, первые кадры феодалов составлялись из пассионариев. До IX в. число их было незначительным, и тут встает важный вопрос: были ли они остатками подъема II в., т. е. наследием Великого переселения народов, или это шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, когда вновь рожденные пассионарии уже успели проявить себя? Скорее всего здесь можно видеть наложение нового толчка на старый, незаконченный процесс, подобно тому как было в восточной части Рим-

¹³⁸ См.: Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 113.

¹³⁹ Методы химической стимуляции применялись даже в Средней Азии; басмачи перед атакой натирали ноздри коней опиумом, а сами накуривались анашой, притупляющей чувство страха.

¹⁴⁰ Никакой услуги без благодарности (лат.).

ской империи в III–IV вв., когда рождалась Византия. Это видно уже из того, что произошло изменение этнической доминанты. В IX в. в Европе появились первые средневековые «нации»! (О чем говорит К. Маркс в «Хронологических выписках».¹⁴¹)

15. Рождение Европы

При распадении империи Карла Великого его внуки в 843 г., встретившись в Вердене, именовались: Карл, король французов, и Людовик, король немцев. До этого все их подданные были «римляне германской нации», т. е. германцы по рождению, юридически оформленные как римляне. Последнее было не ново. Ведь были галло-римляне, испано-римляне, иллиро-римляне и т. д., но то, что общность нового типа, совмещающая единство происхождения и языка, оказалась предпочтенной юридической форме, показывает, что появилась новая этническая доминанта, т. е. принцип, на котором люди нового склада стали объединяться в коллективы. Поэтому можно и должно рассматривать дробление западноевропейского суперэтнуса не на общины, не на племена, не на полисы, а на «нации»¹⁴² как локальный вариант этногенетического процесса.

Этническая пестрота Европы, обусловленная последствиями Великого переселения народов, в момент пассионарного толчка благоприятствовала выживанию пассионариев, а тем самым и росту пассионарного напряжения.

Средневековые «нации» не восходили к древним племенам германцев, кланам кельтов, муниципиям италиков, хотя людей они черпали именно из потомков перечисленных этносов. Если бы древние традиции не умерли, то новая суперэтническая целостность не могла бы возникнуть. Но старые этнические системы уже не могли удерживать в своей среде рождавшихся пассионариев, которые, владея мечом и копьем, искали для себя, а не для своих соплеменников «карьеры и фортуны». И соплеменники были не в силах приостановить этот процесс, так как вследствие этнической пестроты пассионарию было легко найти сеньора, нуждавшегося не в послушных подданных, а в смелых соратниках. Им не нужно было, как скандинавам, плыть за море, а достаточно просто перейти границу своей области, чтобы обрести свободу, риск и надежду на удачу.

Для того чтобы бурление, охватившее Западную Европу в IX–X вв., не превратилось в «броуновское движение», ведущее к бессмысленному человекоубийству, требовались этническая доминанта и связанная с ней социальная организация с достаточным идеологическим наполнением. На заре пассионарного подъема доминант было несколько. Они выражались в религиозных системах, частью сохранившихся от седой старины, частью воспринятых заново. Скандинавы верили в богов Валгаллы, славяне – в извечную борьбу Белбога с Чернобогом, бургунды были арианами, франки – католиками, кельты – православными, так как их обратили египетские миссионеры, миновавшие Рим. Многие феодалы вообще не верили ни во что, кроме своих капризов и выгод, а среди крестьян и знати уже в XI в. процветал тайный культ Сатаны, возглавленный попами-расстригами. Клирики были пассионарны не менее феодалов и купцов.

Именно эти «свободные атомы», оторвавшиеся от своих этносов, оказались цементом, склеившим воедино самые непохожие и, казалось бы, несовместимые традиции. Бароны переняли у венгров древнюю в Азии, но новую в Европе тактику атак тяжелой конницы – сарматское изобретение. Крестьяне заимствовали у кельтов длинные луки, стрелявшие на 450 м, причем хорошо закаленные наконечники стрел пробивали примитивные колеты из

¹⁴¹ Архив Маркса и Энгельса. Т. V. М., 1938. Хронологические выписки.

¹⁴² Не следует путать современное значение термина «нация» со средневековым, так как термины часто переосмысливаются. Но это проблема филологическая, которой мы не будем уделять время и место.

кожи и даже кольчуги. Клирики ездили в Кордову изучать древнееврейский и греческий языки у еврейских раввинов, служивших испанским халифам, заодно изучая теологию в аспектах, чуждых восточнохристианской ортодоксии. Купцы сновали между арабскими мусульманами и славянскими язычниками, богатея на торговле мехами и шелками. И все они связывали свои судьбы не с родными деревнями, а с престолом королей, которые были в состоянии защитить и обогатить их.

Однако эти «свободные атомы» не вылетали за пределы географического региона, ограниченного на севере, западе и юге морями, а на востоке невидимой границей – положительной изотермой января. Холодные зимы Восточной Европы их не манили, а пугали. Путешествовать там они считали возможным, а селиться – нежелательным.

Итак, новый суперэтнос возник в условиях ландшафтно разнообразного, но монолитного географического региона за счет деятельности нескольких поколений пассионариев, появившихся на этой территории и перекроивших не только политическую, но и этническую карту Европы. Новая суперэтническая целостность должна была обрести название, чтобы смутные чувства, облеченные в слово, овладели сознанием ее членов. И она стала именовать себя «христианский мир».

И опять-таки отметим хронологическое совпадение подъема пассионарности в Скандинавии, Западной Германии, Северной Франции и Северо-Западной Испании, т. е. на оси, ориентированной с северо-востока на юго-запад. Никакого переноса генов из Скандинавии в Астурию и наоборот не было, равно как и культурных заимствований. Причина пассионарного подъема лежала и тут за пределами видимой истории людей, значит, в сфере истории природы. Италия находилась за пределами ареала возникшей пассионарности. Поэтому в начале X в., когда Северная Европа кипела и сражалась: кто, как французы, против угнетателей – Каролингов и немцев; кто, как немцы, против язычников – венгров и славян; кто, как астурийцы, против мусульман, и весьма успешно (при Саморе в 900 г. был разбит эмир Толедский), в Южной Франции и Италии «всеми сословиями овладела жажда наслаждений... Люди думали только о чувственных удовольствиях, о еде, питье, внешнем блеске, красивых женщинах; высшие блага утратили всякую цену для этих изнеженных и нравственно грубых людей... Императорская власть исчезла, папская власть существовала только по имени. Единственной связью между людьми был расчет выгод, всеми поступками управлял эгоизм, и духовенство отдалось чувственным страстям одинаково с мирянами. В нем почти не было людей, которые вели бы такую жизнь, как требовала церковь: религиозность ограничивалась исполнением обрядов; в монастырях не осталось следов нравственного порядка».¹⁴³

Северяне прореагировали на это нравственное гниение организацией Ключнийского монашеского ордена, который поставил себе цель – восстановить бывшее благочестие бенедиктинцев, и преуспел!

Несколько иначе сказалось снижение пассионарности в англосаксонских королевствах, где население было этнически монолитно. Здесь шла постоянная война с викингами и кельтами. Вопреки рассудку, но в соответствии со стихией пассионарности англосаксы умудрились потерпеть несколько страшных поражений, объяснявшихся изменами вельмож и распущенностью воинов. Англию сначала покорили датчане, а потом обескровили набегами валлийцы и скотты, что могло произойти исключительно из-за слабого сопротивления покоряемых. Наиболее полное смешение пассионарных этнических субстратов, слившихся в единый новый этнос, имело место во Франции, которая выдвинулась на первое место в Западной Европе. А поскольку Англия и Италия находились за пределами ареала пассионарного толчка, то они стали жертвами этого подъема. В IX в. Англию захватили франко-

¹⁴³ Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. М., 1893. С. 606.

норманны, Италию – саксы, франконцы и швабы. Но импортированный заряд пассионарности воздействовал на этногенез этих стран так же, как и возникший естественным путем, только с небольшим хронологическим отставанием.

Как мы уже отметили, ареал пассионарного толчка не совпадал ни с ареалом становления феодальной формации, ни с ареалом христианской культуры. В Италии и Англии, куда пассионарность была импортирована, феодальные институты возникали позже. Движение пассионарных скандинавов – викингов – проходило на фоне первобытно-общинной формации, и скандинавы удержали элементы родового строя до позднего Средневековья. Ни Испания, ни Норвегия, ни Польша не знали крепостного права для своих крестьян, хотя другие феодальные институты, как, например, наследование титулов, рыцарство, хартии для городов, у них были. Но, несмотря на локальные различия, этносы Западной Европы объединились не политическими, а идеологическими связями – католичеством, покорившим в X в. западных славян и скандинавов. Идейные связи сковали новую системную суперэтническую целостность эластично, но цепко, и в XI в., когда началась вторая (акматическая) фаза этногенеза, это было для современников очевидно. И, как члены «христианского мира», они двинулись в колониальную экспансию – Первый крестовый поход.

И тут, несмотря на различие в языках и нравах, при наличии застарелой вражды на базе давних этнических счетов, при разных политических целях французы, немцы, норманны, итальянцы, шведы и испанцы ощутили себя «своими» по отношению к «чужим» – арабам и грекам. Суперэтнос не только сложился, но и осознал себя.

16. Накануне великого раскола

Византия как политическая целостность очень быстро потеряла территорию Западной Римской империи, но как целостность культурная она сохранила там свое влияние до IX в. Переломной датой можно считать и 843 г., и 867 г., а правильнее – эпоху между этими годами. И вот почему. Захватившие Италию и Испанию готы и сменившие их лангобарды были ариане, а местное население – волохи (название латиноязычных европейцев) – православные. Хотя как этносы они ничего общего не имели с греками, но церковь как культурный комплекс удерживала их в составе византийского суперэтноса. Влившиеся в эту систему франки и англосаксы также приняли православие от Римского престола, чем обеспечили ему победу над арианством.

И вот, несмотря на то что ни до Галлии, ни до Британии не могли дотянуться щупальца византийской дипломатии, обаяние культуры фазы расцвета превращало Западную Европу в провинцию, столицей которой был Константинополь. Пусть за два века акматической фазы этногенеза Византия пропустила через свою укрепленную границу по Дунаю тысячи славян, заселивших опустошенный ими Балканский полуостров, пусть несториане и монофизиты подчинились арабам, пусть сумасшедший император с отрезанным носом возвращается на престол при помощи враждебных болгар – городские стены стоят, монахи обучают прихожан молитвам перед иконами, а Юстиниан II снова теряет власть, но на этот раз вместе с жизнью. Доблесть, искусство и справедливость при каждом потрясении торжествуют.

Но вдруг зашаталась и она. Нет, не от удара извне, а от неожиданных претензий императора. Лев III Исавр, только что героически разгромивший арабский флот (717 г.), в 726 г. поднял руку на святыню искусства – иконы. Это была ломка этнической психики и того стереотипа поведения, который поддерживал культурную традицию – сердце византийского этноса. Опираясь на малоазийскую солдатчину, императоры-исаврийцы попытались отнять у своего народа то, ради чего этот народ жил и страдал, воевал и молился. Они сделали жизнь своих подданных оскорбительно бессмысленной, а те отказали им в уважении и любви.

И тогда очарование византийской культуры исчезло. Западные области, имевшие своих королей, остались верны православию, тем самым теряя связь с Константинополем, ставшим из столицы христианского мира главным городом малоазийского царства – Византии, пределы которой были ограничены теми крепостями, где стояли гарнизоны, верные своим стратигам. Так начался надлом византийского этногенеза, индикатором которого была история культуры, искусства и религии.

Иконоборчество было, по существу, идеологическим оформлением монархической революции. Не случайно папа Григорий II (715–731) расценивал политику Льва III как стремление сочетать в себе императора и священника, что было прямым нарушением восточнохристианского мироощущения. Ведь император в отношении церкви был только прихожанином Софийского собора, и голос его отражал лишь его личное мнение, которое само подлежало проверке собором.

Лев III это понимал и искал опоры в каноне. В 726 г. иконоборчество провозглашено императорской политикой, в 730 г. осуждается иконопочитание, а в 754 г., уже при Константине V, в Халкидоне состоялся иконоборческий собор.

Но это было собрание подхалимов, а не Вселенский собор, в котором должны были принять участие и клир, и миряне. Народ Византийской империи высказался вполне определенно. Монахи, женщины, интеллектуалы, моряки – все любили и ценили образ Божий на иконах, лик, а не личину, т. е. прозрение, а не портрет. Историк Зонара называл Константина V «не христианином, не эллином, не евреем, но совокупностью всяческого нечестия». А простые люди, не мудрствуя лукаво, приняли версию об иудейском происхождении иконоборчества.¹⁴⁴

Некоторое время иконоборцы держались бодро и даже одерживали победы над арабами и болгарами, используя этническую инерцию патриотизма и средства, накопленные до них. Но в IX в. пошли неудачи: в 806 г. Харун ар-Рашид опустошил Малую Азию, в 811 г. болгары разбили византийскую армию и убили императора Никифора, а в 813 г. подошли к стенам Константинополя. В 810 г. Византия утратила Венецию и Далмацию и потеряла авторитет на Западе, где в 800 г. Карл Франкский восстановил Западную Римскую империю, но иконоборческие споры, шедшие с 726 по 843 г., коснулись и Запада. А так как Рим находился в пределах Византийской империи, то его паства делила судьбу церковной культуры Востока, в том числе иконоборческие споры.

На Западе иконоборчество было слабее, чем на Востоке. Его представители – Клавдий, епископ туринский, и Агобард, епископ лионский, оба испанцы, враги иудаизма и поклонники творений бл. Августина.¹⁴⁵ Против них стояли за иконопочитание папы и короли, а также народные массы. Но вот что важно: в VIII в. эти споры шли довольно вяло, но в IX в. оживились, и, даже когда предмет спора исчез с восстановлением иконопочитания, активность западных людей нашла выход в церковном расколе 867 г. и взаимных анафемах папы Николая I и патриарха Фотия. Тут вполне отчетливо сказалась разница «возрастов» греков и «франков»: Византия вступила в инерционную фазу этногенеза, а на Западе шел подъем пассионарности вследствие набиравшего силу толчка.

Противники византийских иконоборцев оказались в трудном положении. Им нужно было организовать для лиц, готовящихся в прелаты, получение теологического образования и изучение греческого и еврейского языков, а посылать своих юношей в Константинополь не хотелось. Поэтому молодых людей, готовящихся к духовной карьере, отправляли в Кордову и Севилью, где еврейские раввины, находясь под покровительством арабских халифов,

¹⁴⁴ См.: Чичеров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. М., 1980. С. 142.

¹⁴⁵ См.: Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. Т. I. М., 1909. С. 12–24.

преподавали желающим языки и философию. Разумеется, учителя не привлекали учеников к иудаизму, тем более к талмудическому, однако они вселяли в своих слушателей скепсис к основным догматам христианства: учению о троичности Божества и о Божестве Христовом.¹⁴⁶ Те, возвращаясь домой, продолжали поддерживать дружеские связи с евреями, жившими в Южной Франции и Италии и обладавшими богатствами, достаточными для того, чтобы занимать почетное место в обществе. Вместе с тем евреи были достаточно образованны и переводили арабских авторов для своих христианских друзей. На базе этнокультурных контактов и религиозного индифферентизма возникло и распространилось мнение, что все три веры равноправны, а критерием истинности суждения является разум, т. е. обоснование тезиса на уровне науки своего времени. Это суждение легло в основу схоластики от Иоанна Скота Эригены до Абеляра и позднее. Иными словами, мы видим здесь этнокультурную химеру или сочетание трех компонентов на суперэтническом уровне.

А на Востоке шел обратный процесс, характерный для выхода из надлома и установления инерционной фазы этногенеза. Лишнее было выброшено, а кристаллизованное в горении минувшей борьбы распространилось. Лишним был рационализм иконоборцев, а кристаллами – ортодоксия и искусство, сохранившее значение средства общения мира дольного с миром горним. Гонимые в столице, иконопочитатели бежали на окраины: в Херсонес, Далмацию и на Дунай. Там они распространили православие среди хазар и славян, подготовив эти этносы к будущему крещению. Они проложили торную дорогу Кириллу и Мефодию, завершившим обращение славян и части хазар в IX в. Но на Западе, где шел процесс роста пассионарности и подъема местных этносов, они не имели успеха. С VIII по IX в. оба христианских мироощущения разошлись настолько, что греки и «латины» перестали видеть друг в друге единоверцев, ибо на Седьмом Вселенском соборе Восток обрел покой, а Запад стал метаться в поисках решения.

На этом месте надо остановиться, и вот почему. Поставленная нами задача была относительно проста. Мы проследили дивергенцию «античного» (эллино-римского) суперэтнотоса на византийский и «европейский» (романо-германский). При этом мы сознательно пренебрегли воздействиями со стороны чуждых суперэтнотосов: мусульманского (арабо-берберского) и евразийского (венгров), потому что эти воздействия не смещали основную линию этногенеза. Для достижения понимания был достаточен синхронический подход, но при переходе к эпохе Крестовых походов все меняется и прежняя методика не удовлетворяет требованиям задачи.

На первое место выходит проблема контакта на суперэтническом уровне, что требует диахронического подхода. Наряду с дивергенцией появляется этническая интеграция и приобретают значение негативные процессы, ранее нигде не описанные. Для решения поставленных задач нужен другой масштаб, т. е. большее приближение, а это неизбежно сужает хронологические рамки исследования приблизительно в 5 раз. Поэтому вместо тысячелетия этнической истории перед нами будет один эпизод, укладывающийся в IX–XI вв. Да нам больше и не нужно, потому что с XIV в. наступила эпоха образования современных европейских наций, а это совсем новая тема.

Задача, поставленная нами, решена. Переход от «римского мира» (*Pax Romana*) к «христианскому миру» (*Chrétienté*) имеет разрыв в 500 лет (с IV по IX в.). Выяснилось, что эта лакуна в этнической истории заполнена этническими контактами на западе и расцветом Византии на востоке бывшей Римской империи. С этого времени «западнохристианский» и «восточнохристианский» суперэтнотосы не объединялись никогда. Но уже с XI в., т. е. с фактического раскола, обаятельные соблазны древности стали проникать в Европу крайне извилистыми путями. И шло это западным христианам чаще во вред.

¹⁴⁶ См. там же. С. 144–145.

17. Отсутствие соответствий

Описанная эпоха изображена однобоко, но это сделано умышленно. По существу, в XI в. шел переход из фазы подъема пассионарного напряжения суперэтнической системы в акматическую фазу – фазу перегрева страстей человеческих. А этот процесс всегда идет неравномерно. В Средние века крестьяне и городские ремесленники тяготились соседством буйных пассионариев. Они были разумно консервативны, избегали технических усовершенствований, мужественно отстаивали свои права, зафиксированные в хартиях, и предпочитали оборонительные войны наступательным. Идеалом их было господство посредственности, но этот идеал был недостижим.

Пассионарии рождались всюду, в том числе в среде крестьян и горожан, и девать их было некуда, потому что отправка их в Крестовые походы была многим не по карману, да и не все туда стремились, ибо дома было тоже много интересного, например ереси и борьба с ними.

Таким же было положение в господствующих классах. От дворян требовалось несение воинской повинности, а поэтому в мирное время их тренировали до упаду, как в наше время заслуженных мастеров спорта; без этого им грозила гибель в первой же стычке. Священников учили грамоте, что тем давалось трудно, особенно потому, что грамота была латинская, а не родная. Короче говоря, большинству людей было так некогда, что они не принимали участия в развитии ни техники, ни образования, вследствие чего производительные силы почти не развивались, а производственные отношения имели тенденцию стабилизироваться.

Так за счет какого фактора происходили столь многочисленные события: войны, перевороты, возникновение ересей и, наконец, Крестовые походы? Ведь люди, добровольно принимавшие в них участие, часто шли на верную смерть!

Затруднение здесь мнимое. Спонтанный процесс развития производительных сил стоит на несколько порядков выше, чем логика событий на персональном и даже этническом уровне. Эти события – зигзаги на кривой развития прогресса человечества. Они сливаются, когда мы рассматриваем социальную историю в целом, но при рассмотрении истории этнической они хорошо заметны. Для нашей постановки проблемы они важны потому, что каждая секта являлась эфемерным субэтнотомом, а вожди движений и ересиархи были как бы свободными атомами, вырывавшимися из своих этносистем благодаря повышенной пассионарности, которая влекла их к гибели чаще, чем к победе. Как мы уже видели, они не выбирали свою судьбу сознательно, а подчинялись влечениям, очаровавшим их помимо их воли. Это и есть фаза пассионарного перегрева.

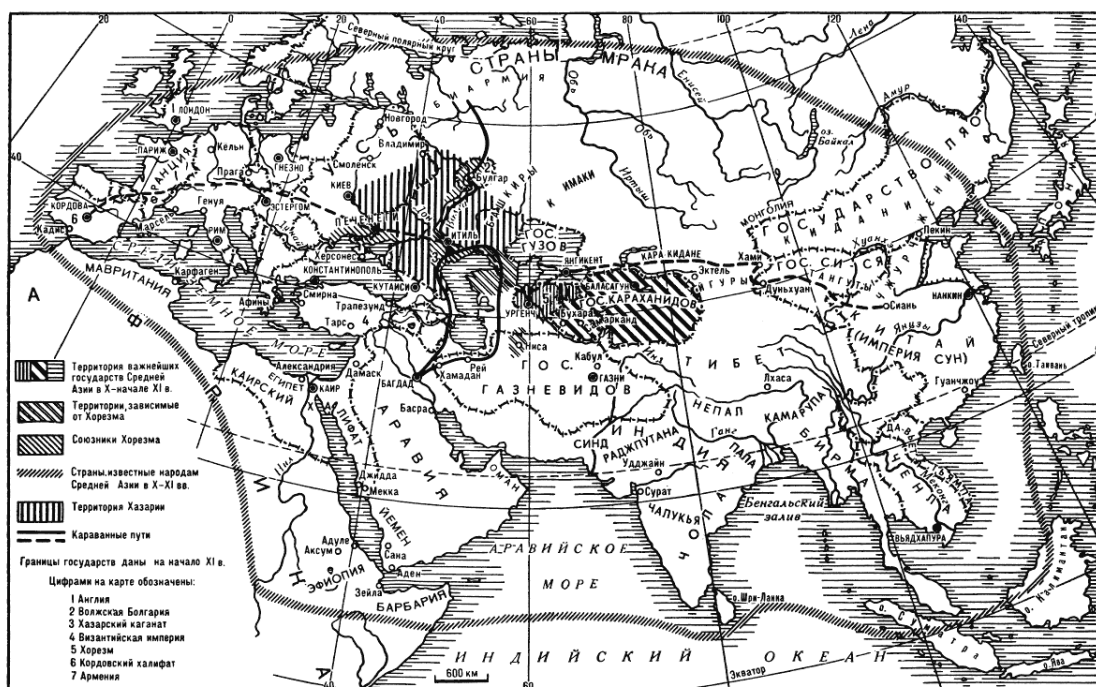
Но выбор того или иного увлечения уже был несвободен. Выдумывать совершенно новое исключительно трудно. Редко кто обладает такими способностями. Удобнее выбрать доминанту из того, что уже придумано, а тут мы выходим в сферу этнокультурных контактов. Эта сфера нам знакома, и теперь можно перейти от теоретических соображений к историческим и этнографическим фактам, чтобы дать им конструктивное, нужное для темы истолкование.

Все перечисленные суперэтнотомы находились в постоянном контакте друг с другом, и энергия, создавшая и поддерживавшая их существование, перетекала из одного в другой, как жидкость в сообщающихся сосудах. Это перетекание совершалось иногда в форме военных столкновений, иногда в виде культурных заимствований, а иной раз как проповедь веры или пересадка (трансплантация) своего образа жизни, мыслей, чувствования в чужую среду.

Но мало того, внутри самих суперэтнотомов не было и тени сознательного единства. Императоры боролись с папами, французы – с англичанами, кастильские короли – с мятежными графами, итальянские города – между собой, города Фландрии – с епископами, кре-

стью — с феодалами, и даже католическая церковь не была монолитом: схоластики, ученики Пьера Абеляра, спорили с мистиками, последователями Бернарда Клервосского, а клунийские монахи — с распущенностью епископов. Но все эти варианты борьбы были формой диалектического единства. Для пассионарных деятелей Средневековья борьба была смыслом жизни, а следовательно, противник был жизненно необходим. Если он, будучи побежден, исчезал, то победитель находил нового, и процесс продолжался. Это было очень мучительно, но исключало болезнь равнодушия, которая поразила престарелую Византию XII в. Ведь пока там кипели губительные страсти, Византия была непобедима, а когда там воцарился покой, подкралась гибель.

Но еще страшнее сложилась коллизия в мусульманском мире. Там еще не пришла пора нулевой пассионарности, как в Константинополе, но пассионарная энергия «сменила знак» (не везде, конечно), и воцарилась ложь как принцип действия.¹⁴⁷ Вместо диалектической вечной борьбы (Западная Европа) и ослабления ритмов жизненных процессов (Византия) здесь начала происходить аннигиляция при антагонистических противоречиях, а с Востока эта зараза перекинулась в Италию и Францию, где начались альбигойские войны. И только монголы XII в. еще не узнали яда антисистемы.

Политическая панорама X-XI вв.

¹⁴⁷ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

IV. Блуждающий суперэтнос

18. Сквозь грани веков

В первом тысячелетии новой эры был еще один суперэтнос, без территории, без централизованной власти, без войска... но он был. Евреи, рассеянные от Германии до Ирана, жили, не теряя своего внутреннего единства, несмотря на внешнее разнообразие. Среди них были носители разных культурных традиций, разных идеалов, разных стереотипов поведения. Восточные евреи не были похожи на византийских или немецких, но ведь мы и называем их не этносом, а суперэтносом. И в IX в. настало время им сказать свое слово. А так как это «слово» было произнесено в Хазарии и весьма значительно отразилось на судьбе хазар, то придется проследить, как и почему это могло произойти. А для этого нам придется углубиться в древность и проследить судьбу восточной ветви иудейской общины и ее связи с Ираном.

Этническая история евреев была извилиста и многообразна, но трансформации, возникавшие вследствие пассионарных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых.

Легендарные сведения первых книг Библии¹⁴⁸ туманно повествуют о неясных связях предков евреев с Шумером, а потом с Египтом, но к нашей теме это не имеет отношения. Исторически зафиксированные племена хабиру в XIV в. до н. э. начали завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана, но натолкнулись на сопротивление филистимлян, одного из «народов моря», по-видимому древних ахейцев или хеттов. Война с хананеями и филистимлянами затянулась до X в. до н. э. (акматическая фаза этногенеза). Лишь царь Давид (1004–965 до н. э.) достиг решительных успехов и взял Иерусалим, где его сын Соломон соорудил храм. Но после смерти Соломона его царство распалось на два (надлом), а в 586 г. до н. э. Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором, который вывел пленных в Вавилон. Так началось знаменитое рассеяние (диаспора) – инерционная фаза этногенеза.

В Вавилоне евреи прижились, и когда в 539 г. до н. э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позволением воспользовались немногие. Вавилонская колония евреев оказалась богаче и многочисленнее палестинской.

Из Вавилона евреи распространились по всей Месопотамии и Сузиане,¹⁴⁹ где вошли в тесный контакт с персами. Есть даже предположение, что знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса, запретившего почитание племенных богов – дэвов, нашла отражение в Библии, в книге «Эсфирь», содержащей описание того, как мудрый Мардохей благодаря

¹⁴⁸ Библия как исторический источник подвергалась критике, установившей, что даже Пятикнижие обращено к двум разным божествам: Элоим – «Единственные» (мн. ч. от «Элои») – и Яхве – проявлявшемуся в огненных смерчах (см.: Редер Д. Г. История древнего мира. М., 1970. С. 172). Значит, и этот этнос был вначале сложносоставным. Евреи, став монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура халдейского – шумерийский тип: низкорослые, коренастые, с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты – высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом – это результат смешения с древними арабами – халдеями. Большинство же евреев – арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса – понятия разных систем отсчета.

¹⁴⁹ См.: Тюменев А. И. Евреи в древности и в средние века. Пг., 1922. С. 63.

очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром македонян.¹⁵⁰ и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей¹⁵¹

Однако успех Мардохея оказался эфемерным. Персы охладели к евреям, и те радостно приветствовали Александра Македонского, пользуясь тем, что ни царь, ни его эллинские друзья никогда не сталкивались с евреями. Когда же греки и евреи оказались в пределах единой Селевкидской державы, между ними возникла кровопролитная война, закончившаяся победой евреев, основавших в Палестине царство с династией Хасмонеев. Постепенно палестинские евреи и евреи диаспоры стали обособляться друг от друга, «образуя как бы две нации».¹⁵² И судьбы их были различны.

До похода Александра Македонского этносы Эллады и Передней Азии жили раздельно. Культуры Египта и Вавилоня спокойно увядали под эгидой персидского царя. Хотя Вавилон еще стоял, но вавилонян в нем почти не осталось. Хотя Нил еще откладывал ил на поля египтян, но, кроме феллахов да кучки жрецов, от древнего величия уцелели только могилы. Кроме персов, согдийцев, бактрийцев и народов Малой Азии, некоторую самобытность сохранили евреи в Палестине и дейлемиты в Эльбурсе да, пожалуй, разбойники Киликии и парфяне.

Но после македонского завоевания все перемешалось и возникла цивилизация, именуемая «эллинизм». Характеризовать эту эпоху нет необходимости, ибо это уже неоднократно делалось. Нам достаточно уяснить ее значение для этногенеза. Под державной властью Селевкидов и Птолемеов были не этносы-целостности, обладающие оригинальными структурами и своеобразным стереотипом поведения, а территории: красивые города, где люди говорили по-гречески, и окружающие их виллы, где по-гречески понимали. Те и другие подчинялись властям, ибо это давало им покой. Однако они не испытывали к своим правителям никаких чувств. Македоняне были для населения чужими и малопривлекательными людьми. Внутренние же связи были разрушены появлением общего рынка и общедоступной эллинской цивилизации. Этносы рассасывались в ней. Исключение составляли только евреи, вернувшие себе независимость под руководством Маккавеев. Но сейчас речь не о них. В I в. до н. э. Рим подчинил своей власти Сирию и Египет. Сопrotивления не было, и ничего не изменилось, за исключением того, что македонских чиновников сменили италийские. Налоговый гнет немного возрос, но зато римские порядки обеспечили подъем хозяйства, и одно компенсировало другое. Города росли и переполнялись субпассионариями, существовавшими в этом благодатном регионе за счет излишков сельского хозяйства, ибо природа, не насилюемая техникой, может прокормить не только трудящихся, но и дармоедов. Но когда прошел пассионарный толчок, начался новый процесс этногенеза.

В восточных провинциях Римской империи появились разнообразные богоискатели. Перечисление идей, выдвинутых в те время, увело бы нас в сторону от темы. Достаточно того, что победила и всюду распространилась христианская община, втянувшая в себя подавляющее большинство появившихся пассионариев. Люди слабopассионарные в христианских общинах были не нужны. О таких было сказано: «Знаю твои дела. Ты не холоден и не горяч: о, если бы ты был холоден или горяч; но как ты тепл, то изблюю тебя из уст моих» (Апокалипсис III, 15–16). На этом принципе создавались первые консорции пассионариев нового типа. К середине II в. они слились в особый субэтнос, или «этнос по Христу».

Главным врагом новой популяции были не римские власти, которые путали христиан с евреями, а городская субпассионарная чернь, боровшаяся с пассионарным и духовным

¹⁵⁰ Македония входила в Персидскую державу в 490–465 гг. до н. э., и в этот краткий период ее уроженцы служили царю Артаксерксу.

¹⁵¹ См.: Тюменев А. И. Указ. соч. С. 80.

¹⁵² См. там же. С. 216.

подъемом путем писания доносов, столь многочисленных, что Траян специальным эдиктом запретил их рассмотрение. В это время христиан преследовали по закону о запрещении любых общественных организаций, например союза сапожников или общества по тушению пожаров, а не за исповедание веры в распятого Бога.

В этой фазе этнос вел себя как дитя в утробе матери. Являясь, по сути дела, новой персоной, он сам этого не сознавал. Первые апостолы считали себя галилеянами. Они ощущали свое различие с соплеменниками, но приписывали это нисхождению на них святого духа. Однако одного такого факта было достаточно, чтобы евреи перестали видеть в них членов своего этноса и уже в 35 г. побии камнями архидиакона христианской общины – Стефана. С этого времени вражда иудеев и христиан неуклонно обострялась.

Деятельность апостола Павла привлекла в христианскую общину – консорцию – большое количество людей разных этносов. Первое поколение христиан, ощущая свою общность, помнило о своем происхождении. Так, центурион Корнилий знал, что он римлянин, а Дионисий Ареопагит считал себя эллином. Но общность судьбы объединяла членов христианских консорций, особенно во время гонений. Особенно сильно повлияли на консолидацию христиан зверские убийства их иудейскими повстанцами Бар-Кохбы (Сына Звезды) в 135 г. После этого оборвались традиционные связи между новой этнической целостностью и старой, но реформированной путем дополнения древнего предания. Уцелевшие после римских репрессий иудеи приняли в 219 г. толкование преданий, составленное в Тивериаде раввином Иудою, – «Мишна», ставшее основой Талмуда. Отсюда пошло учение раввинизма, враждебное христианству. А вавилонские общины, составленные из разных этнических субстратов, чутко воспринимали эллинскую и персидскую философию. В их среде появились гностические учения, в том числе Каббала. Так окончательно разошлись галилейское учение Христа и диаспорный иудаизм, породившие два суперэтноса с разными доминантами и разными судьбами.

В отличие от иудеев язычники не оказывали ранним христианам никакого идейного сопротивления. Вера в древних богов – покровителей племени была подорвана развитием философии, которая оторвала от культа наиболее интеллектуальную часть эллинов и римлян. В эпоху Принципата религия Юпитера превратилась в уважаемую традицию, выражение лояльности правительству, а тем самым потеряла элемент мистической связи божества и человека. Смертельный удар античной религии нанесли сами императоры, требовавшие божественного поклонения своим статуям в храмах. Ведь никто не мог искренне поверить, что пьяница Вителлий, развратник Огон, сумасшедший Гай Цезарь Калигула и им подобные – боги. А поскольку им надо было приносить жертвы наравне с Юпитером, Юноной, Марсом, Венерой, то и тех перестали воспринимать серьезно. Большая часть образованного общества стала индифферентно-атеистической, а низы ограничили свою духовную жизнь суевериями.

Гонения на христиан первые 150 лет проводились либо по доносам иудеев, либо по закону Траяна о запрещении любых обществ. К христианам Траян относился без всякого интереса и даже запретил принимать на них доносы, а казнить их повелел только по личному заявлению о принадлежности к христианской общине. Поэтому христианство распространялось по всей империи, втягивая в себя алчущих и жаждущих правды, т. е. пассионариев. А так как пассионарии группировались в регионе пассионарного толчка: в Сирии, Малой Азии и Палестине, то именно римский Восток стал плодородной почвой для семян христианской веры.

19. Исповедание – символ этногенеза

Но вот кончился инкубационный период. В 155 г. христиане заявили о себе на диспуте. Юстин Философ отверг веру в языческих богов, осудил жертвоприношения животных и сформулировал доктрину христианства, отличающуюся и от иудаизма, и от философских систем Эллады. Христианские консорции слились в субэтнос, а с этим явлением имперским властям пришлось считаться. С конца II до начала IV в. от христиан требовали знака политической лояльности – признания императора богом и принесения жертвы на его алтарь. Христиане гарантировали политическую благонадежность, но категорически отвергали благонадежность идейную. Признать богом центуриона или сенатора, интригана, развратника, убийцу они отказывались, хотя служить ему как человеку-правителю были готовы. Власти были недовольны такой полупокорностью и шли навстречу желаниям масс, городской черни, требовавшей истребления христиан. Но беда в том, что христиане были наиболее верными, честными и храбрыми легионерами, а язычники – самыми лживыми, своевольными и нестойкими в бою солдатами, часто предававшими своих вождей. И происходило это от естественного разделения: в христианские общины шли люди нового психологического настроя, а в язычестве оставались те, кто, по сути дела, потерял старую веру и не приобрел новой, усвоив вместо религии принцип максимального подхалимства.

В 313 г. Константин, победивший с помощью христиан своего противника Максенция, дал в Милане эдикт, ставивший христианство в преимущественное положение. И тогда городская чернь объявила себя христианской и начала с такой же яростью истреблять языческих философов. Так продолжалось весь IV век.

Христианство и язычество боролись между собой весьма странным образом. Ни философы-неоплатоники – Ямвлих, Либаний, Ипатия, Гемерий, Фемистий, ни стоики, ни император-митраист Юлиан Отступник, ни «отцы церкви» – Василий Великий и Григорий Богослов, ни ученые-христиане – Ориген, Маркион, ни гностики – Василид и Валентин – не запятнали себя гнусными преступлениями против мыслящих иначе. Зато римская, антиохийская и александрийская чернь, солдатские императоры, демагоги, безграмотные монахи и продажные чиновники участвовали в убийствах сначала христиан, а потом языческих философов. Нетрудно заметить, что как низы горожан, так и вожди наемных солдат меньше всего интересовались вопросами духовной жизни. Эти деморализованные потомки даже не древних римлян и эллинов, а гибридизированного населения торгово-ремесленных эллинистических центров равно старательно истребляли ростки новой духовной жизни и следы древней культуры. Наследники Константина, весьма нетвердо сидевшие на престоле, считали за благо идти навстречу желаниям масс и их лидеров. Сын Константина Констанций приказал лишать язычников имущества и казнить смертью за совершение жертвоприношений. Впрочем, за отказ от учения Ария он отправлял христиан в тяжелые ссылки. Зато после 381 г. в такие же ссылки Феодосий стал посылать ариан. Грациан в 382 г. велел вынести из сенатской курии алтарь победы – символ римского могущества. Последняя попытка спасти язычество в 392–394 гг. была подавлена Феодосием, казнившим вождей восстания Евгения и Арбогаста.

Западная церковь получила от раннего периода очень тяжелое наследство. Сельское население Италии, Испании и Галлии, не затронутое пассионарным толчком, относилось к проповеди любой веры с потрясающим равнодушием. И так же вяло оно отстаивало старую религию, вследствие чего языческие культы в Западной Европе дожили до VII в. Зато в городах, где население было приезжим с Востока, страсти кипели и христианство принимало крайние формы. Генетический дрейф пассионарности породил популяцию мучеников

и фанатиков, которая обеспечила престол Константину, сумевшему использовать эту страшную силу.

В пламени акматической фазы пассионарности сгорел весь шлак, унаследованный Византией от античности. Вымерла субпассионарная чернь городов. Языческие окраины были захвачены германцами (на Западе), славянами (на Балканском полуострове) и мусульманами — новым этносом, возникшим в Аравии вследствие очередного пассионарного толчка и с потрясающей быстротой прошедшим всю фазу подъема, вплоть до образования суперэтноса.

Но в IV в. христианство как идеология перешагнуло границы этноса. Христианами стали готы, бургунды, свевы, вандалы в Европе, армяне и грузины в Азии, абиссинцы в Африке. Эти этносы никогда не знали римской власти, римской культуры, римской дисциплины. Поэтому они не составили единого с римлянами этноса, а остались сами собой. И тут сыграло решающую роль дробление христианского этноса на два течения: никейское и арианское. Германцы приняли христианство с учением Ария, а в империи победило учение Афанасия, т. е. никейское. Восторжествовав на Константинопольском соборе 381 г., оно объединило своих сторонников в этническую целостность, которую мы и называем византийской. С этой даты византийский этнос вступил в свою акматическую фазу. В IV–VI вв. он расширился, захватив Закавказье и Ирландию, погубил остатки античной культуры, раздробился на ряд субэтносов, каждый из коих выдвигал собственное исповедание, часто без достаточных догматических оснований. В VII в. он потерял половину своей территории из-за внутренних распрей и наконец в IX в. перешел в инерционную фазу этногенеза.

20. Вернемся в иудею

Отрыв от родины не проходит бесследно. Евреи, вернувшиеся в Палестину из Вавилона, не нашли взаимопонимания ни с местным населением иудейского культа — самаритянами, ни с потомками древних хананеян (финикийцев), населявшими Галилею, область у Тивериадского (Генисаретского) озера,¹⁵³ ни с пришлыми из Напаты арабами — идумеями, поселившимися в бывшей земле филистимлян, в окрестностях Газы.¹⁵⁴ Однако галилеяне и идумеи оказались увлеченными порывом восстания Маккавеев в 166 г. до н. э. и вместе с ними боролись против македонян. Иудеи, ощущая острую необходимость в пополнении армии, обратили оба народа в иудаизм, мотивируя это тем, что они якобы в древности были евреями, но в отличие от самаритян утратили веру во время господства Селевкидов.¹⁵⁵ Поэтому во время династии Хасмонеев (152–37 до н. э.) представители инкорпорированных этносов считались иудеями, но как бы второго сорта.¹⁵⁶ Те отвечали им неприязнью, переходившей в кровопролитие. Ирод I Великий (37–4 до н. э.), несмотря на все заслуги перед страной и народом, «любовь и преданность нашел только в Самарии и Идумее, но не у израильского народа», так как был чужеземцем. И сам он говорил, что «чувствует влечение к грекам в той же степени, в какой питает отвращение к иудеям». Он даже своих детей от еврейки боялся, как иудеев. Так продолжалось до того времени, пока пассионарный взрыв не дал обитателям Палестины энергию, необходимую для самоутверждения. Тогда идумеи захватили власть в Палестине, изгнав последних Хасмонеев, а Галилея стала местом рождения Воплощенного Слова Я новой религии, не только чуждой, но и противоположной той

¹⁵³ См.: Страбон. География в 17 книгах. Л., 1964. С. 704.

¹⁵⁴ См. там же. С. 703.

¹⁵⁵ Toynbee A. Hellenism. Oxford. 1959. P. 191.

¹⁵⁶ См.: Моммзен Т. История Рима. Т. V. М., 1949. С. 452.

форме иудаизма, которая оформилась при контакте с эллинами и заискивании у римлян, той, что Т. Моммзен назвал неоиудаизмом.¹⁵⁷

В Галилее все было иначе. Там ненавидели все эллинское и римское. Оттуда вышли первые сикарии (кинжальщики) – террористы, убивавшие и чужеземцев, и вероотступников. И галилеянин Иисус Христос говорил иудеям: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, гробы скрытые» (Лука II, 37) и «Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи» (Иоанн 8, 44). Столь категоричные характеристики указывают на несовместимость христианского и еврейского поведенческих стереотипов,¹⁵⁸ ибо в I в. до н. э. евреи больше служили мамоне (богатству), нежели Иерусалимскому храму.

Добыть деньги было несложно, но для этого было необходимо включиться в общий рынок эллинистического мира и принять участие в его интригах и склоках. Люди для торговых операций имелись, но им пришлось изучить греческий язык, воспринять эллинскую образованность, перенять манеры, переменить имена... короче говоря, сменить стереотип поведения. Эти эллинизированные евреи назывались саддукеи и не только держали в своих руках экономику и высшие административные должности в царстве Хасмонеев, но и представляли за его границами. В Александрии, где греки составляли 50 % населения, евреев было 40 %, а все остальные, в том числе египтяне, – 10 %. То же самое было на Кипре и в городах Малой Азии. Иными словами, евреи-саддукеи вошли в эллинистическую цивилизацию и постепенно растворились в ней.

Это оторвало их от хранителей традиций – фарисеев (пуруш – чистый) и от народных масс. Последним было особенно противно, что их правители уподобились их злейшим врагам – эллинам. Поэтому раскол этнического поля расширялся и дошел до того, что власть Ирода держалась на поддержке наемных воинов, а народные пророки проклинали его, – ситуация, характерная для фазы обскурации. И в I в. н. э. этнос распался и погиб.

Палестинские евреи, сохранившие изрядную долю неукротимости и нетерпимости своих предков, поссорились и с римлянами, но те дважды расправились с евреями – в 70 и 132 гг., да так, что Палестина обезлюдела и ее заселили арабы.¹⁵⁹ Те евреи, которые успели убежать от ужасов войны на западную окраину империи, нашли там покой и безопасность. Более того, иудаизм стал распространяться в самом Риме – через женщин, утративших в эпоху империи традиционную нравственность. Это вызвало отрицательное отношение римлян к евреям, по аналогии перенесенное на христиан.

Когда память о пролитой крови померкла, оказалось, что в крупных городах Римской империи, в греческих колониях – Пантикапее, Горгиппии и Танаисе, в Армении.¹⁶⁰ и в оазисах Аравии еврейское население сохранилось. Однако это были уже новые евреи, затронутые пассионарным толчком I в., и, следовательно, ровесники византийцев и славян. Они поддерживали активные связи со своими иранскими единоверцами, пользовавшимися покровительством врагов Рима – парфянских царей. Вследствие этого обе общины до конца V в. непрестанно обменивались идеями и людьми¹⁶¹

¹⁵⁷ См. там же. С. 441–442.

¹⁵⁸ Вражду иудеев к «галилеянам», т. е. к христианам, использовал друг иудеев Юлиан Отступник.

¹⁵⁹ См.: Моммзен Т. Указ. соч. Т. V. С. 487.

¹⁶⁰ См.: Берлин И. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пг., 1919. С. 10.

¹⁶¹ На этом фоне было создано обновленное иудейское вероучение. В I в. были составлены два варианта Талмуда, иерусалимский и вавилонский, а во II–III вв. возникла Каббала, т. е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных. Мир и люди – его эманация; назначение их – совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ. Бог им не помогает, ибо «помощь – это позорный хлеб» – подачка. Они сами должны достичь совершенства (см.: Льюренте Х.А. Критическая история испанской инквизиции. Т. II. М., 1936.

А как это было им нужно! Персия была страна бедная, но благоволившая к евреям; Восточная Римская империя была богата, но греки успешно конкурировали с евреями. В те века центр тяжести межэтнических конфликтов был перенесен в область идеологии. Библия была уже переведена на греческий язык и перестала быть тайной. Ее читали усердно, но реакция читателей была различной. Одни вступались за змея, побудившего Еву заполучить познание добра и зла, а того бога, который хотел оставить людей в невежестве, именовали злым демоном (офиты). Другие объявили материю, а следовательно, весь видимый мир несуществующими, т. е. просто помехами на пути к совершенствованию души, реальность коей утверждалась (гностики). Третьи отрицали преемственность Нового и Ветхого Заветов, считая древнюю еврейскую религию поклонением Сатане (Маркион и его школа). Четвертые – манихеи – рассматривали мир как область борьбы света и тьмы, но если христиане признавали мир и жизнь творением Божиим, то манихеи держались обратной точки зрения: мир – это тьма, пленившая частицы света (души).

На Западе дуализм не удержался. Язычник Плотин и христианин Ориген создали стройные монистические концепции, овладевшие умами мыслящих людей III в., а последователи гностиков замкнулись в своем пренебрежении к черни, и их идеи перестали влиять на широкие слои римского общества и этносов, его составлявших. В Иране гностическое манихейство натолкнулось на стройную систему зороастризма, где жизнь благословлялась и утверждалась как творение Ормузда, а смерть и уничтожение (аннигиляция материи) считались делом Аримана. Мани заплатил жизнью за последовательность своего учения. Казалось бы, для жизнеотрицающих гностических систем нет места в мире, но оно нашлось.

На рубежах великих суперэтносов: эллинизма и Ирана, Ирана и Турана, Турана и Индии, где ютились небольшие, хотя и самостоятельные княжества арабов, кавказцев, эфталитов, последователи гностических идей находили приют и безопасность. И евреи, променявшие Палестину на Месопотамию, были в их числе. Стесненные жесткими установлениями официальной религии, они чутко реагировали на развитие мировой творческой мысли и выдавали свои соображения за древние предания – Каббалу, тем самым давая им место рядом с жесткой системой Талмуда. В Каббале были и монистические системы, близкие к неоплатонизму, и дуалистические, унаследованные от ессеев, и тяга к новым идеям, то и дело возникавшим в Иране и Византии. А так как пассионарных людей в вавилонской общине было много, то с III по VI в. она бурлила идеями и принимала активное участие в событиях, имевших значение для нашей темы.

21. Несовместимость

Творческий взрыв и последовавшее за ним развитие еврейской философской мысли привели к созданию Каббалы, в которой стала явной тенденция к философско-ритуальному воспроизведению домоисеевых оргиастических культов. Но с христианскими гностиками у неоиудаизма не было и тени согласия. То ли тут вопияла кровь первых христианских мучеников, например архидиакона Стефана, побитого камнями в 35 г., и жертв фанатиков Бар-Кохбы, то ли евреев отталкивала эллинская смелость мысли, выражавшаяся в строгой последовательности, когда любой логически безупречный вывод считался достоверным, подобно непосредственно наблюдаемому факту. Эпизоды из Ветхого Завета отпугивали христианских неопитов от традиционного иудаизма, а уж о контакте христианства с талмудизмом и речи быть не могло. Поэтому во II в. среди христиан наблюдается стремление разграничить учение Ветхого и Нового Заветов и обосновать это теологически. При этом логически следовало, что Яхве, бог Моисея, отнюдь не тот Элои, к которому воззвал распятый Христос;

Примеч. 3. С. 535–536).

следовательно, сходство древнего еврейского однобожия, по существу почитания племенного бога евреев, и христианского единобожия – мнимо.

Различие между богом Ветхого Завета и евангельским Богом формулировалось христианами гностиками так: «Первый запрещает людям вкушать от древа жизни, а второй обещает дать побеждающему вкусить „сокровенную манну“ (Апокалипсис 2, 17). Первый увещевает к смешению полов и к размножению до пределов ойкумены, а второй запрещает даже одно греховное взирание на женщину. Первый обещает в награду землю, второй – небо. Первый предписывает обрезание и убийство побежденных, а второй запрещает то и другое. Первый проклинает землю, а второй ее благословляет. Первый раскаивается в том, что создал человека, а второй не меняет симпатий. Первый предписывает месть, второй – прощение кающегося. Первый требует жертв животных, второй от них отвращается. Первый обещает иудеям господство над миром, а второй запрещает господство над другими. Первый позволяет евреям ростовщичество, а второй запрещает присваивать незаработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести и риска). В Ветхом Завете – облако темное и огненный смерч, в Новом – неприступный свет; Ветхий Завет запрещает касаться ковчега завета и даже приближаться к нему, т. е. принципы религии – тайна для массы верующих, в Новом Завете – призыв к себе всех. В Ветхом Завете – проклятие висящему на дереве, т. е. казнимому, в Новом – крестная смерть Христа и воскресение. В Ветхом Завете – невыносимое иго закона, а в Новом – благое и легкое бремя Христово».¹⁶² Этот трактат приписан Маркиону – христианскому гностик у середины II в.

Взгляд Маркиона на Космос разъяснил его ученик Апеллес (умер ок. 180 г.). Единое начало – нерожденный бог – сотворило двух главных ангелов. Один, «знаменитый и славный», сотворил мир; другой, «огненный», враждебен богу и миру. Следовательно, мир, как творение доброго ангела, благоденствует, но подвержен ударам злого, «огненного», отождествленного с Яхве Ветхого Завета.¹⁶³

Это учение, утверждающее наличие метафизического Зла, угрожающего культуре и природе (биосфере), отсутствует в Ветхом Завете. Там грехом считается нарушение «закона», т. е. предписания, как акция непослушания. Сатана упомянут только в Книге Иова, но и здесь он не соперник и не враг бога, а его сотрудник. Бог и Сатана вместе осуществляют жестокий эксперимент над беззащитным и невинным Иовом, а потом угрозами зажимают ему рот. Зато в Евангелии Христос отказывается от общения с дьяволом, говоря: «Отыди от меня, Сатана!» Таким образом, оказывается, что смысл Ветхого и смысл Нового Заветов противоположны.

Но если так, то почему христианская церковь ввела Ветхий Завет в состав священных книг? Для решения этого вопроса необходимо обозреть расстановку сил в конце II в. и в III–IV вв.

Главным врагом юного христианского этноса был неоиудаизм Талмуда и Каббалы, но полемика христиан с иудеями велась на фактическом материале Библии. Обе стороны доказывали, что их учение ближе к древнему, а следовательно, и правильное (о чем писал Юстин Философ в «Разговоре с Трифоном Иудеем»). По сути дела, обе стороны были не правы, ибо и христианство, и талмудизм были явлениями новыми, связанными с начальными фазами своих этногенезов. Однако аберрация близости заставляла и их обращаться к Писанию как к непререкаемому аргументу. А коль скоро так, то это Писание надлежало изучать.

В III в. в игру вступил новый партнер – манихейство. Манихейская концепция по сути атеистична, т. е. на место личного бога и дьявола она ставит стихии «света» и «мрака», в

¹⁶² Döllinger. Geschichte der gnostischen-manichäischen Lecten im früher Mittelalter. Leipzig, 1980. С. 1. S. 146–147; цит. по: Арсеньев И. Указ. соч. С. 87.

¹⁶³ См. там же. С. 117.

результате борьбы которых возник и существует материальный мир. Но отношение к миру у манихеев и христиан было противоположным. Манихеи считали материальный мир (биосферу) злом, а его создателя – злым демоном. В противоположность христианству «творящий свет» (Божественную энергию) они считали мраком, а «мрак» (бездну или вакуум) – светом. Для борьбы с культурой и с самой биосферой¹⁶⁴ этого было вполне достаточно.

Тогда в 180–190 гг. христианская мысль для оказания сопротивления атеистическим антисистемам гностицизма приняла на вооружение Ветхий Завет в варианте «семидесяти толковников», сделанный еще во II в. до н. э. Этот «завет» был во II в. н. э. «ветхим» не только для христиан, но и для самих иудеев, подавляющее большинство которых приняло Талмуд, практически вытеснивший религиозные представления древности.

А в конце III в. жестокие гонения Диоклетиана и, с другой стороны, пропаганда манихейства поставили перед церковью сложные задачи, более актуальные, чем борьба с древним иудейством. Более того, в иудейском предании хотели видеть союзника против общего врага, а в однобожии (генотеизме) – зачаток единобожия, как бы предчувствие христианства. Эта тенденция странным образом уживалась с развитием учения о Троице и Логосе, которое по своим философским истокам восходило к неоплатонизму, столь же враждебному гностицизму, как и церковное христианство.

Для своего времени такая позиция была целесообразна. Поэтому не надо осуждать апологетов III в. и «отцов церкви» IV в. за благосклонное отношение к историческим пассажам и поэтическим шедеврам греческого перевода Библии. Эти блестящие филологи и философы не могли даже вообразить, что через тысячу лет наступит время, когда найдутся люди, желающие воскресить побивание камнями пророков, принесение в жертву вместо себя невинных животных, убийство или «отстрел» иноплеменников и учение о предопределении, снимающее с человека моральную ответственность за любые преступления. Все перечисленное, бытующее в цивилизованном мире, связывается с ветхозаветным мировоззрением, но в V–VIII вв. такого безобразия ни один ученый муж не признавал.

Безобразия принимали другой облик. Это и станет предметом нашего внимания.

22. Еще одна «Столетняя война»

Столетней называют войну Франции с Англией (1339–1449), но столь же долгой и еще более ожесточенной была серия восстаний в Аравии и Сирии при высокой степени пассионарности византийского этноса и окончательном исчезновении эллинизма. Эти эксцессы были продолжением друг друга и тянулись 110 лет – с 517 по 627 г.

«Два меча нельзя вложить в одни ножны», – гласит старинная персидская пословица. Евреи и христиане были равно пассионарны. Описанная выше несовместимость проявлялась не только в философии, но и в настроениях народных масс. Еврейское население Южной Палестины было уничтожено при подавлении восстания Бар-Кохбы, но в Самарии оно уцелело, так как самаритяне не принимали участия в еврейском движении. Евреи тогда не считали самаритян за «своих».

Однако по отношению к греческому населению Сирии и Палестины евреи и самаритяне были единомышленны. Они не хотели, чтобы греки жили в Палестине и чтобы константинопольское правительство собирало налоги, а легионеры пасли на священной земле нечистых животных – свиней.

Поскольку Зинон был крайне непопулярным императором, а положение империи – весьма сложным, самаритяне поднялись в 484 г. на гору Гаризим, создали там укрепленный лагерь и сделали его центром движения против Византии. Повстанцы взяли Неаполь (сирий-

¹⁶⁴ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

ский) и Кесарию, причем христиан не щадили, что заставило последних вступать в организуемые правительством отряды добровольцев, которые и разгромили самаритян в 486 г.

Репрессии после подавления восстания были умеренными. У богатых самаритян было конфисковано имущество, а на горе Гаризим сооружена христианская церковь. Но на этом война не кончилась, только театр ее был перенесен на юг, на Аравийский полуостров, куда не простиралась рука византийского базилевса.

В V–VI вв. единого арабского этноса не было. Северные кочевники назывались «измаилиты», как потомки сына Авраама – Измаила, выгнанного отцом в пустыню по требованию Сары, родившей на старости лет Исаака – легендарного предка евреев. Южные оседлые племена Йемена и Хадрамаута назывались иоктанитами или «людьми Саба»,¹⁶⁵ а жители южного побережья с I в. н. э. – «химьяр».¹⁶⁶

Йемен по праву назывался «Счастливой Аравией», ибо эта богатая растительностью страна контролировала пролив Бабэль-Мандеб, по которому шла морская торговля Византии с Индией. Поэтому сюда устремлялись иудеи из Палестины и Сирии в IV–VI вв. И здесь они достигли власти в 517 г., когда царем Химьяра стал Зу-Нувас.

Юсуф Зу-Нувас был сыном знатного химьярита из рода Йазан и рабыни-еврейки. Последнее обеспечило ему возможность стать членом иудейской общины, а первое – право на престол. И он захватил власть в начале 517 г., убив законного царя Химьяра Маадикариба, христианина, по-видимому, монофизитского исповедания.¹⁶⁷ Первым делом Зу-Нувас ограбил христианских купцов: византийских, североаравийских и аксумских (эфиопских), находившихся в его владении, и начал преследования христиан, которых в Аравии VI в. было много.

По просьбе аравийских христиан царь Аксума послал войско, которое принудило Зу-Нуваса бежать. После победы большая часть аксумитов отбыла на родину, а для наблюдения остался малочисленный отряд – 500–600 всадников в городе Зафар, столице Химьяра. Зу-Нувас собрал своих сторонников, окружил Зафар и предложил эфиопам покинуть город, обещав им свободный пропуск на родину. Простодушные эфиопы поверили Зу-Нувасу, вышли из крепости... и были убиты. Одни зарезаны, другие заперты в церкви и сожжены вместе с нею. Сгоревшая церковь была перестроена в синагогу. Ожесточение росло не по дням, а по часам.

На следующий – 518 год Зу-Нувас взял город Награн и произвел массовые казни христиан. И по всей стране шло сожжение церквей и истребление христиан. До тех пор в Аравии религиозных гонений не бывало.¹⁶⁸

Христианские епископы, как монофизиты, так и православные, развернули широкую агитацию против Зу-Нуваса. По казненным повсюду служили панихиды. Даже персы решительно осудили Зу-Нуваса, и только несторианский епископ Ирана – Сила – «желал угодить язычникам и иудеям», но, возможно, это поздняя клевета.¹⁶⁹ Христиане в языческой Аравии не противопоставляли себя друг другу. Это был единый суперэтнос. И все они страдали от Зу-Нуваса.

Зу-Нувас восстановил против себя даже Иран, ибо персы издавна вели выгодную торговлю с Аксумом, а теперь она прекратилась. Но тем не менее активных военных действий не предпринимал никто. Иран находился во власти маздакитов, Византия была далеко, а

¹⁶⁵ См.: Мюллер А. История ислама. Т. I. С. 24–28.

¹⁶⁶ См. там же. С. 28.

¹⁶⁷ См.: Кобыщанов Ю. М. Северо-Восточная Африка в раннесредневековом мире. М., 1980. С. 15–17.

¹⁶⁸ См. там же. С. 25.

¹⁶⁹ См. там же. С. 27.

аксумский царь воевал в Африке с окрестными племенами. Лишь в 524 г. эфиопские войска были подготовлены к десантной операции – походу в Аравию для спасения аравитян.

Это был, по сути дела, Крестовый поход. Выступление эфиопского войска было приурочено к празднику Троицы (18 мая 525 г.) и сопровождалось молебном в кафедральном соборе столицы Аксума.¹⁷⁰ Южноаравийские эмигранты были отправлены отдельно. В их задачу входило пробраться в тыл противника и поднять население против тирана. Это им удалось. Зу-Нувас с теми силами, которые остались ему верны, попытался сбросить десант в море, но потерпел поражение. Войско иудео-химьяритов разбежалось, Зу-Нувас был убит. Оказалось, что это конец. Эфиопы ходили по стране, убивали иудеев и разрушали синагоги, не встречая сопротивления.¹⁷¹

Впрочем, жестокости были обычным бесчинством воинов, разошедшихся по стране, и их аравийских союзников. Иудеи в Йемене уцелели до нашего времени, а частично были переселены в Эфиопию, и, возможно, фалаша – их потомки.¹⁷² Эфиопы проявили такую терпимость, тени которой не было у противников, потерявших Южную Аравию, но попытавшихся получить реванш в Палестине.

Едва достигла пределов Византийской империи весть о гибели иудео-химьярского царства, в Скифополе самаритяне напали на христиан и спалили часть города. Юстиниан обвинил в попустительстве архонта и казнил почему-то его, а не мятежников. Однако это не предотвратило восстания. Весной 529 г. иудеи, язычники и манихеи начали жечь церкви, поместья и убивали священников и «знать».¹⁷³

Однако не только богатым христианам было плохо. Вождь восстания Юлиан, которого объявили «царем», не только разрушил все христианские храмы в захваченных городах, не только убил епископа Саммона и велел резать на куски священников, чтобы сжечь их вместе с мощами, хранившимися в церквях, но и, устроив по случаю победы конские ристалища, вместо награды победителю приказал отсечь ему голову, так как узнал, что тот – христианин.

Только помощь арабских шейхов позволила византийцам подавить восстание, в ходе которого погибли 20 тыс. повстанцев. Столько же пленных женщин и детей было уведено арабами. А сколько погибло христиан – неизвестно!

Репрессии надо считать еще мягкими, ибо в 555 г. восстание повторилось, но на этот раз было подавлено без посторонней помощи. «И был страх великий во всех восточных провинциях».¹⁷⁴

Упомянутые восстания и перевороты следует расценить как большую войну, которую, будь она в XX в., назвали бы национально-освободительной. В ней поражают стихийность вспышек и ожесточение, напоминающее альбигойские войны и восстание камизаров в Провансе. И ведь нельзя считать эти восстания бесперспективными. Вожди иудеев надеялись на помощь Ирана, находившегося в состоянии войны с Византией и пытавшегося вернуть Сирию и Палестину, дабы восстановить царство Кира Великого. Но почему-то персы не поддерживали ни Зу-Нуваса, ни самаритянских вождей, хотя впоследствии они выгнали аксумитов из Аравии и на время овладели Сирией и даже Египтом. Но и там и тут они пользовались пассивной поддержкой иудеев, а не активной. Не странно ли это?

Очевидно, следует обратить взор на Персию V–VII вв., иначе сложность ситуации останется нераскрытой. А без разбора этих сложностей останется неясной та трагедия, кото-

¹⁷⁰ См. там же. С. 45.

¹⁷¹ См. там же. С. 48.

¹⁷² См. там же. С. 49–50.

¹⁷³ См.: История Византии. Т. I. М., 1967. С. 276–277.

¹⁷⁴ Там же. С. 278.

рая произошла на Волге в X в. Так направим караван нашего внимания из Сирии и Аравии в Вавилонию и Иран.

23. У персов V–VII вв

Римляне, даже в период наибольшей военной мощи, не могли захватить Двуречье. Местное население активно помогало парфянам, а потом персам. За проявленную лояльность шахи Ирана благоволили к евреям, позволив им создать колонии в Ктезифоне и Испагани (Исфаган). Аналогичными льготами пользовались несториане Месопотамии и монофизиты Армении за то, что они были противниками православного византийского царя.

Зороастризм, подобно иудаизму, – генотеистическая религия, т. е. все персы должны были следовать учению магов и поклоняться огню, но ни один иноземец к культу не должен быть допущен. Переход персов в христианство карался смертью, что иногда вызывало осложнения, коих не возникало с евреями, которые, так же как и персы, не допускали в свою среду инородцев. Поскольку при таком последовательном подходе ассимиляция исключалась, то в Западном Иране и Месопотамии возникла иудео-сиро-армяно-персидская химера с добавкой из парфянской знати и арабов Бахрейна, почитавших звездных богов и служивших за деньги иранскому шаху. Внутри этой причудливой мозаики мира не было. Вельможи и маги старались ограничить власть шаха, не покушаясь на престол, ибо центральная власть была нужна для защиты от внешних врагов. Шах норовил пресекать самовольство знати, но без кровопролития, так как знать составляла конное войско. Евреи были на стороне короны и, со свойственной этому этносу горячностью, превысили меру усердия, что им на пользу не пошло.

В 491 г. Иран постигли засуха, связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней в отличие от манихейства «царство света» наделялось качествами воли и разума, а «царство тьмы» – качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость – следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравниванием благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и... казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто был с Маздаком не согласен.

Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Но как было отличить сторонников света от защитников мрака? Только по их личному заявлению! И тут пошла в ход ложь.¹⁷⁵ Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал в землю живыми. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали.

Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам – любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напря-

¹⁷⁵ «Их внутреннее – да проклянет их Господь! – противоположно внешнему, слова противоположны делам» (Низам аль-Мульк. Сиясет-намэ. С. 188. Примеч. 339).

женная и даже кровавая, как и в самой великой державе.¹⁷⁶ Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть.

Когда же в 529 г. в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Ирана Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами, был повешен, так же как и все те, кто попал в руки Хосроя Нуширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца, Кавада. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Атропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана.

Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились они на широкой равнине между Терекон и Сулаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды. Однако они свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания.¹⁷⁷

Вернемся к судьбе евреев-ортодоксов, так как в последующей эпохе главную роль будут играть именно они. Православная церковь Византии в эпоху Великих соборов (V в.) относилась к иудаизму благожелательно. Когда же эмиграция евреев из Ирана усилилась и активизировала византийскую еврейскую общину, то начался период не то чтобы гонений, а государственных ограничений свободы еврейского культа. Эдиктом 546 г. Юстиниан запретил евреям праздновать Пасху и есть в эти дни мацу, если еврейская Пасха приходилась на Страстную неделю. В 553 г. евреям было запрещено «употреблять... устную традицию».¹⁷⁸ Короче, евреев стремились превратить в граждан второго порядка (*inferiores, quasi, infames, turpes*),¹⁷⁹ что повело к возрождению иранофильских настроений в еврействе Византии. Случай для отплаты за унижение представился им в начале VII в.

В 602 г. солдаты убили императора Маврикия и возвели на престол свирепого тирана Фоку. Шаханшах Хосрой Парвиз начал войну под предлогом мести за погибшего, который был его приемным отцом, фактически же эта война ставила целью изгнание греков из Азии и Египта, т. е. восстановление Ахеменидской империи. Евреи стали на сторону персов. Они вызывали беспорядки в тылу у греков, причем успевали заручиться покровительством греческого начальства и обратить его гнев против восточных христиан – монофизитов и несториан,¹⁸⁰ что было на руку персам, так как симпатии местного населения после карательных экспедиций из Константинополя переходили на их сторону. Таким образом персы продвинулись до берегов Средиземного моря.

Самое страшное произошло в 615 г. в Иерусалиме, где после капитуляции города персы взяли в плен от 62 до 67 тыс. человек.¹⁸¹ Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. «Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их»,¹⁸² — пишет в 1234 г. Сирийский аноним, т. е. человек, не имеющий личной заинтересованности,

¹⁷⁶ См.: Солодухо Ю. А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирана в первой половине VI в. н. э. // Вестник древней истории. 1940. № 3–4. С. 131–145.

¹⁷⁷ Описание быта этой ветви евреев см.: Гаркави А. Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874. С. 17; Кембриджский аноним считает их евреями колена Симона, позабывшими веру предков; см.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 25.

¹⁷⁸ Берлин И. Указ. соч. С. 76.

¹⁷⁹ См. там же. С. 76.

¹⁸⁰ См.: Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.; Л., 1946. С. 183–185; Кулаковский Ю. К. Критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки // Византийский временник. Т. 21 (1–2). СПб., 1914. С. 1–14.

¹⁸¹ См.: Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 20.

¹⁸² Там же. С. 263.

а следовательно, и пристрастия. Там же он сообщает, что иудеи «были уведены из Иерусалима», т. е. просто вернулись на родину предков, в Месопотамию. Здесь они уже после заключения мира в 629 г. убедили персидский гарнизон оборонять от греков Эдессу, которая должна была быть возвращена Византии по условиям мирного договора. При этом они обеспечили себе безнаказанность, послав к императору Ираклию парламентаря, который вымолил своим соплеменникам прощение, а персидские воины погибли от рук византийцев.¹⁸³

Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс – доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела – божественное и человеческое – и одна воля – божественная. Эту доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало, так как горцы Ливана, равно недоброжелательно относившиеся и к грекам, и к сирийцам, были реликтовым этносом.

На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил.¹⁸⁴ Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. Меровинги относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось.¹⁸⁵

Чем руководствовался Ираклий – непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка – Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам неизвестные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали.

Столь откровенная изменническая позиция вызывала озлобление против евреев сирийских и аравийских семитов, почему это трудно назвать антисемитизмом. Результатом была договоренность, достигнутая в 637 г. между епископом Софронием и халифом Омаром. Епископ сдал халифу Иерусалим, с тем «чтобы евреи не жили в Иерусалиме»,¹⁸⁶ после чего Омар велел построить на месте Соломонова храма мечеть.

24. У арабов VII в

С мусульманами иудеи не ладили куда категоричнее, чем с христианами. Первые конфликты произошли еще в Медине, с самим пророком. Побежденные в уличных схватках иудеи покинули Аравию и поселились в Палестине, у Генисаретского озера, поскольку эта страна находилась тогда под властью персов. Потом некоторые из них ушли в Иран вместе с отступавшими персами, страшась возмездия сирийских христиан. Однако к 650 г. те и другие попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход – шиизм как способ раздробления мусульманской общины.¹⁸⁷

Некий Абдулла ибн-Саба, иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правоверное, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока

¹⁸³ См. там же. С. 270.

¹⁸⁴ См.: Тюменев А. И. Указ. соч. С. 276.

¹⁸⁵ См. там же. С. 241–243.

¹⁸⁶ Пигулевская Н. В. Указ. соч. С. 285.

¹⁸⁷ Ши'ат Алией – партия Алиия, или «пристрастные».

его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т. е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора – претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма,¹⁸⁸ прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата.

Нет, мы не будем здесь излагать историю многих восстаний и подавлений, убийств и предательств, игры ума и безумия страстей человеческих; жертвами этой войны стали Али (зарезан в 661 г.) и его сын Хуссейн (пал в бою в 680 г.), покинутые друзьями и сподвижниками. Однако те, «раскайавшись», снова восстали и снова были разбиты в 690 г., вслед за чем последовали очередные экзекуции.

Вот тогда и покинули злосчастную Персию евреи. Они прожили в этой стране 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержкой венценосцев. Но когда законы Ирана заменил шариат, а шахов – назначенные эмиры (уполномоченные), евреи вновь обратились к поискам «земли обетованной». Сами они представляли себе эту миграцию так: «И было в лето 4450 (т. е. в 690), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими (арабами), и пали они под их ноги, и спасались бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев...»¹⁸⁹

Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот Хазарии в списке нет, хотя в 737 г. арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполнявших закон Мусы» принять ислам.¹⁹⁰ На самом деле это было только пожелание Мервана II, оставшееся без последствий. А в 690 г. хазары под предводительством тюркютов по происхождению, принцев царственного рода Ашина, ставших ханами Хазарии, громили Закавказье и удерживали до 693 г. Дербент. Как же евреи могли не заметить такую сильную державу? – Только не видя ее!

Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обгащенные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда – в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи.

Но если так, то кто в Хазарии «исполнял закон Мусы»? Очевидно, те евреи, которые бежали на Кавказ вместе с маздакитами. Они в 690 г. очень хорошо помнили кровавые столкновения внутри еврейской общины Ирана, с полным на то основанием опасались своих соплеменников и отказали им в убежище. Зато их потомки в VIII в. поступили по-иному, так как маздакитская трагедия была забыта потомками ее участников.

25. У греков VIII в

Итак, сирийские Омейяды оказались врагами обеих ветвей иудеев: маздакитской и ортодоксальной. Первые были союзниками хазар, вторые обрели убежище среди христиан... Такая расстановка сил дает право заключить, что во время сражения за Константинополь в 717–718 гг., когда Лев Исавр сжег арабскую эскадру «греческим огнем» и отбросил изнуренную голодом сухопутную армию от стен столицы, евреи сражались на стороне христиан.

¹⁸⁸ См.: Мюллер А. Указ. соч. Т. I. С. 332.

¹⁸⁹ Берлин И. Указ. соч. С. 78–79. Авторство текста приписано известному хронисту и врачу Иосифу б. Иегошуа Га-Когену, жившему в XVI в., но имевшему в своем распоряжении более ранние рукописи.

¹⁹⁰ И. Берлин полагает, что именно это событие заставило евреев покинуть Хазарию и перебраться на Запад (см. там же. С. 79).

Силы арабов были скованы на всех фронтах. В Испании в 718 г. непокорившиеся христиане образовали королевство Астурию. В Средней Азии тюркеша договорились с Китаем, заключили мир с Тибетом, союзником халифата, и поддержали восстание согдийцев, только что завоеванных, но не смирившихся. Хазары же принудили арабскую армию к отступлению и перенесли военные действия в Закавказье.

В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи.¹⁹¹ Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Ответа на этот вопрос в источниках нет, значит, следует искать смысл указа исходя из общей ситуации. Малоазийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама.

Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии. И поскольку инициативу войны с арабами перехватил Булан, не исключено, что Лев Исавр создал условия для переброски боеспособного этноса на тот участок фронта, где он был необходим. Примерно так поступило византийское правительство с горцами Ливана – мардаитами: их вывели из Сирии и поместили в гарнизонах Малой Азии, чтобы использовать их опыт борьбы с мусульманами.

Однако евреи думали не столько о войне против ислама, сколько о себе и своих родственниках. Подобно тому как в XVII в. гонимые в испанских владениях евреи нашли приют в протестантской Голландии, так в VIII в. они воспользовались гостеприимством хазар и освоили «прикаспийские Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию (Великую Пермь).¹⁹² и из Китая в Прованс¹⁹³

Имея такую базу, можно было забыть о дружбе с Византией. А ссориться евреям с греками было из-за чего. Греки торговали лучше евреев. Поэтому евреи начали предпочитать им арабов.

Свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна – на фоне мировой истории оно особенно весомо.¹⁹⁴ «Владелец Константинополя во время Харуна-ар-Рашида (786–809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение (язычников. – Л.Г.); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее».¹⁹⁵ Этот текст, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы крещения евреев не

¹⁹¹ Об этом указе упоминают хронографы Феофан (ed Bonnæ, I, 617) и Кедрен (ed Bonnæ, I, 793); см.: Берлин И. Указ. соч. С. 76.

¹⁹² См.: Хеннинг Р. Неведомые земли. Т. II. М., 1961. С. 212.

¹⁹³ Needham J. Science and Civilization of China. III. Cambridge, 1959. P. 681–682.

¹⁹⁴ Это сведение, приписываемое автору XIII в. Ибн ал-Асиру, сохранилось у Димашки (Cosmographie de Dimaschqui. Copenhagen, 1874. P. 380). Попытка сопоставления с сообщением Масуди была сделана Д.А. Хвольсоном (Сборник статей по еврейской истории и литературе. Кн. 1. Вып. 1. СПб., 1866. С. 152), опровержение ее см.: Берлин И. Указ. соч. С. 77–78.

¹⁹⁵ Об обращении хазар в иудейскую веру существует огромная литература. Последние сводные исследования см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 262–283; Koestter Arthur. The Thirteenth Tribe – The Khazar Etoile and its Heritage. London, 1976. P. 58–82. Наша интерпретация, предлагаемая ниже, независима от предшествующих и, на наш взгляд, недостаточно освещающих предмет.

осуществили, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения на евреев совпали с Седьмым Вселенским собором (787 г.) и последующим периодом преобладания греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями. Согласно логике событий, именно в последние годы VIII в. греки стали заинтересованы в том, чтобы избавиться от евреев, так как антипатия последних к арабам сменилась симпатией, после того как престол халифа перешел от Омейядов к Аббасидам, окруженным персидскими советниками и возобновившим традиции Сасанидского Ирана.

Однако багдадские халифы могли, да и хотели видеть в евреях лишь подданных, причем второго сорта. Им было удобно сбывать христианских пленников для продажи в рабство, что для евреев было выгодно, но неперспективно. Власть и господство над народом халифата были для них недостижимы, так как пассионарность арабов и персов была выше еврейской. Поэтому евреи стали искать новую страну... и обрели ее в Хазарии.

Часть вторая Зигзаг истории

V. Князья изгнания

26. В гостях у хазар

Персидские евреи, некогда соратники маздакитов, после гибели Маздака и бегства на Кавказ 200 лет прожили в равнинном Дагестане, между Терекон и Сулаком, по соседству с хазарами. Жили эти два этноса в мире и дружбе, не навязывая друг другу своих обычаев. Когда же арабы начали наступление на Кавказ, евреи и хазары отражали их натиск совместно, ибо и тем и другим грозила одна и та же судьба: при поражении – гибель мужей и продажа в рабство женщин и детей, а при победе – подготовка к новой войне.

Надо отдать должное обоим малым этносам, которые сохранили мужество и стойкость в этой неравной войне. И немалую роль здесь играла форма этнического контакта – симбиоз, когда этносы-соседи живут рядом, не перевоспитывая друг друга, а значит, и не мешая друг другу. И те и другие были в фазе гомеостаза, хотя и по разным причинам: хазары достигли этой фазы естественным путем, ибо они прожили свой цикл этногенеза и уцелели; евреи – путем искусственного отбора, потому что большинство их пассионариев было убито персами и напряжение этносистемы снизилось. Однако его все-таки хватило для того, чтобы устоять против захватчиков.

Когда же мощь халифата временно надломилась из-за постоянных восстаний, а хазары с тюркютскими ханами во главе перенесли военные действия против арабов сначала в Азербайджан, потом в Армению (721–722 гг.), им помогли уцелевшие огнепоклонники-персы и поклонники Мусы – евреи. Вождь евреев, носивший тюркское имя Булан (Лось), отличился в этом походе, вследствие чего повел себя самостоятельно: он восстановил еврейские обряды для своего народа.¹⁹⁶

«Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не могло, так как в середине века прозелитические религии – христианство и ислам – резко противопоставлялись древним религиям, где к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос. Персом-огнепоклонником или индусом – членом высшей касты надо было родиться, но нельзя было стать. Если же возникала необходимость принять в свою среду чужого или приобщить к себе иное племя, то выдумывались фальшивые генеалогии, чтобы оправдать нарушение принципа. Так, шах Иездегерд, решив увеличить конное войско, предложил армянским нахрамам стать зороастрийцами на том основании, что эти знатные люди вели происхождение от парфян – Аршакидов. Когда же те отказались отречься от христианства, дело заглохло.

¹⁹⁶ Основания для датировки, которые привел М. И. Артамонов, противоречивы. В описании набега хазар на Закавказье под предводительством Булана упомянуты путь в Д-р алам, «под которым видят Дарьял», и город Ард-вил, т. е. Ардебиль (История хазар. С. 269). М. И. Артамонов сопоставил этот набег с вторжением хазар в Азербайджан в 731 г., когда хазары, после некоторых успехов, были разбиты арабами. Это не соответствует рассказу об удаче Булана. Затем арабы захватили у хазар «знамя в виде медного изображения» (там же. С. 215), чего не могло быть у иудеев. Наконец, предводителем хазар был сын кагана – Барджиль, а отнюдь не иудей, как и мать его – ханша Парсбит («тигриная морда» – см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969). Видимо, следует предпочесть более раннюю дату – 718 г., что не противоречит известным и установленным фактам. Равно и путь Булана истолкован неточно. Дар алам – буквально «врата мира» (перс. – араб.) – это не Дарьял, а Дербент – буквально «запертая дверь» (перс.). В 718 г. крепость была освобождена хазарами от арабов.

Иудаизм – это культ народа, «избранного Яхве», и потому редкие новообращенные считались «проказой Израиля». Евреи мирно соседствовали с хазарами, ходили вместе в походы, но молились отдельно, справедливо полагая, что для хороших отношений с соседями нет необходимости делать их похожими на себя или, наоборот, лицемерно подделываться под них. Даже забыв большую часть сложных предписаний Талмуда, что было неизбежно для пастушеского племени, где юношам негде и некогда учиться даже просто грамоте, потомки евреев-маздакитов не растворялись в среде окружавших их племен Дагестана. Они к этому не стремились, да и те бы их в свою среду не приняли. Заслуга Булана была в другом: он удалил из своей страны идолослужителей и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру; он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды,¹⁹⁷ т. е. восстановил еврейские обряды для своего народа. В сочинении Иехуды б. Барзилая, еврейского автора XI в., это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)».¹⁹⁸ Однако С. Шишман указывает, что слово *ger* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило.¹⁹⁹ Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не раввинизм, а караизм.²⁰⁰

И пусть не смущает читателя, что евреи, живущие в Хазарии, именуются хазарами. Это обычное для этнонимов обобщение, когда субэтнос на чужбине принимает название этноса. Так, бретонец в России назовет себя французом, а карел во Франции – русским. Для иноземцев хазары – это люди, живущие в Хазарии и подчиняющиеся власти Хазарского каганата. Но для самих обитателей страны, а равно и для ее исторической судьбы различия на субэтническом уровне заметны. Иногда они не имеют большого значения, но при некоторых обстоятельствах их роль возрастает. Так произошло в Хазарии во второй половине VIII в., когда туда стали приезжать евреи-раввинисты из Византии.

Реформа Булана имела еще то значение, что она порвала связи с маздакитскими традициями. Идеинные связи вольнодумных членов иудейской общины с группой вольнодумных персов оказались призрачными. Как только жизнь поставила иные проблемы, химера распалась. То, что для персов-маздакитов было органической частью сложившегося мироощущения, евреи сбросили как отсохшую шелуху. Впоследствии маздакиты, точнее, хуррамиты пытались блокироваться с христианами-иконоборцами,²⁰¹ ибо в смертельной борьбе (815–837 гг.) с арабами и персами-мусульманами хазарские евреи не помогли своим бывшим соратникам и единомышленникам.

Зато внутриэтнические связи от идейных разногласий не пострадали. Наоборот, эмиграция византийских евреев в Хазарию была облегчена тем, что беглецов встречали единоверцы и помогали им устроиться. А так как евреи-раввинисты VII–VIII вв. были горожане, то они и селились в городах: Итиле, Семендере, Самкерце, Беленджере – и занимались в них торговлей, к чему сами хазары способностей не проявляли.

Хазарские евреи встретили выходцев из Византии с древним радушием, но те заплатили им за гостеприимство оскорбительным презрением. О слиянии двух общин в одну не было и речи. Раввинисты относились к караимам так, как немцы при Бироне относились к русским сослуживцам. И не то чтобы обе общины не ощущали своего сродства. Нет, они

¹⁹⁷ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 269.

¹⁹⁸ Jeschurun. Vol. XI. № 9110. Berlin, 1924. P. 113.

¹⁹⁹ Szyszman S. Où la conversion du roi Khazar Bulan a-t-elle eu lieu? Hommage a Andre Dupon – Sommer. Paris, 1971. P. 327.

²⁰⁰ Szyszman S. Le roi Bulan et problème de la conversion des Khazars // Ephémérides Tèologique Loranienses. T. 33. Bruges, 1957. P. 68–76.

²⁰¹ Бабек, вождь хуррамитов, завязал союз с императором Феофилом около 830 г. (см.: Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 199). Но попытка объединить маздакизм с иконоборческим православием, предпринятая тогда же, успеха не имела.

оставались целостностью, но на уровне суперэтноса. Как единый этнос они себя не воспринимали и вели себя соответственно.

Да и историческая роль у пришлых евреев была гораздо грандиознее, чем у местных. Именно они превратили Хазарию из маленького ханства в ведущую державу раннего Средневековья. Принесло ли это радость хазарам – другой вопрос. Но возникшая этническая химера начала функционировать в начале IX в. Ее рождению предшествовали следующие события.

27. В летописях есть не все

Причинная цепочка событий началась с неожиданной войны. Хазары делили Крымский полуостров с греками. Хазарам принадлежали Степной Крым, восточная часть Южного берега, от Керчи до Сулака (Сурожа), и иногда крымская Готия на Яйле со столицей Феодоро (Мангуп), иногда же эта страна выражала желание подчиниться Византии.

Опорой власти Византии в Крыму был Корсунь (Херсонес около Севастополя), город богатый и славный строптивостью своих обитателей, державшихся независимо от константинопольского правительства, но никогда не отлагавшийся от империи. Из Крыма шло распространение православия по Хазарии, что не встречало сопротивления.²⁰² Казалось, все обстояло так благополучно, что поводов для обострения отношений не могло возникнуть. И вдруг... «Воинственный и сильный князь Новгорода русского... Бравлин... с многочисленным войском опустошил места от Корсуна до Керчи, с большой силой пришел к Сурожу... сломал железные ворота, вошел в город с мечом в руке, вступил в св. Софию... и ограбил все, что было на гробе...».²⁰³ Далее в тексте идет описание чуда и обращения князя²⁰⁴ в христианство, но для истории важнее другие сюжеты, о которых пойдет речь.

В приведенном тексте неясно почти все. Кто были упомянутые здесь русы? Что за странное имя – Бравлин, ибо понимание его как эпитета «бранлив» (т. е. воинственен) натянуто и неубедительно? Откуда пришел этот Бравлин, из какого «Новгорода»? Ведь известного Новгорода в начале IX в. еще не существовало.²⁰⁵ Когда произошел этот поход – в 755 г.,²⁰⁶ или в 790 г.?²⁰⁷ Какие причины вызвали это вмешательство в хазарские дела? Кто был инициатором внезапного набега, последствия которого были столь грандиозны? Ясно одно: поход был направлен против хазар, причем пострадали крымские христиане, что повлекло упадок христианских епископий в Великой степи вплоть до Хорезма²⁰⁸ и длился этот упадок до рубежа X–XI вв. Но одно это наблюдение оправдывает интерес к походу Бравлина.

Мы не имеем права упрекать автора источника в том, что он оставил нас в неведении по стольким животрепещущим вопросам, потому что перед нами не летопись, а житие. Летописца как историка интересовали события, а агнографа – чудеса. Поэтому в соответствии с жанром агнограф не уделяет внимания земным делам, а летописец, как видим, пишет далеко не все, что он должен был бы знать и не замалчивать. Поэтому будем благодарны агнографу за простое упоминание события, помогающее пролить свет на начало великого переворота

²⁰² Литература о средневековом Крыме огромна. Необходимую библиографию см.: Артамонов М. И. История хазар.

²⁰³ Житие св. Стефана, епископа сурожского. Цит. по: Гумилевский Ф. История русской церкви. М., 1888. С. 21; Ср.: Васильевский В. Г. Труды: В 4 т. Пб.; Пг.; Л., 1908–1930. Т. III. С. 95–96; Vernadsky G. The Origins of Russia. P. 180–182.

²⁰⁴ Имя этого князя Бравлин иногда читается как «бранлив», т. е. «воинственный» (Vernadsky G. The Origins... P. 182).

²⁰⁵ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 336.

²⁰⁶ См.: Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 23.

²⁰⁷ Vernadsky G. The Origins... P. 180–183. Эта дата предпочтительна, так как учтена новая литература по вопросу (см. там же. P. 320).

²⁰⁸ Император Константин говорит о степях Причерноморья: «Здесь находят среди развалин городов следы христианства и кресты, высеченные из скважистого камня» (цит. по: Гумилевский Ф. Указ. соч. С. 22).

в Хазарии.²⁰⁹ Что же касается интерпретации событий и критики источников, то не будем повторять работу, уже проделанную Г. В. Вернадским в уже цитированном тексте.

Г. В. Вернадский отмечает, что имеется две версии жития св. Стефана Сурожского: краткая – греческая и длинная – русская, отнесенная В. Г. Васильевским к XVI в., но известная в России с начала XV в. После критики версий Г. В. Вернадский указывает, что упомянутый в них «Новгород» – это скифский Неаполь (Симферополь) и что русы пришли в Крым из Доно-Донецкого ареала. Прежде чем достичь Сурожа, русы ограбили все побережье Крыма, от Херсонеса до Керчи, причем особенно пострадали церкви. А в Суроже их вождь принял крещение и вернул военную добычу церквям.

Мотивы похода неясны. Возможно, что нападение было делом византийских дипломатов, ссорившихся с хазарами из-за Готии, которую хазары усмирили в 787 г. Действительно, пострадали города хазарской части Крыма, но был разграблен и греческий Корсунь (Херсонес). Но выгода в этом была для греков: в 790 г. Готия вернулась к Византии.²¹⁰

К аналогичным выводам о родине пришел М. И. Артамонов,²¹¹ причем, что очень важно, независимо от Г. В. Вернадского. Следовательно, это были потомки россомонов, сражавшихся с готами, будучи союзниками гуннов.²¹² Они были неоднократно описаны арабскими и греческими авторами как этнос, живший около славян, но отличавшийся от последних языком и обычаями. Слились русы и славяне только при Владимире Святом, в X в. До этого времени русы были самостоятельным народом, хорошо известным в Германии. Немецкие хронисты называли их руги, а Ольгу – *Regina ruginum*. Процесс слияния начался в IX в.,²¹³ но был долог и тернист.²¹⁴

Рассчитать последствия политической акции всегда трудно. Может быть, несправедливо осуждать решение византийских дипломатов ослабить хазар, противопоставив им русов, а за счет их войны присоединить к империи крымскую Готию. Но логика событий вступила в силу. Русы получили доступ к Черному морю, и их набеги опустошали побережье Малой Азии 200 лет. Слишком дорогая цена за политическую интригу.

Да и сама интрига дала результат, обратный задуманному. От грабежей русов пострадали христианские церкви и было ослаблено православное влияние в Хазарии. Образовался политический вакуум, который был немедленно заполнен иудаизмом. Так греки вместо бесплатного союзника обрели двух сильных и жестоких врагов вдобавок к арабам и болгарам. Но вряд ли следует винить за это дипломатов. В 786–790 гг. в Константинополе шла жесткая борьба между императрицей Ириной и ее сыном Константином VI. Ирина ослепила своего сына в 797 г., но монахи-хронисты прославляли ее как благочестивую императрицу. И вот, видимо, поэтому политическая ошибка замалчивалась в хрониках, но, к счастью, упоминание о ней сохранилось в Житии св. Стефана, что и дает возможность разобраться в том внезапном обороте расстановки политических сил, в том зигзаге истории, который распрям-

²⁰⁹ См.: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

²¹⁰ Vernadsky G. The Origins... P. 182–183.

²¹¹ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 366.

²¹² Иордан. С. 91, 279.

²¹³ См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 355–419.

²¹⁴ К выводу о тождестве этнонимов руги и русы одновременно с нами пришел А. Г. Кузьмин. Он подобрал много отрывочных сведений, которые сливаются в стройную концепцию о широком распространении ругов, уже в 307 г. обозначенных в числе федератов Римской империи. Родиной ругов была Южная Прибалтика, откуда руги были вытеснены готами, после чего распространились по Восточной Европе, от Адриатики до Днепра и озера Ильмень. Широкое рассеяние их повело к неустойчивости написания их этнонима: руги (роги), русы, розы, руци, руяны, рутены, причем за несколько столетий этническое родство могло быть забыто самими потомками древних ругов. А. Г. Кузьмин считает ругов не германцами, как было принято до сих пор, и не славянами, но «северными иллирийцами», противниками готов. См.: Кузьмин А. Г. Падение Перуна. Становление христианства на Руси. М., 1988. С. 133–139.

мился лишь в XI в. Не попала эта история и в «Повесть временных лет», и, если не восстановить ход событий в Крыму, остается неясной вся история Евразии. А там в эту же эпоху произошли очень важные события.

28. Рахдониты

В середине VIII в. произошедшие на всем пространстве Евразийского континента события изменили мир так, как никто бы не мог предугадать. Деморализованная Франкская держава была зажата в стальной обруч Карлом Мартеллом, сын которого Пипин Короткий лишил престола «ленивых королей» династии Меровингов в 751 г.

В этом же году арабы встретились с китайцами в долине р. Талас и разбили их наголову. Две другие китайские армии – одна в Маньчжурии, другая в Юннани – были разбиты ополчениями местных племен, и мечта о гегемонии Китая над Азией, бывшая руководящей идеей политики Тан, испарилась.

За 6 лет до этого, в 745 г., пал второй Тюркютский каганат, и его богатыри погибли в боях или были перебиты во время бегства. На его месте возник Уйгурский каганат, отнюдь не агрессивный и открытый культурным влияниям Ирана, но не Китая.

Но самым большим сдвигом было воцарение Аббасидов в Багдаде и начавшийся развал халифата, ибо это открыло дороги с Запада на Восток тем предприимчивым купцам, которые эти дороги изучили. Дорога по-персидски – *rah*, корень глагола «знать» – *don*; знающие дороги – рахдониты. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.

Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, а только предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков. Только сверхприбыль покрывала расходы на перевозку и содержание в порядке трассы, на которой сооружались купола над источниками и прудами, ставились вешки, указывающие направление дороги, строились караван-сарай для ночевки или дневок в особо жаркие дни.

От Красного моря до Китая было около 200 дневных переходов, а вокруг Северного берега Каспия еще больше. Но и северным путем пользовались, так как в Аббасидском халифате восстания были делом заурядным, а хазары строго следили за безопасностью на степных дорогах. Поэтому значение Итиля как перевалочного пункта на долгом пути росло. Отдыхать на Волге было не только удобно, но и приятно.

То, что путешествующие евреи VIII в. названы персидским словом «рахдониты», показывает, что основу этой торговой компании составили выходцы из Вавилонской, т. е. иранской, общины, бежавшие от халифа Абд ал-Мелика в 690 г. Потом к ним добавились евреи из Византии, но до тех пор, пока на границах Согда и халифата, Китая и Тюркютского каганата шли постоянные войны, торговля встречала препятствия. Когда же эти войны прекратились, а Китай после восстания Ань Лушаня (756–763) лежал в развалинах и продавал шелк дешево, рахдониты развернулись. Они освоили не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому текло серебро в обмен на меха. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей.

В древности караванный путь из Китая в Европу пролегал южнее: через Хотан, Памир и Вахан в Персию и дальше на запад. Этот путь был труден и неудобен. Поэтому после разгрома хуннов он сместился на север пустыни Такла-Макан, т. е. через Карашар, Кучу, Кашгар и Ферганскую долину.

Еще более удобным был маршрут через Турфан в Семиречье; этим путем пользовались в тюркское время, в VI–VII вв. Но тогда же тюркюты покорили Северный Кавказ, и выяснилось, что можно не платить пошлин иранскому шаху, а прямо везти шелк в Европу. Однако

для этого необходимо было оборудовать стоянки на пути, выкопать колодцы, поставить вехи и т. д., а это очень сложно. Поэтому, до тех пор пока в торговлю не включились хорезмийцы, северным маршрутом не пользовались. Но с покорением арабами Средней Азии появились средства для проведения дорог, а постоянные восстания в Восточном Иране способствовали оживлению пути из Гурганджа на Волгу, т. е. через Устьюрт в Хазарию.

Издавна хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее, не ожидая никаких бед. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Прекрасные голубые протоки среди зеленых лугов и густых зарослей кормили и столицу Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком Ахтубой.²¹⁵ Имея роскошную экономическую базу, они господствовали над населением сухих степей, окружавших оазис, простиравшийся почти до полуострова Бузачи.²¹⁶

Вместе с этим хазары полагали, что им ничто не грозит извне, ибо даже победоносный Мерван не считал их страну достойной завоевания. В VIII в. рыбные богатства Волги не могли стать предметом вывоза. Натуральное хозяйство создавало определенные привычки. Тот, кто привык есть финики или маслины, не имел потребности в «селедке и вобле». Поэтому хазары ели красную рыбу, не вызывая зависти у арабов и греков. И неудивительно, что авторы, описывающие поход Мервана, отмечают как главную его добычу 20 тыс. семей «сакалиба», т. е. людей, которых можно было обратить в невольников.

По поводу значения слова «сакалиба» долгое время шел спор. Сначала их считали славянами,²¹⁷ хотя по-арабски славяне – «славия».²¹⁸ Когда выяснилось, что эти пленные были захвачены в земле буртасов,²¹⁹ то возникло мнение, что «сакалиба» – тюркско-финская помесь.²²⁰ Однако средневековые географы придают термину «сакалиба» другой смысл. Ал-Куфи включает в это понятие всех «неверных» Восточной Европы. Ал-Хорезми в 836–847 гг. писал: «Германия, она же страна сакалиба». Масуди причисляет к сакалиба «намчин» (немцев) и «турок» (венгров).²²¹ Разумеется, славяне тоже были в числе продаваемых рабов, но Масуди называет их «валинана» (волыняне), из чего видно, что термины «славяне» и «сакалиба» – не одно и то же. Думается, что столь единодушное мнение средневековых географов заслуживает предпочтения.

Термин «сакалиба» был хорошо известен не только в Восточной Европе, но и в Испании, где при дворе омейядских халифов так называли гвардейцев-невольников. В этой гвардии, кроме славян, служили немцы, французы, турки, мадьяры, печенег... короче говоря, все рабы, купленные на европейских рынках. И вряд ли надо видеть в этом термине этноним, так же как в терминах «зинджи» (черные рабы из Восточной Африки) и «мамлюки» (в Египте – рабы из туркмен, половцев, черкесов и даже русских).

А. П. Новосельцев предлагает другую версию: считать название «славянская» гвардия условным, подобно тому как в Багдаде «тюркская» гвардия состояла не только из турок, а в Египте «черкесская» гвардия включала еще кыпчаков и грузин.²²² Примеры говорят об

²¹⁵ См.: Гумилев Л. Н. Хазарское погребение и место, где стоял Итиль // Сообщения Гос. Эрмитажа. Т. XX. Л., 1962. С. 56–58.

²¹⁶ См.: Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85–94.

²¹⁷ См.: Шахматов А. А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. С. 34–37; Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. М., 1953. С. 252.

²¹⁸ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870. С. 41–43, 162; Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 159.

²¹⁹ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 220.

²²⁰ Zeki Validi Togan A. Ibn Fadlan's Reisebericht // Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes. Bd. XXIV. Leipzig. 1939. S. 365–369.

²²¹ См.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 368–370.

²²² См.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 369.

обратном. Аббасиды, как сунниты, отказались от услуг магрибинцев-исмаилитов и дейлемитов-шиитов, вследствие чего берберы захватили Египет и Сирию, а дейлемиты – Багдад и Западный Иран. В Египте же кыпчаки-бахриты и кавказцы-бурджиты не смешивались, а династии их султанов чередовались, хотя все они назывались мамлюками.

Неправильно считать «славянской рекой» Дон IX в. На Верхнем Дону в это время обитали «чики» – этнос отнюдь не славянский, позднее слившийся с хопёрскими казаками,²²³ а между Донцом и славянским Днепром жили савиры, до XVII в. выделявшие себя из числа русских. Поэтому обращение закавказских христиан-санарийцев к «сахибу ас-сахалиба» в 853 г.²²⁴ может быть отнесено к любому сильному вождю любого племенного союза.

Да и есть ли надобность считать слова «славянин» и «раб» синонимами? Нет, все-таки М. И. Артамонов был прав.²²⁵

Основным предметом вывоза из Хазарии в VIII–IX вв. были рабы. Поэтому сюда устремились работорговцы-евреи из Ирана и Византии.

Разумеется, евреи сами не совершали экспедиций за «живым товаром», тем более в начале IX в. Гардизи сообщает, что этим промыслом занимались венгры еще до ухода их на запад, в Паннонию. «Венгры – огнепоклонники и ходят к гуззам, славянам и русам и берут оттуда пленников, везут их в Рум и продают».²²⁶ После венгеро-хазарского конфликта этот гнусный промысел перешел к русам, но, согласно сочинению Ибн-Руста, в X в. пленных продавали хазарам и болгарам,²²⁷ на этот раз жертвами работорговли были именно славяне.²²⁸ И ведь что обидно: захваты рабов в Восточной Европе проводились не пришельцами, а аборигенами. Это говорит о том, что большую часть населения здесь составляли древние, точнее – старые этносы (дославянские), утратившие былую пассионарность подобно своим ровесникам – хазарам, но в отличие от последних не сумевшие импортировать молодую или зрелую пассионарность, которую им могли принести славяне или тюркюты. Но доблестные тюркюты, спасшие Хазарию от арабского завоевания, совершили ошибку, ставшую роковой.

Тюркютские ханы из династии Ашина в силу свойственных степнякам религиозной терпимости и благодушия считали, что их держава приобретает работающих и интеллигентных подданных, которых можно использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы еврейки пополняли ханские гаремы. Так сложилась еврейско-хазарская химера.

Для евреев-рахдонитов было, вероятно, досадно лишь то, что попытка Булана добиться гегемонии в политической жизни Хазарии разбилась об арабское мужество и военная власть осталась в руках тюрко-хазарской знати, ладить с которой было не всегда легко.

Образование химеры заняло вторую половину VIII в. За это время хазары перенесли военные действия против арабов в Закавказье и в отместку за разрушение Семендера и Беленджера опустошили Азербайджан. Об участии в этих операциях евреев, как старых – соратников Булана, так и новых – рахдонитов, сведений нет.

²²³ См.: Шенников А. А. Червлёный яр. Л., 1987.

²²⁴ См.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 371.

²²⁵ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 220.

²²⁶ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 389.

²²⁷ См. там же. С. 397.

²²⁸ Несколько иначе интерпретирует этот период В. Т. Пашуто (Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 91); однако ср.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 415, где содержится мнение о завоевании славянского города Киева русами Аскольда (Хаскульд скандинавских sag).

29. Неполюценные

Не преуспев в военном деле, хазарские евреи налверстали потери любовью. В конце VIII в. между Тереком и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту и взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры, следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчет не принималось.

У евреев этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно, евреем определялось происхождением от еврейки. Во II в. до н. э. это право дало возможность включить в состав евреев семитские племена идумеев и галилеян (см. § 20), но в Средние века оно вело к изоляции еврейских этносов, особенно в странах Европы и Евразии, где браки с еврейками возбранялись христианской и мусульманской религиями. В Хазарии таких ограничений не было.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Его учили еврейские раввины, члены общины помогали делать карьеру или участвовать в торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными еврейскими законами. Этим беднякам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии – в Крыму – и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона отцы. Их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы.²²⁹ Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным братьям, делавшим в богатом Итиле «карьеру и фортуна».

У рахдонитов и хазарских караимов различной была не только практика повседневной жизни, но и теология. Учение Торы, т. е. Ветхого Завета, хотя и не предназначено к распространению среди иноверцев, но и не засекречено. Оно входит как составная часть в христианское и мусульманское богословие, и потому его носители имели право выступать на диспутах и отстаивать свою концепцию, не греша против закона.

Не таков талмудический иудаизм, созданный во II в. евреями, преображенными пассионарным толчком. Сам Талмуд является предметом изучения только для раввинов и теологов, а прочие евреи учат конспект – Шулхан Арух, собрание узаконений обыденной жизни и права, гражданского и уголовного.²³⁰

Разница между евреями – потомками маздакитов и их гостями-талмудистами очевидна. Первые заселили пустую степь, жили за счет ландшафта и находились со своими соседями-хазарами в симбиозе. Иначе говоря, они превратились в евразийский этнос, впоследствии ставший реликтом. Как таковой он дожил до XX в. И никого не смущали конфессиональные особенности караимов, ибо это было их личное дело.

²²⁹ См.: Алексеев В. П. В поисках предков. М., 1972. С. 184–285; ср. поправку интерпретации: Гумилев Л. Н. Об антропологии для неантропологов // Природа. 1973. № 1. С. 112.

²³⁰ Schulchan Aruch, odervierjudischen Gedetzbücher, übersetzt von Heinrich Georg F. Lowe. Hamburg, 1837–1841.

Но коль скоро так, караимы выпали из еврейского суперэтнуса. Они были отвергнуты своими бывшими единоверцами и соплеменниками. На свою беду, ни Булан, ни его последователи этого даже вообразить не могли. Некоторое время они искренне считали, что оказывают помощь родственникам, причем приезжающие из Византии евреи поддерживали в них такое убеждение и не открывали истину. Когда же стало ясно, что к чему, было поздно что-либо предпринимать, и события потекли по руслу закономерности, возникшему вследствие банальной ошибки: смешения этнических процессов с культурно-социальными. За эту ошибку всегда приходится дорого платить.

Сродство еврейских сподвижников Маздака VI в. с караимами VIII в. нельзя понимать как идейную преемственность. Правильнее здесь видеть психологическую близость, но и этого достаточно. Уцелевшие от разгрома 690 г. главы еврейских академий Суры и Пумбадиты сумели найти общую платформу с арабскими халифами, а их противники примкнули к шиитам. Во время восстания Абу-Муслима в 748 г. еврейский портной из Исфахана Абу-Иса возглавил более 10 тыс. евреев, восставших против догматов Талмуда. Абу-Иса объявил себя предвозвестником мессии и признал «настоящими пророками» Иисуса Христа и Мухаммеда. Восстание было подавлено в 755 г., но движение получило нового вождя – Анана бен-Давида, проповедь коего началась в 767 г. и продолжалась до конца VIII в.

Это время было эпохой народных восстаний с религиозными лозунгами. В 755 г. поднялись персы во главе с Сумбадом Магом; в 767 г. восстали жители Хорасана; в 778–779 гг. в Гургане было поднято красное знамя хариджитов, а в 776–783 гг. в Мавераннахре потрясли арабскую власть «одетые в белое». На этом грозном фоне развился и окреп караизм, видимо вызревавший два века как протест против смены веры.

И действительно, талмудизм и Каббала столь мало похожи на религию Авраама, Исаака и Иакова – почитание Элоим – и на учение Моисея – культ огненного духа Яхве, что строгое различие их необходимо для понимания изучаемых процессов. В книге «Зогар» (сияние) на место личного Бога Ветхого Завета поставлено Энсоф – Бесконечное, лишённое атрибутов и связи с миром, которая, однако, осуществляется через десять сефирот – творящих сил бога.²³¹ Это учение дальше от доктрины Ветхого Завета, чем христианство и ислам. Караимы это поняли и отказались от талмудизма, что примирило их с христианством и исламом, но принесло много горя.

В XX в. ученые отказались от классической точки зрения на образование караизма в результате проповеди Анана бен-Давида в VIII в., считая ее «наивной».²³² Что ж, в теологическом плане они, наверно, правы, так как элементы взглядов древних ессеев, авторов кумранских текстов, прослеживаются в караизме достаточно четко. Но нас интересует другое: почему древние и, хуже того, устарелые взгляды обрели новую жизнь именно в VIII в.? Иными словами, в чем кроется природная причинность отмеченной флуктуации?

Вспомним, что ессеи принимали участие в двух иудейских войнах – 67–70 и 132–135 гг. – и понесли огромные потери пассивными воинами, павшими в боях, и женщинами-геноносительницами, проданными в рабство. Уцелели только те, которые скрылись в Парфии и положили начало гностическому направлению иудаизма, и те, которые бежали в Аравию и осели в оазисе Ятрибе. Этих последних победил Мухаммед и принудил их покинуть Аравию. Однако отметим, что эти евреи находились в зоне пассивного толчка, того же самого, который вызвал к жизни сначала исламскую консорцию (общину), а потом арабомусульманский этнос. Видимо, этот толчок должен был задеть и арабских евреев, и он их задел, но понесенное поражение вынудило их покинуть страну и из-за этого отстать в процессе этногенеза.

²³¹ Герц Г. История евреев. Т. 8. Одесса, 1907. С. 62.

²³² Naphtali Wieder. The Judean Scrolls and Karaism. London, 1962, Revue de l'histoire de religions. Т. 168. № 451. Р. 62–74.

Но когда давление арабов ослабло, пассионарные евреи сказали свое слово, а вернее, повторили то, которое было уже сказано и забыто, ибо пассионариям лозунг ценен лишь постольку, поскольку он дает повод к действию и указывает цель – «кого бить».

В данной ситуации «бить» мусульман или христиан не имело смысла ни по теологической доктрине, предлагавшей синтез мировых религий, ни по реальной расстановке сил, ибо из Анана бен-Давида второго Мухаммеда не получилось. Не стоило ссориться с язычниками-хазарами, потому что Булан попытался сделать из Хазарии вторую Галилею, но не имел успеха. Подлинным противником нового учения оказался уже сложившийся талмудический иудаизм. Как протекала ожесточенная борьба внутри еврейских общин на Ближнем Востоке, можно только догадываться по тональности фрагментов текстов, опубликованных в цитированной книге П. К. Коковцова. Ясно лишь одно – евреи победили караимов и в мусульманском, и в католическом мире, а караимы уцелели только в византийских владениях в Крыму как осколок общины хазаро-еврейских метисов. Что же касается самой Хазарии, то этот вопрос столь сложный, что ему будет посвящено дальнейшее повествование.

Для начала отметим, что Булан, даже превратившись в Сабриэля, не мог претендовать на почетный титул «князя изгнания», который евреи диаспоры сохранили как воспоминание о своем разрушенном царстве. Иудейская государственная традиция включала монархию, которой в рассеянии не могло быть. Поэтому, до тех пор пока евреи не имели подчиненной им территории, их глава носил титул «князь». Но бедный Булан и его племя были отверженцами Израиля, потомками евреев-маздакитов. И даже если они сами это за 300 лет забыли, то ученые евреи все хорошо помнили. Поэтому на должность «князя изгнания» был выдвинут другой человек, добывший этот титул и оставивший его потомкам.

30. И грянул гром...

В то десятилетие, когда патриций Никифор вззошел на престол в Константинополе (31.X.802), а халиф Харун ар-Рашид казнил своих лучших помощников и верных друзей – Бармекидов (27.I.803), в Хазарском каганате некий влиятельный иудей Обадиа взял власть в свои руки, превратил хана из династии Ашина (по отцу) в марионетку и сделал раввинистский иудаизм государственной религией Хазарии.

Обстоятельства, при которых произошел этот не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрыты множеством легенд,²³³ которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью – утаить от народа и истории истинное положение дел. Неизвестно даже, кем был Обадиа. Видимо, он не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратников Маздака, безграмотных и храбрых воинов – караимов вроде Булана. Об Обадии сказано: «Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся бога и любил закон и заповеди».²³⁴ Уже из этого одного видно, что Обадиа не был ни караимом, ни хазарином.²³⁵

Нет, эта характеристика показывает, что Обадиа был человек интеллигентный и имевший связи в еврейской диаспоре. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского «серебра и золота», чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль. А если сопо-

²³³ Критический разбор версий «обращения» хазар см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 268–273.

²³⁴ Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932. С. 80, 97.

²³⁵ Предположение М. И. Артамонова о принадлежности Обадии к хазарской знати иудейского исповедания находится в противоречии со всеми фактами, приведенными самим же М. И. Артамоновым (см.: История хазар. С. 280 и след.).

ставить с этим фактом общеизвестное обстоятельство, что для политического переворота нужны деньги и организация, то видно, с какими кругами был связан Обадиа. От смены власти выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив при этом легитимный принцип. Законный хан из рода Ашина стал иудеем, т. е. принял веру своей матери и был принят в общину. Все государственные должности были распределены между евреями, причем сам Обадиа принял титул «пех» (бек), переведенное на арабский язык как «малик», т. е. царь. Это значит, что он возглавил правительство при номинальном хане (кагане), находившемся с этого времени под стражей и выпускаемом напоказ народу раз в год. А для народа хазарского значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества),²³⁶ он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня (около 960 г. – Л.Г.) не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань – цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)». ²³⁷ Да, дело было выгодное.

А теперь отвлечемся на минуту от описания хода истории, чтобы попытаться понять ее смысл. Переворот Обадии – явление отнюдь не заурядное, более того – исключительное. Оно не укладывается в обычную закономерность этногенеза, ни тюрко-хазарского, ни еврейского. Тюрко-хазары находились в конце инерционной фазы хунно-сяньбийского степного суперэтнуса, вобравшего в себя угров, хионитов, динлинов, куманов и выработавшего определенный стереотип поведения и мировоззрение, т. е. культуру. Евреи были моложе. Они только что миновали фазу надлома и раскола этнического «поля». Будучи ровесниками византийцев и славяно-русов, евреи отличались от них тем, что освоили не природный, а антропогенный ландшафт – города от Чанъани до Тулузы и караванные пути. Неизбежная взаимосвязь ландшафта с этносом чуть-чуть деформировалась, и этого оказалось достаточно, чтобы этническая система превратилась в жесткую, точнее – полужесткую. Это означало, что этнос превратился в общественный слой, без чего были бы немыслимы и переворот Обадии, и последующее процветание Иудео-Хазарии.

Однако жесткие системы автоматически исключаются из природного саморазвития. Их активность растет за счет постоянных встреч с окружением, и она даже больше, чем у природных этносов, но «возраста» такие системы не имеют. Поэтому появление их среди природных (натуральных) этногенезов деформирует или, точнее, искажает обычный ход этногенезов региона, т. е. создает «зигзаги», не предусмотренные ни природой, ни наукой. Но это делает проблему заслуживающей особого внимания.

Не следует полагать, что созидание химер – явление исключительное и что евреи здесь сыграли уникальную роль. Нет, аналогичные последствия возникают всюду, где возникают неорганичные контакты на суперэтническом уровне. Так, в III в. до н. э. потомки диадохов и эпигонов осели в городах Бактрии и Сирии, а наследники героев Турана – парфяне – стали господствующим классом в растерзанном Иране.

И македонские династы – Птолемеи и Селевкиды, и парфянские шахи – Аршакиды – в течение трех веков оставались для своих подданных чужаками. Антипатия к македонянам затем распространилась на римлян. Поэтому до пассионарного взрыва I–II вв. население Сирии и Египта было этнической химерой. Можно было бы привести еще несколько столь же ярких примеров, но некогда... Нам надо вернуться на Нижнюю Волгу.

²³⁶ Философская интерпретация термина восходит к Филону Александрийскому. В Талмуде Шехина отождествляется с божеством. Одета в темные одежды, она бродит по земле, оплакивая Иерусалимский храм и горе своих детей, рассеянных среди народов. Иосиф имел в виду скорее мифологическое, нежели философское значение слова «Шехина».

²³⁷ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 80, 97.

VI. Рождение химеры (809–838)

31. Власть

Иудейская община в Итиле не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Ашина. Тюрки сохранили обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а сыновья их, оставаясь тюркскими царевичами, становились членами иудейской общины. Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест. Так постепенно произошло разделение хазарской знати и народа, тихо жившего в роскошном оазисе дельты Волги, не принимая участия в делах государства, которые перестали его касаться. Но оставалась старая племенная аристократия; с ней дело обстояло сложнее. Решение проблемы пришло только в IX в.

Можно было бы отметить, что для персистентного этноса хазар тюркские беки и тарханы были столь же чужды, как и иудейские купцы. Действительно, хазары получили от династии Ашина только одно благо – защиту от внешних врагов и безопасность, а это быстро забывается, так как становится привычным. Поэтому социальный момент – нелюбовь народа к аристократии, даже не своей, а пришлой, – имел место в хазарском обществе. Евреи же были вне этого антагонизма, потому что они жили замкнутыми колониями и с местными жителями общались мало.

Однако характер тюрко-хазарских и иудео-хазарских взаимоотношений был диаметрально противоположен. Тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи же, наоборот, извлекали из хазарского этноса детей либо как полноценных евреев (мать – еврейка), либо как бастардов (отец – еврей), чем обедняли хазарскую этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре. Иностранцам, писавшим о Хазарии по внешним беглым впечатлениям, казалось, что эти люди – хазары иудейского вероисповедания, но ни евреи, ни настоящие хазары не заблуждались ни на минуту.²³⁸ Если в отношении хазар доказательств не требуется, то средневековые евреи зафиксировали, что считают своих хазарских единоверцев потомками колена Симона и полуколена Манасиева, обитающими «в стране Козраим, вдалеке от Иерусалима... Они бесчисленны, и забирают они дань от 25 государств, и со стороны исмаилитян платят им дань по причине внушаемого ими страха и храбрости их».²³⁹

Приведенный текст характеризует ситуацию не VIII в., а IX–X вв., причем весьма точно. В первом десятилетии IX в.²⁴⁰ произошли события, в результате которых сочетание двух суперэтносов преобразило зону этнического контакта в хищную и беспощадную этническую химеру.

²³⁸ А. Кёстлер приводит свидетельство караимского автора XI в. Яфета ибн-Али, который называет хазар иудейской веры бастардами (мамцер), показывая тем самым, каким путем эта вера распространялась в Хазарии (Koestler A. Op. cit. P. 80). При наличии естественного хода метисации нет нужды искать мотивы политического характера. Бастарды возникают не по инструкциям правительства.

²³⁹ Берлин И. Указ. соч. С. 84.

²⁴⁰ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 280.

32. Расправа

Обращать в иудаизм население Хазарии никто и не собирался. Иудейские мудрецы хранили завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями.

Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев – нанятые за деньги печенеги. Сведения об этой войне между народом и правительством содержатся у Константина Багрянородного: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (здесь – венграми. – Л.Г.) в (нынешней) печенежской земле (в низовьях Днепра. – Л.Г.), заключили взаимную дружбу и получили название кабаров».²⁴¹

Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти» (из трактата «Санхедрин», без указания листа и колонки).

Для раннего Средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями, часто военной службой во вспомогательных частях. Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежавших противнику. Обадия возродил забытую древность.

После этой войны, начало и конец которой не поддаются точной датировке, Хазария изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии. Называть сложившуюся ситуацию феодализмом нет оснований. Да и может ли этносоциальная химера принадлежать к какой-либо формации? А то, что Обадия выступал как представитель хазарского правительства, отнюдь не говорит о том, что его волновала судьба народа и государства. Просто он использовал право на дезинформацию, что, впрочем, предписывалось его религией, по отношению к которой он был честен.

Иудеям, видимо, весьма помог принцип легитимизма. Их власть названа «первой», а следовательно, она считалась законной, как в случае с Маздаком. Так или иначе в 20-х годах IX в. новый порядок в Хазарии одержал полную победу, с небольшими утратами территорий, подчинявшихся языческим каганам.

Крымская Готия – православная страна – отпала от Хазарии и присоединилась к Византии. Сильно пострадали хазарские мусульмане, которым не мог подать помощи багдадский халиф, так как его силы были скованы восстанием Бабека, т. е. хуррамитов, последних маздакитов. Хазарские иудеи покинули своих бывших союзников в беде, но благодаря этому установили дипломатический контакт с Багдадским халифатом, чем обеспечили себе сверхвыгодную торговлю на берегах Каспийского моря.

Решающее слово в этой беспощадной войне должно было сказать собственно хазарское население долин Терека, Дона и Волжской дельты, но оно промолчало. Инертность персистентного этноса обрекла на гибель его беков, тарханов и эльтеберов и на поражение

²⁴¹ Цит. по: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 324, так как здесь приведен сравнительный анализ смысловых оттенков трех параллельных переводов.

ние его союзников – мадьяр, бежавших за Днепр, в страну Леведию.²⁴² Там, по соседству с другим каганатом, языческим и могучим, беглецы обрели некоторую безопасность. Зато иудеи построили в 834 г. крепость Саркел для защиты от западных врагов, которыми были не только степные мадьяры, но и Русский каганат в Киеве.²⁴³ Гарнизон крепости состоял из печенегов или, может быть, гузов.²⁴⁴

Пассивность хазар спасла их от жестоких экзекуций, но больно отозвалась на судьбе их детей и внуков. В VIII в. ханы Ашина руководствовались в политике, внешней и внутренней, интересами своих подданных. Еврейские цари таких целей себе не ставили. Они подавляли внутренних врагов иудаизма, а не Хазарию. Ликвидировав церковную организацию хазарских христиан, они запретили ее восстанавливать. В 854 г. хазары-мусульмане были вынуждены эмигрировать в Закавказье.²⁴⁵

Увеличение числа подданных, плательщиков дани, было в интересах нового правительства. Поэтому во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр. Славянские племена – северяне, вятичи и радимичи – стали хазарскими данниками; тиверцы и уличи, обитавшие в низовьях Буга и Днестра до устьев Дуная, видимо, были союзниками хазарского царя в непрекращавшейся войне с мадьярами; это видно из того, что, по летописи, Олег без боя подчинил себе северян и радимичей в 884–885 гг., а «с уличами и тиверцами воевал». А коль скоро так, то естественными союзниками уличей были хазары как враги киевского князя. Но поляне вопреки прямому показанию летописца в IX в. дани хазарскому царю не платили.²⁴⁶ В Киеве сидели русские каганы Дир и Аскольд, прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги.²⁴⁷ В этом случае, как и в большинстве других случаев, данные исторического анализа предпочтительнее сведений из аутентичного источника.

33. Химера на Волге

Если Хазарию VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX–X вв. она превратилась в химеру социально-политическую. Христиане не принимали участия в гражданской войне, избегли расправы и продолжали пользоваться покровительством заморских единоверцев. Но язычникам-аборигенам не на кого было надеяться. Они, правда, умели ходить в походы под чужими знаменами, но новым правителям их помощь была не нужна.

Боевую силу хазарские иудеи нанимали. Сначала они использовали печенегов против мадьяр, но во второй половине IX в. поссорились с ними и заключили союз с гузами. Около 889 г. гузы потеснили печенегов, и те передвинулись на берега Днепра, где продолжили войну с мадьярами, не забывая хазар. В 915 г. печенеги впервые появились на границе Руси, но об этом речь впереди. Гузы тоже недолго оставались в дружбе с хазарскими иудеями, и тем пришлось искать очередной источник военной силы. Он нашелся на юго-восточном берегу Каспия. Тамашние мусульмане охотно нанимались на службу в Хазарию, оговорив только, что их не пошлют воевать против мусульман. Постоянный корпус наемной гвардии в Итиле в X в. состоял из 7 тыс. воинов.²⁴⁸ Этого было довольно для удержания в покорности и окраин каганата, и собственного народа, и даже для внешних войн малого масштаба. Завоевательных войн в Закавказье иудейская Хазария в IX в. не вела, но, несмотря на это,

²⁴² См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 341.

²⁴³ См.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани // Русская литература. 1974. № 3. С. 166.

²⁴⁴ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 328.

²⁴⁵ См. там же. С. 329.

²⁴⁶ См.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. С. 168.

²⁴⁷ См.: Брайчевский М. Ю. Похождения Руси. С. 172 (приведена сноска на Длугоша).

²⁴⁸ Масуди; цит. по: Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. М., 1963. С. 194.

описанная здесь система управления стоила дорого, куда дороже, чем тюркская. И за все приходилось платить самим хазарам, превратившимся в собственной стране в покоренных бесправных подданных правительства, чуждого им этнически, чуждого по религии и задачам.

Можно было бы возразить, что бюджет Хазарского каганата неизвестен. Так-то оно так, но известен бюджет Багдадского халифата, где в 869 г. на годовое жалованье и рационы 70 тыс. наемных тюрок и берберов.²⁴⁹ шло 2 млн золотых динариев, что равнялось двухлетней сумме хараджа²⁵⁰ Таковы были цены на воинов в IX в., а Хазария была меньше и беднее халифата.

Платя воинам большое жалованье, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, т. е. бегство от противника, каралось смертью. Исключение делалось только для предводителя и его заместителя, которые были не наемники, а иудеи. Но зато подлежали конфискации их имущество, жены и дети, которых у них на глазах царь раздаривал своим приближенным. Если же у них не было смягчающих обстоятельств, то их тоже казнили.²⁵¹

Очевидно, что воины, особенно рядовые, далеко не всегда могут быть виноваты в неудаче операции. Поэтому лишать их возможности доказать свою невиновность – несправедливо. Но если подойти к делу по-иному, то появится жесткая логика: воины не свои, им платят, и за эти деньги они предоставляют хозяевам свою жизнь; следовательно, хозяин может распорядиться запроданной жизнью как купленной вещью, а поскольку предложение превышало спрос, то практичнее было использовать «покупку» до предела, с максимальной выгодой для себя. Значит, мусульманские наемники рассматривались не как люди, точнее – не как личности, а только как капиталовложение, которое должно было принести прибыль. С точки зрения евразийских кочевников, славян, византийцев, арабов и даже германцев, такое отношение было недопустимо даже к боевым лошадям и охотничьим собакам. Тем не менее охотники заработать находились, и иногда «хазарская» армия увеличивалась до 12 тыс. всадников. Ясно, что средства на оплату воинов правительство Хазарии получало не с рахдонитов, ехавших из Китая в Испанию и из Ирана в Великую Пермь. При увеличении пошлин купцы сменили бы маршруты караванов. Следовательно, расходы покрывались данью с «Эдома и исмаильтян», т. е. хазары оплачивали свое закабаление сами. Именно потому, что транзитная торговля была смыслом жизни для еврейской общины в Хазарии, а в соответствии с этим принципом мусульманские купцы и сопровождавшие их географы встречали в Итиле исключительно вежливое обращение, возникло одностороннее суждение, сформулированное в юношеской работе В. В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в Средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру все стекались в нее отовсюду. Как яркий метеор блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования».²⁵²

В самом деле, город Итиль поражал путешественников своими размерами. Расположенный на обоих берегах Ахтубы, Итиль раскинулся на 8–10 км вдоль левого берега и на

²⁴⁹ Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 213.

²⁵⁰ Там же. С. 216; харадж – государственный налог.

²⁵¹ См.: Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956. С. 147.

²⁵² Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров // Россия и Азия. СПб., 1876. С. 66.

прекрасном зеленом острове в пойме, где помещался дворец царя. Иудейское население города исчислялось в 4 тыс. мужей, а кроме того, там были хазары, исповедовавшие иудаизм, очевидно дети от смешанных браков. Прочие хазары были христианами, мусульманами или исповедовали веру отцов.²⁵³

Синагоги, мечети, церкви, огромные базары, полные дешевой баранины, разнообразной рыбы, прекрасных арбузов, детей обоих полов, продаваемых в рабство, корабли, спускающиеся по Волге, и караваны, подходящие к городу с востока и запада, – все это производило сильное впечатление на очевидцев, а их описания умиляли историков XIX в.

И тем не менее Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают: «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея»,²⁵⁴ но для народа такая торговля приносила мало дохода из-за поразительной дешевизны рыбы. Тяжелый труд хазарских рыбаков оплачивался минимально.

Веротерпимость Хазарского каганата была вынужденной, ибо обеспечивала доходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежных иудейских общин, хазарский царь (не каган) отвечал репрессиями. В 922–923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж.²⁵⁵ За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов, заявив: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».²⁵⁶

Но мусульманские купцы покупали у него рабов – печенежских и славянских юношей, платили ему пошлины, переплачивали за продукты на базаре и служили посредниками при найме свирепых и хорошо обученных всадников и стрелков. Мир с ними был доходнее войны, даже победоносной.

34. Скепсис

Среди восторженных отзывов современников о хазарских порядках есть и охлаждающие пыл восторга. Хазары в апреле выезжали на свои поля и бахчи, а осенью привозили урожай в Итиль для уплаты налогов на содержание кагана, а следовательно, и его приближенных. Для них же ловили в Волге красную рыбу «вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы». Перед начальниками хазары были обязаны падать ниц, а самое печальное, что дети хазар-идолопоклонников продавались на невольничьих базарах в странах ислама, причем ни иудеи, ни христиане не продавали в рабство своих единоверцев.²⁵⁷ Видимо, местное население Хазарии, лишенное даже той организации, которую дает конфессиональная община, было полностью незащитно перед грозными сборщиками налогов, чужими по крови и религии.

Вот откуда добывались средства для оплаты хорезмийских и гурганских воинов, державших в подчинении тех, кто их кормил. А жили они в гостеприимном Итиле вместе с женами и детьми.²⁵⁸

Кроме мусульманской гвардии, номинально охранявшей кагана, царь-иудей имел 4 тыс. мужей²⁵⁹ в своей свите. У тех были тоже жены и дети, которые рыбу не ловили и на полях, раскаленных летним солнцем, не работали.

²⁵³ См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод... С. 140–143.

²⁵⁴ Там же. С. 141.

²⁵⁵ Место этого города не установлено. См. там же. С. 161.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ См.: Заходер Б. Н. Каспийский свод... С. 148.

²⁵⁸ См. там же. С. 156.

²⁵⁹ См. там же. С. 164.

Б. Н. Заходер считает, что «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке».²⁶⁰ К тому же мусульманские крестьяне частыми возмущениями умеряли произвол чиновников, а в Хазарии не было ни одного мятежа! И отнюдь не потому, что хазары были так счастливы.

Хазар нельзя винить, так как их положение было не только тяжелым, но и безнадежным. Любое восстание их против правительства, располагавшего регулярной армией, было обречено. В протоках и зарослях дельты легко было прятаться от чужих, но не от своих, знающих расположение деревень и рыбных угодий. Потенциальные вожди хазар либо погибли в войне с Обадией, либо бежали к венграм. Как памятник безжалостной расправы правительства с собственными подданными стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона, у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению первооткрывателя, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии.²⁶¹ Репрессии итильского правительства против мятежников были в первой половине IX в. столь радикальны, что соотношение сил пришедшего правительства и побежденного народа стало очевидным для тех и других.

Эта ситуация укрылась от поверхностных взоров арабских путешественников тем более легко, что дети от смешанных еврейско-хазарских браков и даже сами евреи в X в. стали называть себя хазарами. Потому-то арабские географы различали «черных» и «белых» хазар как два разных этноса, живущих совместно в одном государстве (см. выше). Поэтому-то и нужно ввести два термина: «иудео-хазары» и «тюрко-хазары». Забегая вперед, скажем, что в XI в. потомки тюрко-хазар (аборигенов) отказались от своего этнического имени.²⁶² Тогда этноним «хазар» сохранился за потомками евреев, но лишь до конца XI в., когда этнос исчез с исторической сцены. Но об этом речь пойдет ниже.

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар – христиан и мусульман не осталось ничего. Это странно!

35. А где же искусство?

В самом деле, почему ничего не осталось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров,²⁶³ тюркские?²⁶⁴ и половецкие²⁶⁵ «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея и даже от древних угров сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников.²⁶⁶ Хазарские сосуды лишены орнамента,²⁶⁷ обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно,²⁶⁸ а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX–X вв. не было, да и быть не могло, хотя хазары по способ-

²⁶⁰ Там же. С. 144.

²⁶¹ См.: Плетнева С. А. Хазары. М., 1976. С. 63.

²⁶² См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. С. 176–178.

²⁶³ См.: Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.; Л., 1962.

²⁶⁴ См.: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.; Л., 1966.

²⁶⁵ См.: Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976.

²⁶⁶ Ваза из Сентмиклошского клада. Музей истории искусства. Вена.

²⁶⁷ См.: Гумилев Л. Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги // Сообщения Государственного Эрмитажа. XXVI. Л., 1965. С. 49–51.

²⁶⁸ См.: Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища // Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976. С. 12–13.

ностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых» (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, и интересоваться сложными проблемами абстракционизма в описанном выше положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искусство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшения требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где тех присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах.²⁶⁹ А те хазары, которые приняли христианство или ислам, были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрона Каматир, строя в 834 г. крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М. И. Артамонов в 1935 г.

Но ведь тогда должны были строиться синагоги, хотя бы в крупных поселениях. Да, конечно! Почему они не сохранились, читатель поймет, когда перевернет еще несколько страниц.

36. Двоевластие

Итак, примененная нами методика широкого территориального охвата оправдала себя. Пока исследовали только сам предмет – Хазарию, можно было строить любые гипотезы, чтобы объяснить отсутствие памятников. Но когда в синхроничном обозрении обозначились границы «белого пятна», то резонно отпали предположения о дикости хазар и об их процветании, хотя последний вывод сделал на основании многих восточных источников блестящий востоковед В. В. Григорьев.

В. В. Григорьев работал на уровне своего времени: он изучал источники, т. е. слова, а не деяния, имеющие свою внутреннюю логику становления. Поэтому ему даже в голову не пришло, что у самих хазар могут быть суждения более обстоятельные, нежели те, которые могли сообщить арабы и персы при крайне поверхностном наблюдении Хазарии. Правда,

²⁶⁹ «Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша (царь), так и военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религиею турок (мадьяр. – Л.Г.)». Хвольсон Д. А. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен-Омар Ибн-Даста (Ибн-Руста. – Л.Г.). СПб., 1869. С. 17.

хазарские мнения не сохранились в письменных источниках, потому что хазары не умели писать. Однако своим поведением они ясно показали свое отношение к пресловутому «двоевластию», но для того, чтобы это понять, надо исследовать не источники, а историю событий.

Установленный факт «двоевластия», воспринятый буквально, породил две диаметрально противоположные интерпретации, равно неприемлемые при детальном изучении истории.

Б. А. Рыбаков называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством паразитарного характера», жившим за счет транзитной торговли, «хищнически пользуясь выгодами своего положения». Он помещает Хазарию в центр калмыцкой степи и указывает, что там нет «археологических следов хазарских городов».²⁷⁰ В степи их действительно нет. Короче говоря, Б. А. Рыбаков рассматривает хазар как одно из степных племен и отказывает им в праве на участие в мировой культуре Средневековья.

Вторая концепция, наоборот, приписывает блеск Хазарии своему современному приобщению хазар к иудаизму.²⁷¹ Обе концепции неверны, ибо, подразумевая хазарский народ – этнос, имеют в виду государство – социум. В государстве, именовавшемся Хазарским каганатом, в IX–X вв. хазары составляли наиболее угнетенное меньшинство. Сравнительно с хазарами аланы, бургасы, савиры и гузы были почти свободными племенами, хорезмийские наемники – привилегированной прослойкой, а члены иудейской общины – господствующим классом, хотя среди последних было немало бедняков.

И самое главное, для мусульман «своими» были арабы, для христиан – греки, для иудеев – евреи всех больших городов – от Кантона до Гренады и от Багдада до Лиона и Майнца, а у хазар – никого. За них никто не считал нужным заступаться, и они чувствовали себя относительно спокойно только на буграх и в тростниковых зарослях дельты.

Итиль был действительно роскошным городом. Хотя его дворцы были сделаны из дерева, войлока и глины, но наполнены шелком и соболями, вином, бараниной и осетриной, красивыми танцовщицами и услужливыми отроками. Но это все было не для хазар, а для торгующих рахдонитов, отдохавших на Волге после долгого пути по пустыне, из Китая, или через горы, из Прованса. А то, что бессильный и безвластный каган был дальним родственником ханов Ашина, некогда женившихся на еврейских красавицах, это не имело никакого значения, ибо государством правил «пех» или, точнее, малик. Он и его советники были родовитыми иудеями, хозяевами многоэтничного государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой рассеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос.

«Двоевластие» в Хазарии было грандиозным обманом народа, которому раз в год показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того чтобы остальное время глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили... а выхода не было.

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, что немногочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора столетия господствовала в международной торговле и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

²⁷⁰ Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси // Советская археология. Т. XVIII. 1953. С. 131; Он же. Русь и Хазария (к исторической географии Хазарии) // Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия: Сб. статей. М., 1952.

²⁷¹ Koestler A. Op. cit.

«Враги наших врагов – наши друзья», – гласит старинная пословица. Даже если они нас не любят и ничего от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам. В IX–XI вв. непримиримыми по отношению к христианству, исламу и хиньяническому буддизму были сторонники учения пророка и философа Мани, создателя наиболее последовательной концепции антисистемы. Однако иудеи сами были противниками любого антисистемного учения. Они любили в этом мире себя, свои дела и свое потомство. Ради торжества своего этноса они применяли тайну, оружие, заимствованное у их злейших врагов – эллинских гностиков, и ложь, но только по отношению к гоям и акумам. То, что манихейство разъедает любую позитивную этническую систему, иудеи знали. Поэтому они предпочитали видеть манихеев у своих соседей, но ни в коем случае не допускать их к себе. И поскольку рахдониты, как метастазы, проникали во все цивилизованные страны, им это удавалось, хотя и не всегда. Поэтому окинем хотя бы беглым взглядом мир, окружавший несчастную Хазарию.

VII. Разрастание химеры (839–898)

37. Четыре каганата

В конце VIII в. инициатива Истории выпала из рук арабских халифов, но перехватили ее не византийские или германские императоры, а новые этносы, о которых раньше никто не слышал. В начале IX в. на берегах Северного моря появились страшные разбойники из Скандинавии – викинги. Внутри Западной Европы начали выделяться новые народы, а в Астурии произошла первая, неудачная, попытка Реконкисты – обратного завоевания Пиренейского полуострова. Если соединить эти области с синхронным появлением возникшей активности воображаемой линией (практически полосой), то мы получим ось нового пассионарного толчка, полностью проявившегося в течение IX в.

Состояние Восточной Европы в это время характеризовалось Людовиком Немецким в письме к Василию Македонянину (871 г.) как сосуществование четырех каганатов:²⁷² Аварского,²⁷³ Норманнского²⁷⁴ (т. е. Русского), Хазарского и Болгарского (на Дунае, ибо камского Великого Булгара Людовик не знал). Эти каганаты, как и три империи (включая халифат), были наследием минувших пассионарных толчков. Им предстояло выдержать ударную волну новой вспышки этногенеза. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о главной трагедии начавшейся эпохи, посмотрим, кто были ее участники, и взвесим их возможности и стремления.

Значение Аварского каганата, ограбленного франками и стесненного славянами, было минимально. Но все-таки это был барьер, сдерживавший агрессию немецких феодалов на рубеже Среднего Дуная.

Несколько лучше было положение Болгарского каганата, потому что первые болгарские ханы, Аспарух и Крум, не обострили отношений со своими славянскими подданными, а, наоборот, объединились с ними против греков. Постепенно болгары вовлеклись в европейскую политику, то поддерживая моравских славян против немцев в 863 г., то посылая вспомогательные войска Людовику Немецкому против мятежных феодалов. Болгарскому князю Борису мешала лишь его языческая религия, и он сменил ее на православную в 864 г. Это сделало Болгарию противником папства и немецкого королевства, но и союз с Византийской империей был нарушен уже в 894 г.

Болгарское правительство пыталось восстановить контакт с Римом, но его славянские подданные чуждались немцев больше, чем греков. Однако с греками шла война, победоносная, но крайне изнурительная, без ощутимых результатов для Болгарии.

Сложилась ситуация, крайне осложнившая международное положение Болгарии, ибо она лишила ее искренних союзников. Болгария выпала из евразийского суперэтноса и не

²⁷² Каган (Qaγan – тюрк.) – суверенный государь. Буквально: «великий» на сиу-дакотском языке (wakan). См.: Каримуллин А. Г. К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими // Вопросы географии США. Л., 1976. С. 116; Гумилев Л. Н. Дакоты и хунны // Там же. С. 123–125.

²⁷³ Людовик имел в виду остатки этноса подлинных аваров (обров), уцелевшие после поражения, нанесенного им франками в 795 г. Эти авары продолжали жить в Паннонии под властью собственного кагана еще в середине IX в. (см.: Вебер Г. Всеобщая история. Т. V. С. 432).

²⁷⁴ Немецкие хронисты X в. отождествляли русов с ругами (см. § 27). Б. Ч. Скржинская полагает, что руги вышли из Скандзы раньше готов (см.: Иордан. С. 192, 254). Во II в. руги жили у Балтийского моря, где оставили след в названии острова Руги (Рюген). Их причисляли к германской группе, т. е. к оседлым этносам, а не к сарматской – кочевникам. Были ли руги германоязычны – сказать трудно, но даже если так, то это был архаический, прагерманский слой, восходящий к индоевропейской общности. Но то, что они не славяне, это несомненно.

включилась в византийский. Ей оставалось уповать на собственные силы и воевать не только на южной, но и на северной границе, где господствовала хазарская дипломатия.

Большие неприятности причинили болгарам мадьяры, отступившие в 822–826 гг. от хазар и нанятых теми печенегов в низовьях Днепра.

Однако печенеги и хазары жили в мире очень недолго. Персидские географы Ибн-Русте, Гардизи и анонимный автор сочинения «Худуд ал-Алам» сообщают, что хазары каждый год совершают походы в страну печенегов для поимки рабов и продажи их в страны ислама.²⁷⁵ Около 889 г. хазары в союзе с гузами победили печенегов,²⁷⁶ и те, отступая на запад, оказались на берегах Черного моря, где вынуждены были вступить в смертельную войну с мадьярами.

Около 893 г. хазарское правительство заключило союз с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Хазарский царь послал морем в Византию войско для войны с болгарями. Греко-хазарское войско было разбито болгарями, которые с особой жестокостью обошлись с хазарскими пленниками – им перед разменом отрезали носы.²⁷⁷ В ответ на это император Лев VI в 894 г. прислал флот, который перевез венгров Арпада и Курсана на правый берег Дуная, т. е. в Болгарию. Венгры разбили войска царя Симеона, дошли до Преславы, грабя и убивая, набрали много пленниц и продали их в Византию. Симеон просил мира, но затаил злобу, и в 897 г., когда мадьярские всадники были в походе, печенеги и болгары напали на страну Леведию и вырезали оставшихся дома венгерских мужчин, женщин, детей и стариков. Вернувшиеся из похода мадьярские мужи решили покинуть окровавленную землю и ушли в Паннонию, ставшую с 899 г. Венгрией. Там они сокрушили Моравское царство и набрали себе в жены юных славянок. Так сложился новый венгерский этнос, вобравший в себя остатки аваров. Весь X век побежденная и разграбленная печенегами и болгарями Венгрия шла от победы к победе, за исключением поражения на Лехе в 955 г., после которого независимость Венгрии тем не менее сохранилась. Но в победившей Болгарии положение было совсем иным.

Болгарский царь Симеон (893–927) умел одерживать блестящие победы, но не выигрывать войны. Роман Лекапин поднял против болгарского царя сербов и хорватов. Для славян Симеон был чужим – болгарским ханом, представителем кочевого мира, и они выступили против него. Но для печенегов Симеон был славянином, забывшим степной быт и культуру. Поскольку Византия наладила с печенегами обменную торговлю через Херсонес, они стали ее союзниками... и Болгария оказалась в изоляции.

Мадьяры на Тисе были врагами. Славянские племена тиверцев и уличей – в низовьях Днестра и Дуная – не были союзниками Болгарии. Победы были куплены слишком дорогой ценой: лучшие болгарские богатыри погибли в боях. А придунайские славяне... ну, те, конечно, стали мечтать о лучшей жизни, исправлении мира, тотальном уничтожении зла.

Пассионарные славяне инерционной фазы этногенеза хотели не грабить соседей, а думать и проповедовать свои мысли. Мечта о переустройстве мира всегда протест против действительности. В Средние века основой такого протеста были гностические учения. Так вот, еще в IV в. во многих монастырях Фракии и Македонии жили и учили евхиты, или мессалиане, – гностики. Их учение в сочетании с древнеславянским дуализмом породило богумильство – учение, прошедшее длинную эволюцию и испытавшее воздействия павликианства и манихейства. Богумильская трагедия началась в X в.²⁷⁸

²⁷⁵ См.: Артамонов М. И. История хазар. С. 354.

²⁷⁶ Константин Багрянородный. «О фемах» и «О народах» // Чтения в Обществе по изучению древних рукописей. М., 1899. С. 15; цит. по: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 349.

²⁷⁷ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 347.

²⁷⁸ Не в XI в., как иногда думают, так как еще по совету патриарха Феоноста (933–956) царь Петр сажал богумилов в тюрьмы. Источник: Пресвитер Козьма. Беседа на новоявленную ересь Богумила (см. История македонского народа. Скопье,

Вот и различие между Венгрией и Болгарией. Венгрия X в. – осколок Великой степи в сердце Европы. Поэтому венгры держались как могли, справедливо считая, что кругом их враги. А Болгария X в. не монолит, а смесь разных суперэтносов, находящихся в разных фазах этногенеза. Поэтому, когда внуки завоевателей, сподвижников Аспаруха, полегли в победоносных боях под знаменами Симеона, славяне, соблазнившись учением богумилов, сказали свое слово – и это было началом катастрофы, о которой речь впереди.

Так Болгария включилась в мировой процесс борьбы этнических систем с антисистемами и создала свое оригинальное мировоззрение, которое лишь внешне похоже на известные нам учения Ближнего Востока.

Манихеи проповедовали учение об извечной борьбе Бога с Дьяволом, причем Сатаной они называли злого демона, создавшего материальный мир. Этот тезис влек за собой нигилистическое отношение не только к окружающему миру, но и к себе, потомкам – всему, что люди искренне любили. Принять такое учение смогли немногие. Поэтому в Болгарии имела успех самостоятельная религия – богумильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в Македонии (община в Дроговичах).

Наперекор тезису об извечном противостоянии Света и Мрака богумилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было. Сатаниил создал сушу и людей, но не мог одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил сделал Каина. Бог в ответ на это отрыгнул Иисуса, бесплотный дух, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел образ человека, оставаясь призрачным. Ангелы Сатаниила скрутили, отняли у него суффикс «ил» – «единый», в котором таилась сила (разумеется, мистическая), и загнали его в ад. Теперь он не Сатаниил, а Сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом мир. Вывод из концепции был неожидан, но прост: «Бей византийцев!».

Не все болгары стали богумилами, но кое-кто стал, и этого было достаточно для жутких последствий, из-за которых Болгария потеряла независимость в XI в.

Третий каганат – Хазарский – описан достаточно подробно, и в этой связи можно только упомянуть, что он был в IX в. наиболее активен и удачлив. Хазарский каганат ловко использовал византийских императоров-иконоборцев, руками которых в 834 г. была воздвигнута крепость Саркел на Дону. К 866 г. относится первое латинское упоминание иудаизма в Хазарии. Это значит, что цари перестали прятаться за широкую спину каганов. Последние же сохраняли свой престол только потому, что их матери и бабушки были еврейки, а сами каганы, приняв обрезание, находились в составе еврейской общины Итиля. Абрис Хазарского каганата IX в. – этого величественного сооружения – вырисовывается вполне четко.

Меньше известно о Русском каганате, следов коего нет. При нехватке сведений принято искать их у авторов (главным образом географов) соседних народов. Такие сведения есть, но тоже очень скудные. В 839 г. послы «кагана Руси» были опознаны в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого. Они попали туда кружным путем из Константинополя, так как прямой путь был закрыт какими-то врагами, возможно мадьярами, а может быть, уличами и тиверцами, противниками мадьяр. Эти послы были приняты за шведов, с которыми франкский император в это время вел войну. Дальнейшая судьба послов неизвестна. Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский – от Византии, Аварский – от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны.

И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов²⁷⁹ со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I–II вв. покинули родину.

Отношения между русами и славянами в IX в. были откровенно враждебными. Об этом сообщают арабо-персидские географы, сведения которых удачно подобрал А. П. Новосельцев;²⁸⁰ на труд его, при принятой нами методике, целесообразно опереться. По сходным сообщениям Ибн-Русте, Мукадасси, автора «Худуд ал-Алам», Гардизи и Марвази, русы «нападают на славян, подъезжают к ним на кораблях, высаживаются, забирают их в плен, везут в Хазаран и Булкар и там продают».²⁸¹ Вместе с тем нападающей стороной анонимный автор «Сборника историй» (Муджмалъ ат-Таварих, 1126 г.) считает славян: «...и Славянин пришел к Русу, чтобы там обосноваться. Рус ему ответил, что это место тесное (для нас двоих). Такой же ответ дали Кимари (?! – Л.Г.) и Хазар. Между ними началась ссора и сражение. Славянин бежал и достиг того места, где ныне земля славян. Затем он сказал: «Здесь обоснуюсь и легко отомщу».²⁸² Зато отношения русов и хазар в IX в. были поначалу мирными. Тот же персидский источник сообщает: «Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как он не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо к Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться».²⁸³ И обосновался в Крыму, около Симферополя, именовавшегося Неаполь Скифский.

Легко заметить, что древним населением Восточной Европы были русы – «варварский народ»,²⁸⁴ живущий в стороне болгар (камских), между ними и славянами (точнее, «сакалиба»), на реке Итиль (Волге),²⁸⁵ причем «Куяба», т. е. Киев, не был городом русов, а, видимо, принадлежал волынским славянам – дулебам, царь коих, по Масуди, носил имя Дира, т. е. Дир.²⁸⁶ Отсюда А. П. Новосельцев делает вывод, что «остров»,²⁸⁷ или, правильнее, страна русов, помещался «где-то в северной части Восточной Европы». Но в конце IX в. Киев был захвачен русами, сначала Аскольдом, потом Олегом.²⁸⁸ Этой эпохе посвящены другие источники, уделяющие большое внимание русам, разделенным на три группы. Первая – с центром в Киеве, руководимая Аскольдом, совершившая набег на Константинополь в 860 г. и подчиненная Олегом в 882 г. Вторая – Славия, область славян ильменских; она оставила след в топонимике – Старая Русса. Третья – Арса (предмет неясный и спорный) – по мнению А. П. Новосельцева, обитавшая между совр. Ростовом и Белоозером.²⁸⁹

В IX в. русы и славяне имели мало общего. В X–XI вв. славяне были хорошо известны всем европейским и византийским географам, а кто такие русы, читателям хроник надо было объяснять. Епископ Адальберт в 959 г. назвал Ольгу королевой ругов,²⁹⁰ а английский принц

²⁷⁹ Россомоны упоминаются готским историком Иорданом (IV в.) как противники готов и союзники гуннов. В VIII в. греческие и арабские авторы называют их россы или русы.

²⁸⁰ См.: Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. С. 355–419.

²⁸¹ Там же. С. 397–401.

²⁸² Там же. С. 391.

²⁸³ Там же. С. 401.

²⁸⁴ Характеристика Ибн-Хаукаля; см.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 404.

²⁸⁵ Согласно Бируни, который назвал Волгу «Нахр ас-сакалиба», А. П. Новосельцев оспаривает это отождествление (см.: Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 370), так как переводит название «сакалиба» как «славяне», а на Средней Волге в IX–XI вв. славян не было. Однако перевод его произволен, потому что этноним «славяне» писался «славия» (см. § 28. Рахдониты).

²⁸⁶ См.: Артамонов М. И. Указ. соч. С. 367–369.

²⁸⁷ Под термином «остров» понимался любой изолированный регион.

²⁸⁸ Видимо, завоевание Киева русами можно датировать 852 г., ибо в этот год «нача ся прозывати Руска земля» (ПВЛ. Ч. I. С. 17).

²⁸⁹ См.: Новосельцев А. П. Указ. соч. 417–419.

²⁹⁰ См.: Шушарин В. П. Древнерусское государство в западно – и восточноевропейских средневековых памятниках //

Эдуард (989–1017) сообщил про Ярослава Мудрого, что тот «король земли ругов, которую мы зовем Руссией».²⁹¹ А кто были руги, кроме того, что во II–V вв. они воевали против готов, неясно.²⁹² Так же неясны их взаимоотношения с россомонами IV в. – союзниками гуннов и, вероятно, антов.

Прошло полтысячелетия... и русы выступают как враги славян, вассалы хазар и друзья варягов, в дружины которых они охотно вступают. Но для отождествления скандинавских варягов с аборигенами-русами оснований нет. Наоборот, интенсивная метисация идет к X в. между победившими русами и славянами, киевскими и новгородскими, причем торжествуют славянские обычаи и язык. Древнерусское государство было славянским, унаследовав от русов только этноним «поляне, яже ныне рекомые русь» и династию Рюриковичей. Совместная жизнь сплотила русов и славян в единый этнос, хотя процесс взаимной ассимиляции был нелегким и занял больше ста лет, весьма беспокойных, так как соседями славяно-россов были хитрые хазары и хищные варяги.

Еще в X в. современники описывали русов и славян как два разных этноса, выступавших, как правило, совместно. Значит, здесь была ситуация, похожая на ту, которая сложилась у тюрков и хазар, с одним, весьма важным, различием. Тюркюты принесли пассионарность хазарам, а россомоны и славяне были при встрече и контакте равно пассионарны, ибо сложились в ареале единого пассионарного толчка. Поэтому тюркюты в Хазарии остались гостями, а поляне и россомоны слились в единый этнос.

Такова «связь времен» или «логика событий». Антский, или полянский, племенной союз, включивший в себя россомонов, возник как восточнославянский этнос вследствие пассионарного толчка II в., одновременно с Византией, и вместе с ней вступил в акматическую фазу, закончившуюся победой над жестоким врагом – аварами, после чего славяне распространились до берега Черного моря. В отличие от Византии полянский этнос пережил кризис перехода из фазы в фазу благополучно, но затем получил удар, чуть было не ставший смертельным.

Около 800–809 гг. произошло второе переселение славян с берегов Эльбы на восток.²⁹³ А. А. Шахматов предположил, что славяне бежали от франков Карла Великого.²⁹⁴ Эту версию трудно принять. Успехи Карла и его баронов крайне преувеличены хронистами и последующими историками. Мы видели, что франкам не удалось закрепиться ни на Эбро, ни на Тисе, ни на правом берегу Эльбы. Поэтому для переселения славян в страну с совсем иным климатом, туда, где господствуют зимний мороз (изотерма января ниже нуля) и летний зной, надо искать иные мотивы.

Целостность этноса, а тем более суперэтноса поддерживается уровнем пассионарного напряжения. Когда напряжение спадает – этнос распадается, и чаще всего по территориальному признаку. При этом высвобождается часть энергии, идущая на миграцию. Так было с англо-американцами в XVII в. и в ряде других случаев.

Вот причина (лежащая в плане этнической истории), из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания.

Восточные славяне в VIII в. были еще на высоком уровне пассионарного напряжения. Скудость источников заставляет прибегать к хронологической интерполяции, но этот метод

Древнерусское государство и его международное значение. С. 422.

²⁹¹ Там же. С. 429.

²⁹² Иордан. С. 192–193.

²⁹³ Этнонимы старых славянских этносов имели окончание «не»: поляне, древляне, северяне, словене; вновь прибывших – «ичи»: кривичи, радимичи, дреговичи; исключение из правила – тиверцы.

²⁹⁴ См.: Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Т. IV. Л., 1940. С. 29; цит. по: ПВЛ. Ч. II. С. 108; Артамонов М. И. Вопросы расселения восточных славян и «Советская археология» // Проблемы всеобщей истории: Историографический сборник. Л., 1967. С. 29–30.

дает хорошие результаты. Потомки антов IV в., победивших совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой «каганат», т. е. суверенное государство с центром в Киеве, и царя по имени Дир. Если мы учтем, что подъем этой ветви славян сопоставим с пассионарным толчком, вызвавшим Великое переселение народов, и с созданием из конфессиональных общин Малой Азии Византии, то на VIII в. падает фаза надлома, а на X в. — инерции. Так оно и было.

Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-уграми (меря, мурома, весь) и повлек за собой слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в. Но славяне и хазары в VIII в. еще не сталкивались друг с другом и опасности друг для друга не представляли.

Легенда о Рюрике, вожде «варягов-руси», призванном в Новгород неким Гостомыслом для успокоения смут, ныне получила кое-какие подтверждения. Предполагается, что под выражением летописи: «Вста град на град» — надо понимать изгнание варягов из Ладоги около 850 г.,²⁹⁵ а сам Рюрик отождествляется с Рериком Ютландским, владевшим княжеством, граничившим с землями фризов, скандинавов, немцев и славян.²⁹⁶ По этой версии Рюрик в 870–873 гг. вернулся из Новгорода на Запад, где вел переговоры с Карлом Лысым и Людовиком Немецким.²⁹⁷ Видимо, переговоры не увенчались успехом, потому что в 875–879 гг. Рюрик опять княжил в Новгороде до самой смерти. Несомненен только последний факт.

Хотелось бы, чтобы эта гипотеза подтвердилась. Жаль расставаться с воззрениями, воспринятыми с детства. Но если она правильна, то подтверждаются определения средневековых авторов, считавших Рюрика и его династию не шведами и не немцами, а потомками древнего народа ругов, противника готов и, видимо, представителя того витка этногенеза, который предшествовал Великому переселению народов (в III в. этот народ уже стал реликтом-персистентом). Может быть, грядущие исследования подтвердят приведенную гипотезу, которую мы не имеем ни оснований, ни желания отвергнуть.

38. Русский каганат

На рубеже VIII и IX вв. хазары остановились на границе земли русов, центр которой находился в Крыму. Русы в это время проявляли значительную активность, совершая морские набеги на берега Черного моря. Около 790 г. они напали на укрепленный город Сурож (Сулак), а потом перекинулись на южный берег и в 840 г. взяли и разграбили Амастриду, богатый торговый город в Пафлагонии (Малой Азии). Но в 842 г. русы по договору вернули часть добычи и освободили всех пленных. «Все лежащее на берегах Эвксина (Черного моря) и его побережье разорял и опустошал в набегах флот россов (народ же „рос“ — скифский, живущий у Северного Тавра, грубый и дикий). И вот самую столицу он подверг ужасной опасности».²⁹⁸ В 852 г. русы взяли славянский город Киев.

18 июня 860 г. русы на 360 кораблях осадили Константинополь, но 25 июня сняли осаду и ушли домой. Более удачного похода русов на Византию не было; все позднейшие кончались поражениями²⁹⁹ (за исключением похода 907 г., о котором сами греки не знали). Напрашивается мысль, что именно тогда был заключен торговый договор, впоследствии припи-

²⁹⁵ См.: Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 214.

²⁹⁶ См.: Ловмянский Г. Рерик Ютландский и Рюрик Новгородский // Скандинавский сборник. VII. Таллин, 1963. Цит. по: Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 214.

²⁹⁷ См.: Лебедев Г. С. Указ. соч. С. 214.

²⁹⁸ Скилица; цит. по: История Византии. Т. II. С. 228.

²⁹⁹ См.: История Византии. Т. II. С. 230 и примеч. 19.

санный летописцем Олегу. Но это только предположение, проверка которого не входит в нашу задачу.

Дальнейшие события сложились не в пользу русов. Вскоре после 860 г. произошла, видимо, не очень удачная война с печенегами, которые в этом году могли выступить только как наемники хазарского царя. В Киеве «был голод и плач великий»,³⁰⁰ а в 867 г. православные миссионеры, направленные патриархом Фотием, обратили часть киевлян в христианство.³⁰¹ Это означало мир и союз с Византией, но полное обращение не осуществилось из-за сопротивления обновленного язычества и агрессивного иудаизма.

Однако киевская христианская колония уцелела. Сто двадцать лет она росла и крепла, чтобы в нужный момент сказать решающее слово, которое она произнесла в 988 г.

В IX в. русская держава имела мало друзей и много врагов. Не следует думать, что наиболее опасными врагами обязательно являются соседи. Скорее наоборот: постоянные мелкие стычки, вендетта, взаимные набеги с целью грабежа, конечно, доставляют много неприятностей отдельным людям, но, как правило, не ведут к истребительным войнам, потому что обе стороны видят в противниках людей. Зато чужеземцы, представители иных суперэтнотропов, рассматривают противников как объект прямого действия. Так, в XIX в. американцы платили премию за скальп индейца, как за волка, или уподобляли негров вьючным животным. А в X в. суперэтнические различия не умерялись даже той долей гуманности, которая имела место в XIX в. Поэтому войны между суперэтническими целостностями, украшавшими себя пышными конфессиональными ярлыками, велись беспощадно. Мусульмане объявили «джихад» против греков и вырезали во взятых городах мужчин, а женщин и детей продавали на невольничьих базарах. Саксонские и датские рыцари поголовно истребляли лютичей и бодричей, а англосаксы так же расправлялись с кельтами. Но и завоеватели не могли ждать пощады, если военное счастье отворачивалось от них.

Сначала Руси относительно повезло. Три четверти IX в., именно тогда, когда росла активность западноевропейского суперэтнотропа, болгары сдерживали греков, авары – немцев, бодричи – датчан. Норвежские викинги устремлялись на запад, ибо пути «из варяг в греки» и «из варяг в хазары» проходили через узкие реки Ловать или Мологу и через водоразделы, где ладьи надо было перетаскивать вручную – «волоком», находясь при этом в полном отрыве от родины – Норвегии. Условия для войны с местным населением были предельно неблагоприятны.

При создавшейся расстановке политических сил выиграли хазарские иудеи. Они помирились с мадьярами, направив их воинственную энергию против народов Западной Европы, где последние Каролинги меньше всего беспокоились о безопасности своих крестьян и феодалов, как правило недовольных имперским режимом. Хазарское правительство сумело сделать своими союзниками тиверцев и уличей, обеспечив тем самым важный для еврейских купцов торговый путь из Итиля в Испанию. Наконец в 913 г. хазары при помощи гузов разгромили тех печенегов, которые жили на Яике и Эмбе и контролировали отрезок караванного пути из Итиля в Китай.

Последней нерешенной задачей для хазарского правительства оставался Русский каганат с центром в Киеве. Война с русами была неизбежна, а полная победа сулила неисчислимые выгоды для итильской купеческой организации, но, разумеется, не для поработенных хазар, которые в этой деятельности участия не принимали. Правители крепко держали их в подчинении при помощи наемных войск из Гургана и заставляли платить огромные подати. Таким образом они все время расширяли эксплуатируемую территорию, все увеличивая свои доходы и все более отрываясь от подчиненных им народов.

³⁰⁰ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. IX. М.; Л., 1965. С. 9.

³⁰¹ См.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. I. Период первый. Первая половина тома. С. 51–52.

Разумеется, отношения между этим купеческим спрутом и Русью не могли быть безоблачными. Намеки на столкновения начались в IX в., когда правительство Хазарии соорудило крепость Саркел против западных врагов. Дальнейшие события до 860 г. очень слабо отражены источниками. Очевидно, что «не раз клонила под грозою то их, то наша сторона», но детали хода событий неизвестны. Мы можем только приблизительно реконструировать расстановку сил и направление развития, но не больше. Зато после 860 г. перед нами многоцветная канва событий, подлежащая анализу и интерпретации.

39. Дружья обновленной Хазарии

Правительство Обадии и Ханукки вместе с престолом получило в наследство опасную традицию международных отношений и влияний. Тюркские ханы династии Ашина и их караимский союзник Булан в сложных экономических проблемах не разбирались. Они просто защищали свой народ от мусульман, наступавших с юга, печенегов, нападавших с востока, из Зауралья. Естественным союзником Хазарии в VIII в. была Византия, также воевавшая с арабами и бежавшими от хазар болгарами Аспаруха. Поэтому распространение православия среди алан и хазар не встречало сопротивления. В середине VIII в. существовала хазарско-хорезмийская (Доросская) митрополия, которой были подчинены семь епископских кафедр.³⁰² Культурные контакты были следствием политического союза.³⁰³

С Дальним Востоком и Крайним Западом тюрко-хазары отношений не поддерживали. На границах Китая до 745 г. шли упорные, кровопролитные войны между Тюркским каганатом и империей Тан. Затем восстание Ань Лушаня в 756–763 гг. обескровило Китай, а вслед за тем в войну вступили Тибет и Уйгурия. Ничего привлекательного на Дальнем Востоке в это время не было.

Не лучше было и на Западе, где разлагались заживо франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англ и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям.³⁰⁴ И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.

Наибольшую активность проявили в это время южные этносы. Рост пассионарности потомков арабских завоевателей взорвал Аббасидский халифат изнутри, но осколки его оказались более страшными для соседей, чем громоздкая централизованная социально-политическая система. Для берберов и туарегов Африки, тюрков Средней Азии, горцев Памира и Гиндукуша ислам перестал быть символом угнетения и ограбления, потому что появилась возможность использовать разнообразные шиитские течения как знамена для борьбы против суннитского Багдада.

Отложившиеся от халифата африканцы захватили Сицилию и вторглись в Италию, где потеснили лангобардов и разбили войско франков Людовика II, а в 840 г. африканский флот вошел в устье Тибра и чуть было не овладел Римом. В том же году омуслиманенные персы – Саманиды – завоевали Исфиджаб (совр. Сайрам, около Чимкента), а багдадские халифы тратили силы и средства на подавление восстаний своих подданных, единоверцев и соплеменников, и на бесконечную войну с Византией.

³⁰² См.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 229.

³⁰³ Якут свидетельствует, что хазары были христианами и мусульманами, а частично язычниками; только немногие исповедовали иудаизм (см.: Артамонов М. И. История хазар. С. 280). Димашки указывает, что хазарские воины были мусульманами, а горожане – иудеями (см. там же), но, по-видимому, он имеет в виду только население столицы.

³⁰⁴ См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 342.

Как из тектонических разломов земной коры через трещины вытекает подземная магма, так на рубеже двух суперэтносов и двух великих культур возникли движения, которые казались забытыми и похороненными: хуррамитов в Азербайджане и павликиан в Малой Азии. Между теми и другими не было ни организованной связи, ни общей политической направленности. Одни были просто стойкими маздакитами, другие по принципам идеологии и конечным целям восходили к древнему учению манихеев: делению мира на черное и белое и стремлению путем кровавых экзекуций добиться победы светлого начала, которым они считали себя.

Как следовало бы реагировать на это хазарскому правительству? Хуррамнты были потомками маздакитов, союзников хазарских евреев в 494–529 гг., а арабы – гонителями иудеев в 690 г.; греки принуждали евреев к отречению от веры еще в 723 г. Казалось бы, наступило время расплаты. Но правительство Обадии и Ханукки предпочло торговлю с Багдадом и помощь византийских инженеров при постройке Саркела верности историческим традициям и бывшей дружбе, от которой никогда не отказались бы тюрко-хазары. Теперь же система ценностей изменилась: выгода встала на место верности и доблести. А самой выгодной ситуацией для евреев была война греков против их врагов – болгар и арабов. Феофилу удалось вернуть город Самосату в 837 г., но халиф Мутасим разбил византийскую армию у Дазимона, в 838 г. взял крупнейший после Константинополя город империи – Аморий (в центре Анатолии). Война протекала с невероятным ожесточением; причем хуррамнты были союзниками греков, а павликиане³⁰⁵ помогали арабам. Болгары хана Персиана ударили по тылам Византии, ворвавшись в Македонию, а хазары, некогда враги болгар и друзья греков, бездействовали. Ханы Ашина никогда не покинули бы своих друзей в беде.

40. Перейдем к Византии

Там в 843 г. кончился пассионарный надлом, приведший к трагедии иконоборчества. Она дорого стоила Византии. Болгарский хан Крум в 813 г. дошел до стен Константинополя. Испанские арабо-берберские пираты в 826 г. захватили Крит и сделали из этого острова базу набегов на острова и побережья Эгейского моря. В 827 г. берберы Атласа вторглись в Сицилию, а потом перенесли свои завоевания на Южную Италию. Болгары опустошили Македонию. А в Константинополе император занимался уничтожением икон и преследованием монахов. Но все кончается, и к 843 г. страсти стали угасать.

Снижение пассионарного напряжения пошло Византии на пользу. Установление мира светской власти с церковью, достигнутое на Константинопольском соборе 843 г., дало возможность направить огромные силы системы по определенному руслу. В 860 г. св. Кирилл обратил в православие группу хазар, в 864 г. он и его брат Мефодий приобщили к православию Моравию. В 864–865 гг. крестился болгарский царь Борис, и наконец длительная и

³⁰⁵ Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму. Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением божьим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток. Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то, что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу пленных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже духовные руководители. Жизнь брала свое и в том случае, если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветом. В идеологическую основу антисистемы могла быть положена и другая концепция.

жестокая война с павликианами в 872 г. закончилась победой византийцев. Но за все надо платить, даже за спасение собственной страны. И плата была очень велика.

До середины IX в. Византия была общепризнанным центром христианской культуры. Это признание не означало политического господства над другими христианскими государствами Запада и Востока, но давало уверенность в том, что они свои и в случае опасности обязаны помогать против иноверцев-мусульман. Пусть эти обязанности не всегда выполнялись, но все же они имели значение, особенно для тех областей Южной Италии, куда вторглись африканские мусульмане – воинственные берберы, занимавшиеся работоторговлей и грабежом.

Даже в жестокие годы иконоборчества римские папы участвовали в церковных делах Византии, по мере сил поддерживая защитников икон. Фактическая независимость от Константинополя, подаренная римскому престолу Каролингами, не мешала существованию суперэтнического единства: греки были дома в Риме и Париже, а франки – в Фессалониках и Эфесе. Теология там и тут была одна – полупелагианство, т. е. православие.

Но в 858 г. константинопольским патриархом стал Фотий, которого не признал папа Николай I. За спором последовало отлучение Фотия в 863 г., не признанное на Востоке. В 867 г. Константинопольский собор предал папу анафеме, объявив его вмешательство в дела Восточной церкви незаконным. Так возник раскол церквей.

Не нужно полагать, что неуступчивость Фотия и Николая, или спор о *filioque*, или притязания пап на юрисдикцию в Иллирии и Сицилии были причиной раскола. Все эти мелочи были быстро улажены. Узурпатор Василий I Македонянин низложил Фотия, а строптивый папа Николай I умер в том же 867 г. Богословский спор был отложен и на время забыт. Сицилию захватили берберы, Иллирию – венгры. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом около 900 г. уже ничего не изменило.

Церковный раскол был важен не только сам по себе. Он превратился в символ отделения Запада, где в IX в. произошел взрыв этногенеза, от ортодоксального Востока. Франки и латины стали чужими для греков. Они пошли по новому, оригинальному пути развития. Этносы, возникшие в это столетие на берегах Северного моря и Бискайского залива, открыли небывалые формы общежития и восприятия природы и истории и предпочли их прежним не за то, что они были лучше, а потому, что они были свои. Инерция общей христианской культуры еще долго обольщала души современников, упорно не хотевших замечать грустную действительность.

Итак, Византия превратилась из империи с претензиями на ведущую роль в наследии Рима в небольшое малоазийское царство, где императором сделался армянин, привлечший на службу своих земляков. А поскольку армяне привыкли героически отстаивать свободу и веру против мусульман, то друзья последних, иудеи, стали недругами Византии.

Теперь можно обобщить наблюдения. Иудео-Хазария была в дружбе со всеми императорскими режимами: поздней Тан, Каролингами и их преемниками в Германии – саксонскими народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегам, турфанскими уйгурами и славянами, т. е. Киевским каганатом.

И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов, противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VII–X вв. И тут иудео-хазарам опять повезло.

В игру вступил новый партнер – варяги, на вербованные из скандинавских викингов.

41. Рахдониты и норманны

Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию. Юноши, покидавшие родную страну ради Гренландии или Нормандии, зеленого острова Эрин или берегов лазурного Средиземного моря, образовывали самостоятельные этнические консорции, иногда погибавшие, но иногда торжествовавшие победу. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предreshена. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий.

Распадение целостности Аббасидского халифата не уменьшило завоевательного пыла западных мусульман: испанских арабов и берберов Северной Африки. Вспомним: испанские арабы захватили Крит и сделали его базой пиратства на Эгейском море. В 842 г. тунисские берберы, действовавшие в Сицилии, взяли Мессину, а в 878 г. – Сиракузы. В 902 г. греки потеряли все позиции в Сицилии, а в 904 г. арабы разграбили второй город империи – Фессалоники – и перенесли агрессию на материк, в Калабрию. Грекам стало трудно.

Как было показано, уже в IX в., после фактического раскола церкви, Византия стала восточным царством, изолированным от всех соседей, превратившихся сначала в соперников, а потом во врагов. Связанная постоянной войной с Болгарией и безуспешными попытками удержать Южную Италию от натиска арабов, Византия не могла активно противодействовать усилению хазарских царей, вследствие чего православие потеряло свои позиции в Дагестане и на Северном Кавказе, с трудом удержавшись на Южном берегу Крыма.

Попытка Карла Великого создать суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, подобно тому как на Востоке существовала аналогичная империя греков, была небесперспективна, но растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был картонный домик. К 888 г. осуществилась «территориальная революция»,³⁰⁶ т. е. появились этносы, называемые О. Тьерри «нациями»: бретонский, аквитанский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий, причем последний состоял из субэтнических «племен» саксов, франконцев, баварцев, швабов (алеманы) и тюрингов. Все они тратили силы на борьбу друг с другом и поэтому очень плохо сопротивлялись нападению арабов и норманнов. Для хазар они не были опасны.

Зато хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа. Ожесточение с обеих сторон росло. Иудеи сохранили больше остатков древней образованности, нежели французы, и поэтому побеждали христиан в диспутах, возникавших по поводу Ветхого Завета. Пропаганда их имела успех. Молодой монах из Алемании принял в 847 г. иудаизм, женился на еврейке, уехал в Испанию и там возбуждал арабов к преследованию христиан. Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота осажденных городов, и что они называют свинину «христианским мясом», на что христиане очень обижаются.³⁰⁷

Трудно сказать, что в этих обвинениях было справедливо, но для нас важно другое: взаимные ожесточение и неприязнь между аборигенами и иудеями на Роне грозили фран-

³⁰⁶ Тьерри О. Избранные сочинения. М., 1937. С. 247.

³⁰⁷ См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 487–488.

цузам теми же последствиями, которые имело еврейское проникновение на Волгу. Прованс легко мог превратиться в подобие Хазарии, тем более что воинская сила берберов, охотно нанимавшихся в войска соседних стран, была не меньше, чем у хорезмийцев. Но для этого было нужно, кроме больших денег, время, а его-то и не хватило иудеям. Почему? Это мы сейчас увидим.

Начиная с 800 г. все побережья Западной Европы стали подвергаться нападениям скандинавских викингов. Больше того, норманны входили в реки, проникая в глубь континента. Добыча была обильна. Но оказывается, что, кроме золота и серебра, сукна и полотна, а также женских украшений и дорогого оружия, викинги брали пленников и продавали их в рабство.³⁰⁸ Кому? Ведь не тем хевдингам – зажиточным крестьянам, от которых они бежали в море, покинув родину. В Исландию? Но там рабы убегали от своих хозяев или получали свободу, так что «рабовладение не играло существенной роли в исландском обществе».³⁰⁹ Да ведь добывать пленных с риском для жизни имело смысл лишь тогда, когда можно было их продать легко и выгодно.

И тут встает второй вопрос: как могли норманны, не имея данных разведки, вести военные операции, удаляясь от спасительного моря? А ведь поднимались они по Рейну, Везеру, Эльбе, Сене, Луаре, Гаронне. Они разграбили и сожгли Кёльн, Ахен, Бонн, Трир, Вормс, Тур, Орлеан, Анжер, Труа, Шалон, Дижон, не говоря уже о городах Англии.

Это далеко не полное перечисление городов-жертв показывает, что викинги могли нагнать значительно больше, чем увезти на кораблях с малой осадкой, только и пригодных для плавания по рекам. Такие корабли найдены в Дании. Они рассчитаны не на далекие путешествия, а на плавание в мелких прибрежных водах.³¹⁰ Но коль скоро так, то, очевидно, у норманнов были скупщики награбленного, и, по-видимому, они были достаточно богаты, чтобы покупать пленных в надежде на будущий барыш, и достаточно влиятельны, чтобы транспортировать христианских рабов от берегов Северного моря до Испании, где кордовские халифы покупали рабов за большие деньги. Неужели это знакомые нам рахдониты?! Могло ли быть такое?

Сопоставим факты. В 768–772 гг. евреи в Нарбонне являются крупными землевладельцами, а на полях и виноградниках работают крепостные-христиане.³¹¹ Через 70 лет, после окончательного объединения Западной Европы Карлом Великим, ту же картину мы видим в Лионе (849). Таким образом, в наиболее богатых областях Священной Римской империи евреи составляют господствующий класс, диктующий свои порядки. Так, по желанию евреев базарный день в Лионе был перенесен с субботы на воскресенье, против чего тщетно протестовали епископы, особенно знаменитый епископ Агобард.³¹²

В Испании еврейские купцы в 854–874 гг. торговали андалузскими девушками и для этой цели имели торговый маршрут от Марокко до Египта.³¹³ В Египте при Ахмаде ибн-Тулуне царило изобилие, и испанок покупали для гаремов. Надо полагать, христиане оказывали сопротивление где могли и как умели. Поэтому евреи, не довольствуясь административной поддержкой императоров Каролингов, использовали язычников-норманнов. В начале IX в. к берегам Южной Франции подошла эскадра кораблей, которую прибрежные жители приняли за еврейскую... и стали жертвой норманнских пиратов.³¹⁴ Невозможно допустить,

³⁰⁸ См.: История Норвегии. М., 1980. С. 101.

³⁰⁹ Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л., 1967. С. 19.

³¹⁰ См.: Коган М. А. Смелые мореходы средневековья – норманны. Л., 1967. С. 13.

³¹¹ См.: Тюменев А. И. Указ. соч. С. 249 (письма папы Стефана III).

³¹² См. там же. С. 276 (Agobardus. De insolentia Judaeomm. P. 5).

³¹³ См. там же. С. 268–269 и 271–272.

³¹⁴ См. там же. С. 272.

что ошибка была делом случая. Прибрежные жители умеют разбираться в оснастке кораблей. Очевидно, евреи просто ссудили свои корабли норманнам, разумеется, за долю в добыче. Первое упоминание о евреях в Англии датируется 833 г. – сразу после успехов викингов.³¹⁵ В 848 г. норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев,³¹⁶ которые от викингов не пострадали. Это могло быть лишь в том случае, если между теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была. Два хищника – рахдониты и викинги – в 859 г. договорились о разделе сфер будущих завоеваний, которые предстояло совершить.³¹⁷ Русский каганат тоже должен был стать жертвой этих хищников. И действительно, все последующее столетие Киев был ареной жестокой войны, которую славяно-русы вынуждены были вынести. О ней-то и пойдет речь.

Предложенный здесь вывод на первый взгляд кажется парадоксальным. Мы привыкли видеть в евреях и норманнах антагонистов, ибо они в самом деле весьма не похожи друг на друга. Но в политических коллизиях, особенно диктуемых элементарной алчностью, симпатии, основанные на сходстве психологических складов, уступают место расчету, пусть даже самому циничному. Искренность в таких случаях не только не нужна – она вредна. И поэтому рахдониты спокойно использовали викингов, оставляя тех в уверенности, что они не являются игрушкой в руках опытного партнера. Больше того, когда иудеи проиграли ставку на гегемонию в мировой торговле, норманны, напавшие на Англию, взяли с собой евреев,³¹⁸ и те с 1100 г. держали в своих руках кредитные операции английских королей и их вассалов.³¹⁹ Привычный союз был нарушен только Эдуардом I в Англии и Филиппом Августом во Франции, но эта страница истории выходит за хронологические рамки нашей темы.

42. Поиск непротиворечивой версии

Итак, следуя версии «Повести временных лет», мы постоянно натываемся на неразрешимые противоречия, мягко говоря, недоговоренности и неточности, начиная от «призвания варягов» до рассказа о расправе Ольги над древлянами.

Похоже на то, что летописец дает заведомо ложную схему событий. Судя по его намекам, варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками. Собранные нами факты говорят об обратном, и я предпочитаю не верить летописцу. Нестор, писавший свой труд в 1100–1113 гг., – сторонник великого князя Святополка II, который был другом немецких и датских феодалов, противником греческой митрополии и ее защитника Владимира Мономаха, врагом истребителя последних хазарских иудеев – черниговского князя Олега Святославича. Кроме того, описываемые им события отстояли от него более чем на 200 лет. Может ли историк, наш современник, без особой специальной подготовки изложить историю царствования Екатерины II с учетом нравов, мод и личных взаимоотношений? Даже при обилии источников это трудно. А помимо этого, Нестор, подобно М. Н. Покровскому, понимал историю как «политику, обращенную в прошлое» и защищал интересы своего монастыря и своего князя, ради чего грешил против истины.

Д. С. Лихачев охарактеризовал «Повесть временных лет» как блестящее литературное произведение, в котором исторические сведения либо преобразованы творческим воображением автора, как, например, легенда о призвании варягов, либо подменены вставными новеллами, некоторые из коих восходят к бродячим сюжетам. Он весьма критично разбирает

³¹⁵ См. там же. С. 143.

³¹⁶ См.: Вебер Г. Указ. соч. Т. V. С. 489.

³¹⁷ «Варяги из заморья» взимали (или собирались взимать) дань с чуди, мери и кривичей, а хазары – с полян, северян и вятичей (ПВЛ. Ч. I. С. 18).

³¹⁸ См.: Тюменев А. И. Указ. соч. С. 243.

³¹⁹ См. там же. С. 280.

соображения А. А. Шахматова, и это дает возможность на основе обеих работ установить последовательность и связь событий древнерусской истории, пусть не в деталях, но в том приближении, которое для нашего сюжета необходимо и достаточно. Поэтому в дальнейшем мы будем базироваться не на летописной версии, а на той, которая получена в результате добросовестной исторической критики.

Установив наличие союза рахдонитов с викингами в Западной Европе, мы можем с этой точки зрения рассмотреть ситуацию в Восточной Европе. Аналогия на первый взгляд парадоксальна, но рассмотрим факты и сделаем вывод.

История варяжского проникновения в славянские земли темна, потому что детали этих событий сознательно затушеваны летописцами XII в.³²⁰ Общеизвестно, что в 862 г. (хронология сбивчива) варяжский конунг Рюрик появился в Новгороде и, слолив сопротивление антиваряжской партии, возглавленной неким Вадимом Храбрым, обложил данью северных славян. Но от вторжения в Русскую землю Рюрик воздержался.

В IX в. Русской землей именовалось Южное Поднепровье,³²¹ где два этноса – россомоны и славяне – еще в IV в. воевали с готами на стороне гуннов. История их до IX в. неизвестна. Ясно лишь, что Киевский каганат был сильным и независимым государством наряду с каганатами Венгерским, Болгарским и Хазарским. В 860 г. русы совершили победоносный поход на Константинополь (неверно датированный Нестором 866 г.),³²² принудили Византию заключить выгодный для них мир и частично приняли православие.

В 864 г. русы воевали с болгарами, в 865 г. – с полочанами, в 867 г. – с печенегами (?! – Л.Г.), в 869 – с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г. проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии. В 860–880 гг. киевское правительство Аскольда и Дира было настолько крепким, что могло не страшиться хазарской агрессии. Более того, киевляне расширяли зону своего влияния на север, не опасаясь конфликта со шведами.

На территории Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьерн Прихолмный, его соправители Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток и обложил данью куров, эстов и финнов, но, как видно из перечня, его интересовали только берега Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили на залесенных водоразделах Восточной Европы. Если бы кто-то из шведских королей подчинил себе столь обширные земли, это было бы отмечено хотя бы в сагах. Не упоминает об этом и католический миссионер св. Ансгар, проповедовавший в Швеции в 849–852 гг. и поддерживавший отношения со шведами до своей кончины в 865 г.³²³

И даже если бы шведы хотели подчинить себе северные земли Восточной Европы, то это было выше их возможностей. Как все скандинавы, они двигались на ладьях, и, следовательно, в пределах их досягаемости были только берега рек. Не имея лошадей, они не могли уходить далеко от своих плавучих баз, а провезти лошадей и необходимый тем фураж на легких лодках было невозможно. Кроме того, любой набег имел смысл только осенью, когда обитатели поселков не могли скрыться в лесу. Для такого набега были необходимы дороги и надежные проводники из аборигенов. А в IX в. не было ни дорог в лесу, ни нужного количества изменников хотя бы потому, что шведам было нечем оплачивать их услуги.

³²⁰ См.: История СССР. Т. I. М., 1966. С. 482.

³²¹ См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 338.

³²² ПВЛ. Т. II. С. 247.

³²³ См.: Хеннинг Р. Указ. соч. Т. II. С. 165–173.

Надо признать, что стремление приписать древним шведам основание огромной империи в северных лесах наталкивается на непреодолимые препятствия, связанные главным образом с физической географией. Но так как скандинавы овладели землями русов и славян в IX в., то, очевидно, существовал дополнительный фактор, который следует найти.

Если не шведские короли и не греческие базилевсы были заинтересованы в уничтожении Киевского каганата, то остается только один сосед, который этого хотел и имел средства для осуществления своей цели. Это был Хазарский каганат, который в 834 г. вышел на рубеж Дона. Построенная там крепость Саркел должна была служить базой для наступления на запад, но эта акция почему-то задержалась на полвека. Хазарским евреям удалось включить в свою политико-экономическую систему только северян, о чем говорит распространение восточных монет IX в. на левобережье Днепра.³²⁴

И тогда, не имея способов устанавливать искренние отношения с этносами, «химера» использовала «свободные атомы» – скандинавских варягов, захвативших Киев в 882 г.

Вспомним, что Рюрик был варяг (это профессия) из этноса «руси» (россомонов). Не ужившись дома, он принял предложение «Гостомысла» (или партии «гостомыслов») и укрепился в Новгороде. Согласно Начальной летописи – «Повести временных лет», под его контролем была небольшая и редконаселенная территория: Ладога, Белоозеро и Изборск. Полоцк и Смоленск в 864–869 гг. были подчинены русам, т. е. Киеву, где сидели враги Рюрика – Аскольд и Дир. Пополнять свое войско Рюрик мог только одним способом – наймом варягов из заморья. Они-то и захватили Киев для его сына, называемого в летописи Игорь Старый.

И тут возникает новая неясность: почему хитрый захватчик, убив только двух правителей города, не встретил сопротивления в народных массах? Очевидно, у варягов была столь мощная поддержка, что славяно-русы не рискнули повторить попытку Вадима Храброго, пытавшегося в 864 г. выгнать Рюрика из Новгорода. Летопись об этом молчит.

Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «русы и славяне составляют прислугу хазарского царя».³²⁵ И как мы вскоре увидим, так оно и было.

Смена власти в Киеве повлекла за собой смену политики. Олег подчинил древлян в 883 г., северян – в 884 г. и радимичей – в 885 г., причем последние до этого платили дань хазарам. Это не могло не вызвать войны с Хазарией... и в летописи возникает провал в 80 лет! Что, здорово?

Итак, на самом деле варяжские конунги были недругами славяно-русов и сначала союзниками, затем соперниками, а потом вассалами евреев-рахдонитов. Гордые своей воинственностью варяги постоянно терпели поражения, при которых гибли подчиненные им славяне, мобилизуемые для походов на Каспий и Понт (Черное море). Варяжским командирам не было жалко славянских воинов.

Русская земля перенесла много страданий, вызываемых постоянными неудачами бездарных правителей. Это-то и затушевывал лукавый летописец Нестор.³²⁶

И все-таки как дошли славяно-россы до такого унижительного положения? Если история на этот вопрос не отвечает, обратимся к этнологии.

Византия и Русь по возрасту ровесники. Надлом в Византии был в VIII в., а инерционная фаза началась в середине IX в. На Руси надлом, видимо, наступил позже и затянулся до конца IX в. При надломе происходит раскол этнического поля. Вот поэтому-то варяги

³²⁴ См.: Шевченко Ю. Ю. На рубеже двух этнических субстратов Восточной Европы VIII–X вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 46–47; Гумилев Л. Н. Древняя Русь и ее соседи в системе международной торговли и натурального обмена // Изв. ВГО. Т. 119. Вып. 3. 1987. С. 223–234.

³²⁵ Артамонов М. И. История хазар. С. 383.

³²⁶ Очевидна тенденциозность летописцев, которые счет победам русов ведут с Олега, отодвигая Аскольда и Дира в тень. (Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 78).

обрели себе сторонников – «гостомыслов» или первых «западников», которым 250 лет спустя сочувствовали великий князь Святополк II и летописец Нестор. А поскольку только версия Нестора пережила века, ее приняли без критики историки Нового времени.

Но ведь иудейская община Хазарии должна была бы по закону этнической энтропии выродиться и ослабеть, так как это была замкнутая система, не пополнявшаяся даже теми бастардами, которые становились караимами (дети евреев и хазарок). А она все усиливалась. Для этого должно быть научное объяснение.

Замечено, что, если особи некоей популяции упрощают свою морфологическую структуру, они резко увеличивают биогеохимическую энергию (для животных это энергия размножения), т. е. биогенную миграцию своих атомов, что улучшает их шансы в борьбе за существование.³²⁷

Перенеся эту закономерность с организменного на популяционный уровень, мы констатируем, что при начинающемся вырождении, или упрощении, структуры имеет место выброс свободной энергии, проявляющийся в стремлении к расширению ареала. Примеры того – ханьская агрессия II–I вв. до н. э., колониальные захваты европейских стран в XIX в. и интересующее нас столкновение на тропе войны Иудео-Хазарии с Киевской Русью. В IX в. результаты этого столкновения было невозможно предвидеть.

По «Повести временных лет», Олег в 907 г. совершил свой главный подвиг – поход на Константинополь – «на конях и на кораблях». Русский десант будто бы опустошил предместья Константинополя, убив или замучив захваченных врасплох греков. Затем Олег поставил ладьи на колеса и, снабдив их парусами, с попутным ветром достиг городских стен. Испуганные греки дали огромный выкуп и заключили договор, очень выгодный для Руси. Тогда же Олег повесил свой щит на воротах Константинополя.³²⁸

В летописи все получилось очень красиво, но вот беда – греки об этом походе не знали; они его просто не заметили.

Русская историография XVIII в. приняла версию Нестора некритично, благодаря чему этот рассказ, несмотря на всю несообразность, закрепился в гимназических учебниках. А. А. Пресняков, С. П. Обнорский, С. В. Бахрушин, Д. С. Лихачев и многие другие отнеслись к описываемому факту скептически. Договор 907 г. слишком напоминал исторически зафиксированный договор 911 г.³²⁹ Однако спор продолжается поныне, ибо, хотя фантастичность описанных Нестором деталей очевидна, но речь пошла о юридической стороне проблемы – тексте договора. Возникла концепция о прелиминарном характере договора 907 г., перезаключенного в 911 г. За это компромиссное решение высказались Б. Д. Греков, М. В. Левченко, В. Т. Пашуто, третья версия защищала универсальное значение договора 907 г., а Г. Острогорский и А. А. Васильев, считая Олега варяжским вождем, принимали летописную версию. В столь запутанном диспуте конструктивно предложение А. Н. Сахарова разделить вопросы о реальности похода Олега и о достоверности текста договора³³⁰ Второй вопрос лежит вне наших интересов, а первый можно считать решенным большинством цитированных работ, с чем согласен и автор этих строк. Похоже, что Нестор приписал Олегу поход Аскольда 860 г., достоверность коего бесспорна.³³¹ Но что же было в начале X в.? Посмотрим и подумаем.

Согласно принятой нами методике, следует рассмотреть панораму, историю всего ареала, связанного с Хазарией, по 907 г., а вернее, с 904 по 910 г. Таким путем будет осуществлен хронологический срез, который позволит отбросить большую часть негодных версий.

³²⁷ См.: Вернадский В. И. Указ. соч. § 207. С. 285.

³²⁸ ПВЛ. Ч. I. С. 25.

³²⁹ Разбор версий см.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 84–89.

³³⁰ См. там же. С. 89.

³³¹ См. там же. С. 48–56.

Поставим вопрос так: кто был за Византию, а кто против нее? Византию окружали три суперэтноты: мусульманский, романо-германский и кочевой (евразийский), но ни один из них не представлял единства. Мусульмане делились на суннитов, враждебных Византии и покупавших меха из Хазарии, шиитов Дейлема, враждебных суннитам, и карматов, которые были врагами всех как яркий пример антисистемы. На Западе шла феодальная революция против императора Каролингов, которые опирались на еврейские общины, снабжавшие их деньгами; только поэтому Каролинги могли держаться; расплачивались они привилегиями, и очень щедро.

В Степи печенеги оттеснили венгров в Европу, где те обрушились на Моравию, Италию и Германию.

Таким образом, враги Византии – это арабы-сунниты, римские папы, императоры Запада и, конечно, хазарские иудеи; друзья – шииты Дейлема, феодалы Франции (от них было мало толку) и печенеги, что отметил Константин Багрянородный. А русам был предложен свободный выбор... и они его сделали в 904 г., о чем и пойдет речь.

43. Война русов с греками в 907 г

А была ли такая война? Летописец не жалеет похвал Олегу, который будто бы за удачную осаду Константинополя и заключение кабального для греков торгового договора получил от киевлян имя «вещий»: «бяху бо людие погани и невеигласи». ³³²

Отношение летописца к князю двойственное: с одной стороны, он достоин славы как победитель, с другой – хвалили его невежественные язычники, что, с точки зрения монаха Киево-Печерской лавры, нехорошо. А как отнеслись к нему якобы пострадавшие греки – неясно, ибо они Олеговых подвигов просто не заметили. Поиски косвенных сведений о событиях 907 г. привели В. Д. Николаева к анализу хроники Псевдо-Симеона ³³³ (X в.), и тут настала пора неожиданностей.

В июне 904 г. арабский флотовладелец Лев Триполитанский сделал попытку напасть на Константинополь, но был отогнан византийским флотом адмирала Имерия. И тогда же Византия подверглась нападению россос-дромитов, ³³⁴ разбитых другим византийским флотоводцем – Иоанном Радином. Часть россос-дромитов спаслась благодаря сверхъестественным способностям волшебника Росса. Прочие погибли от греческого огня у мыса Трикефал в феме ³³⁵ Опсикий.

Хроника Псевдо-Симеона вызвала острую полемику, критически разобранный в цитированной статье В. Д. Николаева. Защитники Нестеровой версии – победоносного похода Вещего Олега – проиграли спор. Теперь наиболее убедительными следует считать выводы В. Д. Николаева, сводящиеся к следующему: «...очевидно, что “русы-дромиты”... не войско Олега, а славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра и на побережье Черного моря. Эта вольница совершала грабительские набеги на византийские владения... под предводительством “божественно озаренного вождя”». Совпадение похода русов-дромитов с походом Льва Триполитанского – не случайность. Дромиты воспользовались отсутствием имперского флота около столицы. Отплыв ночью, чтобы не быть замеченными херсонским стратигом, дромиты двигались вдоль болгарского берега, ибо болгары ненавидели греков;

³³² ПВЛ. Ч. I. С. 25; С. М. Соловьев тоже скептически относится к «достижениям» Олега. По его мнению, они ограничивались ограблением беззащитных славянских племен.

³³³ Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. // Византийский временник. Т. 42. М., 1981. С. 147–153.

³³⁴ Дром (греч.) – бег. Эти разбойники умели так быстро убегать от регулярных войск, что этим заслужили свое прозвище (см. там же. С. 151).

³³⁵ Фема (греч.) – военный округ в Византии при Македонской династии.

затем они пограбили окрестности столицы и были рассеяны византийским флотом. И произошло это в 904 г. – на три года раньше, чем поход Олега. И уж если такие мелкие события фиксируются в истории Византии, то «щит на вратах Цареграда» – на совести Нестора.

И тут встают два вопроса, причем второй является ответом на первый. Нестор не мог не знать, что в 860 г. русы чуть было не взяли Константинополь военными приемами, весьма сходными с теми, которые якобы применил Олег в 907 г. Фантазия любого автора не безгранична. Здесь мог быть просто перенос событий похода презируемого летописцем Аскольда на поход любимого Олега, для прославления которого достаточно было только сменить дату. Ведь летопись писалась через 200 лет после Олега (1100–1113), и вряд ли все читатели того времени обращали внимание на столь давнюю хронологию.

Но если так, то правы критики источника, доказавшие, что здесь была не победа, а поражение, и не в 907 г., а в 904 г., и византийцы события своей истории описывали, а не замалчивали. Примем эту версию³³⁶ и посмотрим, к каким результатам должно было привести поражение Льва Триполитанского и его союзников.

Легко представить себе, какие чувства обуревали русов-дромитов осенью 904 г., как спасшихся от греческого огня, так и родственников погибших. Мечта о расправе с Царьградом стала этнопсихологической доминантой. Можно даже вообразить, что именно тогда создалась легенда о расправе над греками, чего на самом деле не было, да и быть не могло, но ведь как патриотический сюжет она годилась, и, может быть, ее использовали как вставную новеллу при составлении ранних летописей.

Но была и жестокая действительность. Месть грекам при помощи арабов оказалась нереальной. Надо было искать другого антихристианского союзника, т. е. выбирать между венграми и хазарами. Венгры, только что захватившие долину Дуная, обратили свое внимание на Западную Европу: Германию, Францию, Италию и даже Испанию. Поэтому им было некогда. Зато иудео-хазары всей душой ненавидели греков. Государства их граничили в Крыму, а торговые интересы пересекались на всех морях.

Русы-дромиты, бывшие оплотом воинствующего язычества,³³⁷ и их единомышленники в Киеве и Новгороде, естественно, видели в итильском царе надежного союзника. Они решили использовать его силы и... оказались сами используемыми.

Да, заводить неискренних друзей бывает опасно, но, раз начавшись, цепь событий закономерно распутывалась полвека, пока инерция содеянного не иссякла и не заменилась другой, как часто бывает в этнической истории.

Но даже если традиционная версия справедлива, то придется признать, что успехи Олега и обилие добычи – преувеличение, характерное для авторов той эпохи, а вывод – союз Олега с хазарским царем против греческого автократора – остается в силе.

Такая коллизия была выгодна обоим партнерам, но за счет кого? Как мы видели, «дромиты» при всей храбрости и маневренности не могли соперничать с регулярными, обученными войсками. Хазарские наемники из Гургана и Табаристана были войском стойким, но уж очень дорогим. Кроме того, они отказывались сражаться против мусульман, а конфликты иудеев с мусульманами иногда возникали. Но была еще одна боеспособная армия – славянские «вой» и их финноугорские соседи, которых можно было легко мобилизовать и бросить против греков и дейлемитов не разбойничьи шайки, а целые армии.

Боеспособность славян была общеизвестна. «Народ страны русов... воинственный. Они воюют со всеми неверными, окружающими их, и выходят победителями. Царя их зовут хакан русов. Среди них есть группа из моровват», – пишет Персидский аноним IX в.³³⁸ Под

³³⁶ См.: Византийский временник. Т. 42. С. 152.

³³⁷ См. там же. С. 150.

³³⁸ Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 399.

последними понимались воины-профессионалы, составлявшие с ополчением одно целое.³³⁹ Вот это-то славянское войско решили использовать рахдониты и норманны, заставив славянских юношей платить дань кровью. Самим славянам походы на Каспий и на Понт были не нужны. Но каган Хазарии и конунг Киева нашли способы заставить их идти на гибель ради своих корыстных целей. Да, тяжело жить под властью иноплеменников!

³³⁹ См.: Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1980. С. 185–195.

VIII. Бросок химеры (899–944)

44. На рубеже IX–X веков

Мир вокруг Хазарии менялся. Самых хазар эти перемены не касались, но купцам-рахдонитам стало невесело. Поставщик шелка Китай лежал в развалинах после грандиозного крестьянского восстания Хуан Чао и подавления его последними хуннами – тюрками шато, спасшими династию Тан. Китайские крестьяне были особенно озлоблены против иноземных купцов, колония которых в Гуанчжоу была полностью вырезана в 879 г. То же самое повторилось в Чанъани в 881 г. Еврейские купцы, находившиеся в эти годы в Китае, погибли, имущество их было разграблено, караванный путь оставлен без присмотра, дамбы на Хуанхэ не ремонтировались, и за полвека произошло 9 прорывов, т. е. огромных наводнений.

И неудивительно, что вывоз шелка приостановился, а ведь это был главный источник дохода рахдонитов.

Столь же неблагоприятно сложились обстоятельства на Западе. Каролинги, поддерживавшие евреев, потеряли доверие своих подданных. Сначала им отказали в покорности французы, выбравшие королем Эда Парижского. После его ранней смерти французские феодалы продолжали войну с императорами до полной победы – избрания королем Гуго Капета в 987 г. Евреям стало трудно жить во Франции.

Более благоприятно сложилась для них ситуация в Германии. Саксонские короли, сменившие Каролингов, взяли еврейских купцов под свое покровительство и обеспечили им торговую трассу через Арелатское королевство и Тулузский палатанат в Испанию.

Но мусульманские халифы Испании нуждались не в шелках и мехах, а в рабах. Следовательно, надо было доставать юношей и девушек, а родители, как правило, их не отдавали.

Багдад переживал тяжелое время. Страна вокруг него была разорена восстаниями черных рабов – зинджей и бедуинов-карматов. Там тоже покупали рабов – гулямов – для пополнения армии. А так как с 866 г. власть в Багдаде от халифов перешла к тюркским гвардейцам, то их командиры охотнее всего покупали своих земляков. Добывание рабов стало насущной задачей рахдонитов, но это занятие было связано с войной. А война – дело рискованное и дорогое.

Конечно, можно было бы рекомендовать рахдонитам сменить профессию и заняться, например, разведением арбузов и пастьбой баранов, но для этого пришлось бы отменить закон необратимости эволюции. Не для того их предки создавали разветвленную систему жесткого типа, чтобы просто перечеркнуть все усилия, подвиги, достижения и, наконец, роскошные условия жизни, которых они добились за сто лет трудов и побед. Жесткая система потому и бывает крепка, что она при создании своем приноровлена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная система эластична, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения.

Иудейская Хазария – образец жесткой системы, окружающие Хазарию евразийские этносы – дискретные системы. В IX–X вв. изменения географической среды (вследствие переноса пути циклонов на север, в лесную зону Евразии) могли быть для этнохозяйственных систем либо полезны, либо вредны, но не нейтральны. А поскольку интересы евреев и хазар в химерной целостности каганата были противоположны, то климатические колебания отражались на истории Восточной Европы и Великой степи.

45. Гнев стихий

До тех пор пока увлажнялись степи и высыхали в Волго-Окском междуречье болота, Каспийское море вело себя тихо. Оно стояло на абсолютной отметке – 36 м, благодаря чему обширные площади плодородной земли в низовьях Волги были заселены земледельцами. К началу X в., когда Волга превратилась из тихой реки в бурный поток, собравший влагу дождей, выпавших на огромной площади от Валдая до Урала, уровень Каспия поднялся до отметки – 29 м.³⁴⁰

Для обитателей южной окраины Каспийского моря это существенного значения не имело. Берега там крутые, кругом горы. Поднялось море, залило прибрежную крепость... ну и пусть. Но для пологого северного берега подъем уровня моря имел огромное значение. Поля, сады и виноградники оказались под водой Волги, стоявшей на подпоре. Использовать залитые земли было невозможно, люди стали селиться на вершинах бэровских бугров, ожидая времени, когда уйдет вода. А вода все поднималась. Приходилось подаваться в степь.

Но и в прибрежных урочищах не было спасения хазарам. Лишенная дождей степь превращалась в полупустыню, а эта последняя – в пустыню, в которой не могли жить даже кочевники. В X в. карлуки покинули берега Балхаша, чтобы поселиться в оазисах Средней Азии, печенеги ушли с берегов Аральского моря на берега Черного, а гузы сдвинулись к Уралу и Эмбе. Только куманы (половцы), населявшие западные склоны Алтая и южную полосу Западной Сибири, где в то время стояли сосновые боры,³⁴¹ не пострадали от засухи. Их спасли многоводные реки, окружавшие с востока и запада Барабинскую степь.

Легче было на западной окраине Великой степи, на берегах Днепра, Донца и Дона, так как меридиональные токи в атмосфере способствовали нормальному увлажнению этой области. Поэтому печенеги, прорвавшись в Поднепровье, восстановили там поголовье скота, в том числе лошадей, а тем самым и воинскую мощь, благодаря чему могли держать себя независимо.

Поскольку восточные степи оказались весьма негостеприимными, хазары устремились на северо-запад и начиная со второй половины IX в. заселили террасы Нижнего Дона, куда принесли с собой культуру терского винограда. Четыре надпойменные террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляются черты азональности – колки леса, заросли ивняка и т. п., что обусловило образ жизни алан, хазар и казаков. Автору удалось в 1965 г. найти на Среднем Дону небольшое поселение, содержащее керамику всех эпох – от X до XII в., что указывает на культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов.

Разумеется, этой ветви хазар сравнительно с другими повезло. В 860 г. они приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины, вследствие чего установили дружбу с крымскими готами, греками и аланами. А прочие продолжали нести тяготы налогов, снизить которые хазарское правительство не могло, даже если бы оно этого хотело.

³⁴⁰ См.: Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии; он же. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века // Вестн. ЛГУ. 1966. № 18. С. 81–90; он же. Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии (Опыт историко-географического синтеза) // Народы Азии и Африки. 1966. № 4. С. 85–94.

³⁴¹ См.: Грибанов Л. Н. Изменение южной границы ареала сосны в Казахстане // Вестник с.-х. науки (Алма-Ата). 1965. № 6. С. 78–86.

Русь в конце XI – начале XII в.

Но от засухи и наводнений совершенно не пострадали хазарские иудеи. Они жили в городах, в комфортабельных деревянных домах, теплых зимой и прохладных летом. Пищу они покупали на базаре. Караванчики, проходившие через Итиль, платили за все, не торгуясь, так как перекладывали растущие расходы на покупателей в Китае и Провансе.

Поэтому на социальные отношения внутри иудейской общины природные явления не оказывали никакого влияния: их воздействие амортизировалось в хазарском этносе, вмещавшем общину. Ослабление кочевников, стада которых мерли от бескормицы, было иудеям только на руку: и мясо можно было купить дешево, и слабый враг не опасен. Поэтому в X в. активность хазарского правительства не снизилась, а возросла. Следовательно, должны были начаться жестокие войны... и они действительно вспыхнули на юге и западе.

Но не на севере! Перенос пути атлантических циклонов в лесную зону был сопряжен с обильными снегопадами, затяжными летними и осенними дождями и соответственно заболачиванием лесных полян, т. е. мест наиболее перспективных для примитивного земледелия. Хозяйство этносов Волго-Окского междуречья было подорвано. А значит, и сила их сопротивления иноземным захватчикам ослабла. Если в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили ее почти всю. В состав Хазарии вошли: бургасы (на Средней Волге), болгары,³⁴² (на Нижней Каме), сувазы (чуваши на Верхней Волге)³⁴³ арису (мордва эрзя), черемисы (мари, в Заволжье), вятичи (на Оке), северяне (на Десне) и славяне, «под которыми подразумеваются другие славянские племена».³⁴⁴

Рубеж IX–X вв. – это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, перед которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?

46. Вокруг Каспийского моря

Торговые пути были нервами иудейской Хазарии, но Каспийское море слишком часто бывает беспокойно, протоки Волжской дельты в устьях мелеют и непроходимы для крупных морских кораблей, а восточные берега безводны и безлюдны. Поэтому правительство не завело собственного флота, предпочитая пользоваться караванными путями в обход Каспийского моря.

Наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар и Великую Пермь. Второй путь шел через Мера, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через плоскогорье Устюрт – ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар. Недостатком этого маршрута было то, что он пролегал через кочевья гузов, печенегов и башкир, причем последние считались жуткими головорезами, а первые при проходе Ибн-Фадлана через их земли решали: разрезать ли послов халифа пополам, или, раздев догола, отпустить назад, или выдать послов хазарам в обмен на своих находившихся в плену; но потом Ибн-Фадлана пропустили дальше.³⁴⁵

Другая дорога из мусульманских стран Средней Азии шла через Нижнюю Эмбу и низовья Яика прямо на Волгу, в Итиль. Этот путь был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км (нормальный переход каравана). Но, несмотря на все принятые меры, восточный путь был длиннее и труднее западного, кавказского. И использовался он только тогда, когда не было другого выхода.

Но море тоже не оставалось пустым: по нему плавали корабли русов из Итиля в Гурган, где перегружали товары на верблюдов для отправки в Багдад. Разумеется, и этот путь был

³⁴² Сын болгарского эльтебера был заложником у хазар, а «дочерей хазарский царь требовал себе в гарем» (Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 141).

³⁴³ См.: Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 139 и примеч. 599.

³⁴⁴ Артамонов М. И. История хазар. С. 385.

³⁴⁵ См.: Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 129.

под контролем хазарского царя, который был кровно заинтересован в том, чтобы купцы по этим путям проходили беспрепятственно и чтобы доходы поступали в его казну регулярно.

Торговым операциям не мешал даже развал халифата, когда эмиры переставали подчиняться халифу и оставляли собранные налоги себе. В 866 г. тюркские наемники взяли Багдад и сменили халифа на своего ставленника. Это был конец господства арабов в государстве, созданном их предками.³⁴⁶

Перемены коснулись и Кавказа. В 859 г. была восстановлена Ганджа, где укрепились арабские правители из племени шайбан. В 869 г. в Дербенте пришли к власти Хашимида, арабы из племени сулайм. Но те и другие, будучи правоверными суннитами, не порывали отношений с Багдадом и наместниками Азербайджана – Саджидами.³⁴⁷ Поэтому у хазарского царя не было повода для беспокойства.

Но совсем по-иному пришлось реагировать на шиитское движение иранских народов, живших на южном берегу Каспийского моря. В 867 г. горцы Табаристана, поднявшие восстание под знаменем Алидов, отделились от халифата.

Области Южного Прикаспия, защищенные с севера морем, а с юга – могучим хребтом Эльбурса, были надежным убежищем для древних этносов, сохранивших фактическую независимость и при Селевкидах, и даже при Сасанидах. Арабское завоевание тоже не нарушило течения жизни горцев Эльбурса, так же как горцев Астурии, Басконии и Киликии, хотя и вызвало ненависть к арабам. Влияние ислама, принятого лишь в 842 г., было ничтожно, а потому шиитская пропаганда, по сути дела антиарабская, нашла в Дейлеме и Табаристане подходящую почву. Эти горцы охотно шли сражаться не за Алидов, а против Аббасидов. И чем более слабел Багдадский халифат, тем грознее становилась сила дейлемитов, реликта, не растратившего своих сил, как арабы и персы, и достойного противника степных тюрок, единственной боеспособной армии суннитских владык.

Областью, поставлявшей хазарским царям наемников, был Гурган³⁴⁸ – «волчья страна», расположенная на юго-восточном берегу Каспия. Воинственные обитатели этой бедной земли охотно оправдывали свое прозвание – «волки» – и продавали свою доблесть тем, кто за нее платил. Официально Гурган подчинялся наместнику Хорасана, где правили потомки персидских аристократов Тахириды, правоверные сунниты.

В 872 г. вождем восставших шиитов Табаристана Хасан вторгся в Гурган и завоевал его, а потом захватил богатые города Казвин и Рей (Тегеран). Хазарские иудеи сразу лишились и удобного караванного пути, и храбрых наемников, переставших поступать в Итиль. Эпоха миролюбия кончилась. Война с шиитами стала для хазарских евреев насущной необходимостью.

Для войны с мусульманами нужны были воины-язычники, т. е. скандинавские варяги. Хазарский царь пригласил дружину Хельги (Олега), посулив варягам раздел Восточной Европы и поддержку за уничтожение Русского каганата и Аскольда.

Конунг Олег в 882 г. овладел Смоленском и Киевом, а к 885 г. подчинил себе северян и радимичей, до того бывших данниками Хазарии. Это его погубило.

47. Обманутый союзник

Ни варяги, ни рахдониты, заключая договор о разделе сфер влияния, не собирались его соблюдать. Варяги не могли осуществить завоеваний за пределами речных долин. Поэтому

³⁴⁶ Мюллер А. История ислама. Т. II. С. 223.

³⁴⁷ См.: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 40.

³⁴⁸ Гурган – от персидского слова «гург» – волк; это древняя Гиркания, по-арабски – Джурджан.

они компенсировали себя богатым Киевом. Но Киев оказался ловушкой, ибо иудеи могли теснить варягов степной конницей своих союзников.

Полного завоевания Киева хазарскими евреями не произошло. В Кембриджском анониме перечислены враги хазарской иудейской общины: «Асия (асы – осетины), Баб-ал-Аббаб (Дербент), Зибух (зихи – черкесы), турки (венгры), Луз-ния (ладожане, т. е. варяжские дружины Олега)»,³⁴⁹ которые быстро проиграли войну с хазарскими евреями, но удержались в Киеве, так как их прикрывали со стороны степи мадьяры. Однако вскоре мадьярам пришлось туго, потому что против них и варягов хазарские иудеи подняли славянские племена тиверцев и уличей.³⁵⁰ А когда в 895 г. на мадьяр напали болгары и печенеги, вырезавшие их жен и детей, мадьяры покинули Леведию и ушли в Паннонию, а покинутые ими степи заняли победоносные печенеги.³⁵¹ И Византия не могла вмешаться в эту войну, потому что ее силы были связаны болгарами царя Симеона, шедшими по Балканскому полуострову от победы к победе. Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников – мусульман-суннитов. Около 900 г. купеческая организация рахдонитов стала гегемоном Восточной Европы. Но не раньше.³⁵²

Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов.

Благоприятно для хазарского царя сложились дела в Средней Азии, где власть попала в руки просвещенных Саманидов, покровителей городов, а тем самым и международной торговли.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазандерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табаристане была призрачной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера – Каспийское море, они могли держаться, так как «ни Саманиды, ни хазары не имели флота».³⁵³ Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазандеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот – 500 кораблей – с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами.³⁵⁴ Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям.

³⁴⁹ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 123.

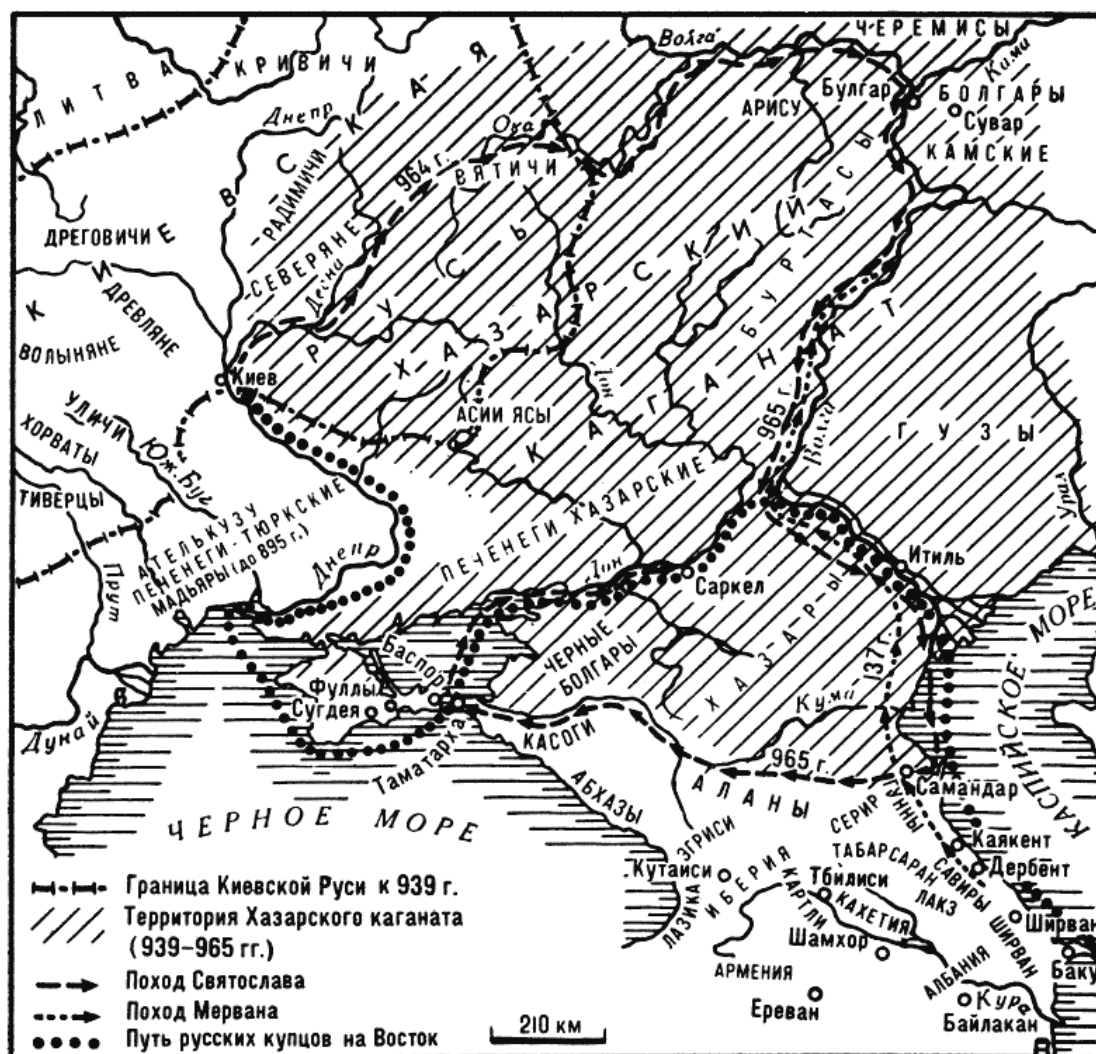
³⁵⁰ ПВЛ. Ч. I. С. 21.

³⁵¹ Grousset R. L'Empire des Steppes. Paris, 1960. P. 238.

³⁵² См.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (Опыт критического комментария) // Русская литература. 1974. № 3. С. 171–173.

³⁵³ Масуди; цит. по: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 198–201.

³⁵⁴ Они названы «аджам», т. е. «не-мусульмане». См.: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 199.

Хазарский каганат в X в.

Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана.³⁵⁵

Всю первую половину X в. дейлемиты развивали успех. Часть их двинулась на юг, захватила Фарс, Кирман, Хузистан и, наконец, в 945 г. Багдад, где их вожди в течение 110 лет держали под своей опекой халифов. Другая часть подчинила в 914 г. Азербайджан и дошла до Дербента.³⁵⁶ Каспийская торговля оказалась под контролем недругов Хазарии, точнее — врагов хазарской торговли.

³⁵⁵ См.: Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 249.

³⁵⁶ См.: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 215.

Ущерб был большой, но поправимый, потому что оставалась караванная дорога восточнее Каспия. В 913 г. хазары в союзе с гузами разбили восточных печенегов, кочевавших между Волгой и Яиком.³⁵⁷ Это отчасти компенсировало им потерю союзников в Закавказье – Саджидов, но господство грубых и свирепых дейлемитов в Иране и Азербайджане отравляло жизнь хазарским евреям.

И самое досадное, что против них нельзя было послать верных наемников-суннитов из Гургана, ибо повелитель правоверных – багдадский халиф отдавал приказания через дейлемских эмиров, а те не допускали, чтобы он приказал убивать их братьев руками мусульман. Следовательно, надо было опять поднимать русов на войну за торговые интересы еврейской общины, а русы после предательства 913 г. не стремились повторять походы на Каспий.

Конечно, можно было бы мобилизовать самих хазар, хотя бы ту их часть, которая была обращена в православие еще в VIII в., но на это правительство не решилось, надо думать, не без оснований. Хазары никаких выгод от торговли не имели, и воевать им было не за что. Поэтому события потекли по иному руслу.

48. Враги обновленной Хазарии

Всегда было известно, что война – дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение.

Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии. Но этнические различия между ними не давали им возможности объединиться. Зато итильское правительство легко могло натравливать их друг на друга, используя старые, но не забытые межплеменные счеты. Еще в IX в. царь Вениамин вел войну против асов (осетин), «турок» (мадьяр), «пайнилов» (печенегов) и «македона» (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X в. М. И. Артамонов датирует это событие 932 г. и связывает с ним гонения на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан.

В 922 г. глава камских болгар Альмуш принял ислам и отделил свое государство от Хазарии, рассчитывая на помощь багдадского халифа, который должен был запретить мусульманским наемникам воевать против единоверцев. Кроме того, он просил у халифа денег для постройки крепости против «иудеев, поработивших его».

Халиф приказал продать конфискованное имение казненного визиря и вручить деньги послу Ибн-Фадлану, но покупатель «не смог» догнать караван посольства,³⁵⁸ и крепость в Булгаре построена не была, а хорезмийцы в X в. уже не обращали внимания на приказы ослабевших багдадских халифов, поскольку они касались не духовных, а мирских дел.

Вероотступничество не укрепило, а ослабило Великий Булгар. Одно из трех болгарских племен – суваз (предки чувашей) – отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья. Расколота болгарская держава не могла соперничать с иудейской Хазарией.³⁵⁹

Похожим было положение у гузов. В 921 г. один из их вождей принял было ислам, но соплеменники предложили ему отречение либо от новой веры, либо от власти.³⁶⁰ Гуз вернулся к древним богам.

³⁵⁷ Grousset R. L'Empire... P. 238.

³⁵⁸ См.: Ковалевский А. П. Указ. соч. С. 133.

³⁵⁹ Там же. С. 139.

³⁶⁰ Там же. С. 127.

Итак, попытки освободиться от иудеев при помощи мусульман оказались обреченными на неуспех. Это учли русы и славяне (поляне), поставленные варяжскими захватчиками в положение отнюдь не благоприятное, что старательно затушевывал летописец Нестор. К счастью, у нас есть возможность восполнить опущенные им сведения.

Хазары собственной монеты не имели, используя арабские диргемы. Какая-то часть этих денег, естественно, оставалась у подданных хазарского царя. Ареал диргемов с куфическими надписями в 883–900 гг. доходил до восточной границы Русской земли, т. е. ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии.³⁶¹ После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли, что показывает на включение ее в экономическую систему Хазарии. Эти диргемы не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909–910 гг., т. е. за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов, за подавление древлян в 914 г., за войну с печенегами в 920 г., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет.

Само собой понятно, что варяжское правительство не могло быть популярным среди славянского населения Поднепровья. Это подметил С. М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с беззащитных славянских племен.³⁶² Так оно и было.

Если верить летописи, не отмечающей с 920 по 941 г. ни одного события отечественной истории, то надо признать русичей трусами и обывателями, не способными ни отомстить за преданных и убитых соотечественников, ни отстоять свое добро от сборщиков дани, переправлявших награбленное имущество в Итиль. Но верить надо не летописи, а совокупности сведений: последние же показывают, что хазарским евреям приходилось все время подавлять народные движения и русы доставляли им немало хлопот. Кроме того, менялось международное положение, и это весьма сказывалось на судьбе евреев, не только хазарских, но и соседних. А это, в свою очередь, оказывало воздействие на внешнюю политику Хазарии.

Хазарские иудеи могли не опасаться раздробленных на партии и султанаты мусульман, но им приходилось считаться с растущей силой Византии, где пришла к власти Македонская династия. Все православные христиане были потенциальными союзниками Византии, а число их благодаря деятельности Кирилла и Мефодия росло. В 867 г. произошло первое крещение Руси,³⁶³ и вряд ли будет ошибочным предположение, что варяжское завоевание остановило приобщение Руси к православию. А кому это было на руку? Только хазарским евреям!

Разумеется, греки не могли ликовать по такому поводу, тем более что хазарская торговля питала Багдад, а хазарская дипломатия натравливала болгар на Константинополь. С другой стороны, византийские евреи не проявляли привязанности к странам, где их не любили и обижали. Поэтому «ряд евреев примкнул к нему (хазарскому царю) из мусульманских стран и из Византийской империи». Согласно Масуди, «причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г.) и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар».³⁶⁴

³⁶¹ См.: Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор в становлении Древнерусского государства // Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970. С. 203–206.

³⁶² См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен.

³⁶³ См.: История Византии. Т. II. С. 229.

³⁶⁴ Цит. по: Минорский В. Ф. Указ. соч. С. 193.

Вполне понятно, что отношения между христианами и иудеями обострились, и... потекла кровь.

49. Подвиги полководца Песаха

Греко-хазарский конфликт, в котором отразилось армяно-еврейское соперничество,³⁶⁵ не мог пройти незамеченным на Руси.³⁶⁶ В Киеве должна была появиться надежда избавиться от обременительного союза с Хазарией путем союза с далекой Византией. Поэтому эмиссары Романа Лекапина смогли «подстрекнуть»³⁶⁷ киевского князя на участие в войне Византии против Хазарии, начавшейся в 939 г.³⁶⁸

Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т. е. убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т. е. Олег), хотя, по «Повести временных лет», в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу – имя собственное, то это был тезка Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т. е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван «царем России».³⁶⁹

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива), «потому что не было там начальника, раб Хашмоная». Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г.³⁷⁰ и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей – город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свенельда³⁷¹

Отсюда видно, что война велась на обширной территории, весьма продуманно и целенаправленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т. е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой общины Итиля.

³⁶⁵ Василий Македонянин был армянин, переселившийся в Македонию. Эпоха Македонской династии была временем преобладания армян при дворе и в управлении.

³⁶⁶ Русь в узком смысле включала три города: Киев, Чернигов и Переяславль.

³⁶⁷ См.: Коковцов П. К. Указ. соч. С. 117.

³⁶⁸ Об этой войне подробно рассказывает Кембриджский аноним, еврейский автор XII в. Несмотря на аморфность повествования, достоверность событий подтверждается историческим анализом (см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани... С. 168).

³⁶⁹ См.: Коковцов П. К. Указ. соч. С. 117.

³⁷⁰ ПВЛ. Ч. II. С. 254.

³⁷¹ См.: Шахматов А. А. Разыскания... С. 102–103.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало Днепровское левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново).³⁷² Русы выдали победителю свое лучшее оружие – мечи.³⁷³ и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен правобережья, т. е. с древлян (см. ниже). Завоеванные земли уличей и тиверцев – в низовьях Днестра и Дуная – попали в руки печенегов.³⁷⁴ Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей.

Русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато Еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению «досточтимого Песаха» на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря тоже неизвестно), который «воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар».³⁷⁵

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в «Повести временных лет», несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на Северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали (sic!), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа, жгли монастыри и церкви,³⁷⁶ несмотря на то, что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

³⁷² См.: Зайцев А. К. Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 67–68.

³⁷³ См.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани... С. 170.

³⁷⁴ См.: Берлин И. Указ. соч. С. 147–149.

³⁷⁵ Коковцов П. К. Указ. соч. С. 120.

³⁷⁶ ПВЛ. Ч. I. С. 33, 230.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.